

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
"ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ"»

С. Г. Светуньков

**ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ:
РОССИЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2017

**ББК 63.3
С24**

Светуньков С. Г.

C24   Опыт моделирования социально-экономической динамики: Россия / С. Г. Светуньков. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 207 с.

ISBN 978-5-7310-3790-7

Об истории России XX века написаны тысячи книг. Столько же книг написано и на тему политического и социального устройства СССР. Изучая эту литературу, можно узнать многочисленные подробности того, как всё происходило, но при этом нельзя понять – а почему это происходило? Причинно-следственные связи остались скрытыми от исследователей.

В данной монографии предлагается использовать модель социальной динамики, описывающую динамическую взаимосвязь социальных групп, которые имеются в любом обществе, – обывателей, маргиналов и люмпенов. Эта модель социально-экономической динамики, применённая к истории Российской империи и её трансформации в Советский Союз, с последующей его трансформацией в современную Россию, показывает свою хорошую описательную способность. Она может быть распространена и на другие страны постсоветского пространства и бывшего «социалистического лагеря».

Книга подготовлена так, чтобы она была интересна не только академическому сообществу – экономистам, политологам и социологам, но и более широкому кругу читателей – всем, кому интересны происходящие общественно-политические и социально-экономические события.

ББК 63.3

Рецензенты:

д-р экон. наук, проф. **И. А. Аренков**, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
канд. экон. наук, доц. **А. В. Волков**, Акционерное общество «Тандер», Краснодар

ISBN 978-5-7310-3790-7

© С. Г. Светуньков, 2017

Посвящается 100-летию
Февральской и Октябрьской революций
в России 1917 года

ВВЕДЕНИЕ

Любое отображение реальности – это модель. Учёный, работающий с образами реальных объектов, всегда оперирует моделями. Другое дело, что сами модели могут быть словесными, графическими, математическими или аналоговыми.

Автор монографии привык в основном иметь дело с моделями математическими, но истории СССР и современной России, которые попали в круг интересов, не могут быть изучены с помощью математических методов. Наука только приступила к такой попытке, формируя раздел «клиометрика». Математические модели могут быть использованы тогда, когда показатели изучаемого объекта и факторы, воздействующие на него, измерены в числах высших метрических шкал. А в истории более всего приходится оперировать словесными моделями.

Данная монография посвящена всё-таки не истории, а некоторому системному обобщению истории, социологии и экономики. Для того, чтобы понять – что же произошло и происходит в России, нужно не просто рассматривать факты об истории СССР в их естественном течении, а вскрыть механизм этого течения. И здесь нам на помощь приходит взгляд на общество как на сложную совокупность различных социальных слоёв, занимающих положение в обществе благодаря наличию у них экономических ресурсов и следующих за ним ресурсов социальных и политических.

Всегда так было, так есть и в ближайшее время так будет, что отдельные личности, находящиеся на нижних социальных слоях общества, стремились в высшие слои общества. Рассмотрение того, как это происходит, позволяет вскрыть глубинные механизмы советской власти и историческую связь её с властью современной российской, а если брать шире – постсоветской, поскольку большая часть независимых сегодня республик бывшего СССР существует таким же образом, что и Россия.

В этой книге предлагается часть теории социальной динамики, а именно – теория движения и взаимосвязи социальных слоёв – обывателей, маргиналов и люмпенов. Любая теория, по определению, – это объяснение реально существующего явления. Поскольку я объясняю механизм существования власти в СССР и в современной России, то это действительно теория. Она опирается на проверенные данные и факты, она базируется на современных научных теориях, а потому является научной теорией. Но не все научные теории верны. Вполне возможно, что и моя

теория ошибочна, но пока что с её помощью мне удаётся объяснить, а иногда и предсказать то или иное явление в российской политике и экономической жизни страны, а это – важный аргумент в пользу верности излагаемой ниже теории, поскольку никто ещё не отменил правило о проверке теории практикой.

Обычно, когда социологи и политики говорят о люмпенах и о маргиналах, они всегда утверждают, что это – различные понятия. И пытаются показать эти различия. Но, на мой взгляд, эти определения совсем не полные и не дают возможности однозначно идентифицировать индивидуумов, относящихся к тому или иному типу. К тому же свойства, данные в этих определениях, далеко не полные, поэтому не ясно – чем люмпен отличается от бродяги? Или бродяга и люмпен – это одно и то же? Кроме того, почему люди часто используют понятия «люмпен» и «маргинал», смешивая их друг с другом? Не потому ли, что между ними есть некая взаимосвязь? Разделяя эти понятия, учёные не обращают внимания на те свойства, которые объединяют маргиналов и люмпенов. А ведь и маргиналы, и люмпены являются важными элементами социальной, экономической и политической структуры общества. Через изучение этих типов социума, через выявление взаимосвязи между ними и можно понять как строение, так и диалектику развития общества.

Правильно говорят многие социологи, что маргиналы играют крайне важную роль в образовании новых социальных общностей – религиозных, профессиональных, политических. Но расписать эту роль никто не взялся, по крайней мере, мне не удалось найти такого автора. Более того, упоминая про маргиналов и люмпенов в полемическом задоре, никто в полной мере не рассматривает их роль как в бывшем СССР, так и в современной России. В постсоветской литературе укоренился штамп – бывший СССР – это номенклатурный заповедник. Правила в стране коммунистическая партноменклатура. Но ведь советская партноменклатура – это не вечно живущий и замкнутый класс! Это всегда была живая, развивающаяся социальная группа. Кто её пополнял? Кто её покидал? Как этот процесс происходил? Нет ответов на эти вопросы.

А как о номенклатуре говорят сегодня? Известный социолог Г. Дерлугян, например, пишет так: «Командная система создаёт собственных магильщиков. Прежде всего это сама номенклатура, которой просто хочется жить без страха перед диктатором, попользоваться благосостоянием и передать его детям. Решая малые обывательские задачи, чиновничество помимо своей воли заклинивает систему управления... У командного варианта индустриализации ограниченный срок действия, примерно одно поколение. Затем давление к демонтажу начинает расти не только сверху, от гос-

элиты, но и снизу, вернее, от новых средних слоёв специалистов, интеллигенции и рабочей аристократии... Отсюда и возникает демократизация – верхи не могут и боятся (за себя самих) использовать террор по-старому, а подчинённые не желают терпеть до гроба, как их родители» [13].

Ошибочность этой точки зрения опровергается историей современной Северной Кореи – верхи продолжают править, а низы подчиняются им. Правил дед Ким Чен, потом отец Ким Чен, а теперь – сын Ким Чен... А ведь Северная Корея – это только одно из направлений того явления, которое было открыто фактом создания СССР. Поэтому в вышецитируемом тексте, который, казалось бы, объяснил всё, что было, на самом деле – только поверхностное описание, но не объяснение.

Можно было бы ожидать от современных последователей марксового учения более детального изучения роли люмпенов и маргиналов в современном и чуждом им российском обществе, но про маргиналов они не пишут ничего, а по поводу люмпенов только повторяют слова К. Маркса. Например: «...капиталистический способ производства приводит к люмпенизации, невиданной для докапиталистических формаций, а поздний, т.е. развивающийся на основе своей зрелости, капитализм производит люмпенизацию в ещё больших масштабах, чем капитализм, впервые достигший зрелости. Наиболее зримым проявлением люмпенизации в современных развитых капиталистических обществах является безработица». И далее – «под люмпенизацией в данном случае понимаются процессы отделения производителя от труда (производства), процессы отчуждения субъектов от сферы общественного производства и общественно-полезной деятельности в целом, процессы деклассирования производителей. Люмпен-пролетариат – это продукт разложения (гниения) всех общественных классов, но в первую очередь эксплуатируемых, трудящихся классов. Это бродяги, нищие, попрошайки, преступники, проститутки и т.д. К люмпен-пролетариату в буржуазном обществе примыкают также и люмпенизирующиеся в результате безработицы слои пролетариата». И более того, «люмпенизация создаёт не только люмпенов в чистом виде, но и множество переходных ступеней к ним – и поллюмпены и четвертьлюмпены, которые встречаются в обществе чаще, чем люмпены в чистом виде» [92].

То есть с коммунистической позиции люмпены – это результат безжалостного механизма современного капитализма, который перемалывает людей и наиболее неприспособленных из них выбрасывает на улицу, делая люмпен-пролетариатом.

Ничего нового.

Я всё-таки по-другому смотрю на общество, на экономические отношения и вытекающие из этого политические и социальные отношения. Для меня и номенклатура – это не монолит. Иначе я рассматриваю маргиналов и люмпенов.

Маргиналы были, есть и будут в любом обществе, где есть социальная дифференциация и существует социальное неравенство. Они всегда формируют возможность, потенциал к изменениям, но не всегда этот потенциал реализуется в общественных изменениях. Точно так же и люмпены были, есть и будут в любом обществе с социальным неравенством. И если существование маргиналов в обществе – это некоторое положительное явление, поскольку именно они «двигают» общество вперёд, то о люмпенах этого не скажешь – они могут составить основу какого-либо положительного движения, если они подпали под влияние положительной харизматической личности, а могут составить основу разрушительной силы, если они объединились под влиянием личности, сеющей зло.

В этой книге рассматриваются маргиналы и люмпены в их естественном единстве и взаимосвязи. И в таком взаимодействии раскрывается суть того, что произошло с императорской Россией, что произошло с СССР и что сегодня происходит с современной Россией.

Эту книгу я писал более двух лет, хотя идея о написании такой книги у меня возникла давно. Начало интенсивной работе над ней положили события на Украине 2013–2014 гг., а потому уже в марте 2014 я написал первые строчки книги. И структура книги и её отдельные разделы мною неоднократно переписывались, уточнялись и расширялись. Хочу выразить глубокую благодарность жене Светлане и сыну Ивану, без чьей моральной поддержки эта работа мне бы не удалась. Очень важную помощь окказал мне мой брат Максим Геннадиевич Светуньков, чьи критико-конструктивные высказывания способствовали существенному изменению формы представления материалов книги и её структуры.

Март 2014 – январь 2017.

1. МАРГИНАЛЫ И ЛЮМПЕНЫ

Как это не покажется странным, но чётких и общепризнанных определений того, что же такое «маргинал» и «люмпен», в литературе нет. Речь при этом чаще всего идёт о «социальных группах, стоящих на низшей ступени социальной иерархии, окраинных слоях социума, социальном андеграунде. К этой категории относятся нищие, бездомные, бродяги, алкоголики, наркоманы, проститутки, уголовники... Обозначение представителей этих групп как «маргиналов» лексически было бы вполне оправданным, однако само понятие маргинальности является настолько нечётким и эластичным, что требует каждый раз уточнения» [47, с. 9]. Говоря о люмпенах и о маргиналах, всегда утверждают, что это – различные понятия. И пытаются показать эти различия. Чаще всего говорят так: маргиналы – это люди, которые деюре принадлежат к какому-либо социуму, они обладают собственностью и средствами на жизнь, но «находятся между двумя непримиримыми культурами, не относясь при этом целиком ни к одной из них», и принимают при этом некоторые характерные черты от обеих. А люмпены, в отличие от маргиналов, почти не имеют собственности: они либо бродягничают, либо живут в чужих домах и располагают только самыми необходимыми для жизни вещами.

Но, на мой взгляд, эти определения совсем не полные и не дают возможности однозначно идентифицировать индивидуумов, относящихся к тому или иному типу. К тому же свойства, данные в этих определениях, далеко не совершенные, например, почему маргинал не может находиться между тремя непримиримыми культурами? Каким образом он вдруг «застрелят» между культурами? А чем люмпен отличается от бродяги? Или бродяга и люмпен – это одно и то же? Похоже, что это – разные понятия, потому что их перечисляют в одном ряду: «...люмпены, проститутки, бездомные бродяги и прочие элементы, относящиеся к асоциальным элементам» [47, с. 14]. Но если почитать других авторов, то это не равные понятия, а выстроенные в некоторую иерархию подчинения: «люмпен-пролетариат – это... бродяги, нищие, попрошайки, преступники, проститутки» [93].

Разберёмся в этих понятиях и найдём взаимосвязь между теми, кого называют маргиналами и люмпенами.

Прежде всего – о маргиналах.

Маргиналы были, есть и будут в любом обществе, где есть социальная дифференциация и существует социальное неравенство. Это те люди, которые, находясь в одном из социумов, ощущают, что они обладают меньшими правами и привилегиями, чем представители другого социума, – не обязательно, но чаще всего, – находящегося на более высокой ступеньке пирамиды социального неравенства. Они считают, что по своим способностям

и другим характеристикам они должны принадлежать именно к этому социальному слою. Они разделяют нормы и ценности этого недосягаемого слоя и не приемлют нормы и ценности того социального слоя, в котором они находятся. Поэтому они всей душой желают покинуть тот социальный слой, где они находятся. Однако нормы и ценности того социального слоя, к которому маргинал стремится, ему известны только поверхностно – он ведь не принадлежит к нему, а только имеет представление о нём, и эта расплывчатость представлений приводит к тому, что в его сознании нет чётко сформировавшихся понятий о том, что именно он хочет, а потому маргинал находится на стыке не двух, а нескольких культур. В основе такого социального явления, как маргинал, лежит недовольство своим положением в обществе, а мотивирующим вектором служит возможность (или невозможность) перейти по каналу вертикальной или горизонтальной социальной мобильности в какой-то другой социальный слой. Иначе говоря, степень недовольства создаёт потенциал для движения по социальному лифту – чем сильнее это недовольство, тем выше потенциальная возможность сорваться с насиженного места в родном социуме и устремиться в новый.

Если в обществе имеются условия для успешного и безболезненного социального лифта, то число маргиналов в обществе невелико – каждый маргинал может реализовать свои устремления, трансформируя недовольство своим социальным статусом в движение в другие социальные слои. Чем ближе он к заветной цели, тем меньше накопленный ранее потенциал недовольства. Но если в обществе такой социальный лифт связан с затруднениями, или вообще отсутствует, то число маргиналов в обществе становится запредельно большим – они не имеют возможности покидать ненавистные им социумы и их потенциал к изменению собственного социального положения остаётся не реализованным. Этот нереализованный потенциал к движению выплескивается в окружающий мир самыми разными проявлениями недовольства – они ругают общество, критикуют своё окружение и власть, непрерывно брюзжат по любому поводу и в предельных случаях осуществляют асоциальные поступки. В обществе, где отсутствуют возможности для социального лифта, создаётся сильное социальное напряжение. Такое общество можно уподобить «пороховой бочке» – любое внешнее или внутреннее воздействие на социальную структуру будет поддержано маргиналами и накопленный потенциал недовольства реализуется в активное участие маргиналов в сломе существующих социальных структур.

Среди маргиналов всегда есть и такие, которые в определённый момент всё же решаются на перемены в жизни и покидают свой социум, устремляясь к желаемой страте. Это, кстати, вовсе не обязательно восхождение по вертикали социальной иерархии. Это может быть и горизонтальное перемещение, а может быть и перемещение по вертикали вниз. К последнему можно отнести

такое известное явление, как «толстовство», когда люди образованные и богатые покидали свои слои и устремлялись «в глубинку», в народ. Но чаще всего, конечно, маргиналы устремляются вверх по социальной лестнице.

Отсюда очевидный вывод – социальное движение в обществе происходит благодаря наличию в нём маргиналов. Поэтому чем более маргинализировано общество, тем в большей степени оно способно к изменениям в своей структуре, как социальной, так и политической и экономической.

Маргиналы всегда формируют возможность, потенциал к социальным изменениям, и далеко не всегда этот потенциал реализуется сменой социальной структуры, но он всегда реализуется трансформацией мировоззрения, а зачастую – сменой парадигм. В Древнем Риме, например, народы порабощённых стран и были в высшей степени маргинализированы – Древний Рим и времён Республики, и времён Империи был построен по сословному принципу и социальный лифт в том обществе был делом премноготрудным. Поэтому на благодатную почву пало семя христианства – религии униженных и угнетённых, о которой социалисты XIX века метко подметили, что эта религия обманывает бедных «векселями, подлежащими уплате на небе» [82, с. 64]. Недовольство большинства жителей Древнего Рима своим социальным положением в этом мире находило выход в утешении о том, что в загробной жизни им воздастся по заслугам, и они направляли свою жизненную энергию на отправление религиозных культов.

Как только в обществе появляются возможности для перемещения по социальной иерархии, многие маргиналы спешат воспользоваться этим. И этот переход маргиналов из одного социума в другой индивидуален. При этом общество представляет им возможность сделать это при помощи нескольких типичных путей, но прежде, чем обсудить эти типичные пути, посмотрим на то, кем становится маргинал, решивший уйти от своего социума в стремлении к высшему социальному слою. Он, приняв такое решение, покрывает со своим социальным окружением, но в новый социальный слой ещё не принят – социальный лифт определяется высокой степенью трудозатрат и затрат времени. Поэтому такой мгновенный переход осуществляется только в сказках.

В тот момент, когда маргинал покидает свой социум, он становится элементом асоциальным – не принадлежащим ни к какому социальному слою. У него, конечно же, остается часть прошлых социальных отношений. У него, без сомнения, появляются и новые социальные отношения с другими стратами, но эти отношения весьма слабые, неустойчивые, и потому в этот переходный период бывший маргинал становится асоциальным элементом. Как назвать этого бывшего маргинала, человека, «повиснувшего» в межгрупповом социальном пространстве? Как назвать этого «оторву»?

Немецкое слово *Lumpen* как раз и означает – обрывок, лохмотья, поэтому такого человека вполне можно назвать «люмпеном».

В научный обиход понятие «люмпен» было введено К. Марксом в сочетании со словом «пролетариат» – «люмпен-пролетариат». В книге «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркс так определяет всех тех, кого он относит к люмпен-пролетариату: это промотавшиеся кутилы сомнительного происхождения и с подозрительными средствами существования, авантюристы из развращённых подонков буржуазии, бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие, «словом, вся неопределённая, разношёрстная масса, которую обстоятельства бросают из стороны в сторону и которую французы называют *la bohème*» [39, с. 60].

Но люмпен-пролетариат – это только одна из разновидностей сложной группы асоциальных элементов, которых мы определили как люмпенов. Эта сложная группа элементов – люмпены – формируется не только за счёт решившихся на отрыв со своим прошлым маргиналов.

В обществе нередки случаи, когда сама социальная группа изгоняет из своих рядов какого-либо члена. Происходит это по самым разным причинам – чаще всего за нарушение норм и ценностей, которых придерживается социум, хотя бывают и случаи, когда изгнание из социума происходит в качестве демонстрации социуму силы со стороны его альфа-лидера – для профилактики, чтобы все остальные члены социума знали, что лидер не спит.

Человек поневоле может стать люмпеном, не проходя стадию маргинала, когда войны или природные катаклизмы разрушают привычную среду обитания человека, разрушают основу его экономической жизни и отрывают его от привычного социального слоя, порывая с которым человек вовсе не собирался.

Итак, причин появления в обществе люмпенов много, и наличие сильной маргинализации – одна из них. Поскольку люмпенами становятся самые разные люди с самыми разными навыками и житейским опытом, они и не образуют некий социум, а остаются асоциальными элементами, движущимися в разных направлениях. Какие это направления?

Первое из них старо как мир, и его выбирают многие маргиналы. Это – предпринимательская деятельность. Не самозанятость в виде некоторого ремесла, что у нас часто приравнивают к предпринимательству, не бизнес как способ существования, а настоящее предпринимательство: стремление заработать как можно больше и как можно быстрее – для движения с помощью накапливаемого капитала вверх по каналу социальной мобильности.

Эта часть людей, порвавших со своим социумом, считает, что в окружающем мире все мыслимые желания и собственную безопасность могут себе обеспечить только те, кто богат. А это почти всегда так и было – большие капиталы чаще всего обеспечивают личности защиту и от государственного, и от уголовного рэкета. А, кроме того, чем богаче человек, тем больше он может себе позволить, тем большее количество экономических и социальных благ он приобретает. Именно за счёт заработанного предпринимательской деятельностью капитала он может оказаться на той самой верхушке социальной лестницы, куда и стремился.

Склонность предпринимателя к быстрой наживе и способность пре-небречь многими общечеловеческими ценностями ради неё как раз и объясняется неудовлетворённым ещё желанием поскорее попасть в высший социальный слой, недоступный человеку без денег. Именно про такого обладателя капитала Карл Маркс писал, что он «...алчет денег просто в силу своей ненасытности. Будучи собственником-предпринимателем, ведущим бесконечную борьбу с сотнями таких же, он просто-таки должен стремиться к накоплению: в конкурентной среде, где он обитает, можно лишь накапливать или стать жертвой накопления других – третьего не дано» [37, с. 197]. И далее: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы» [37, с. 770].

Но после того как предприниматель достигает желанного социального слоя, его «предпринимательское вещество» улетучивается. Он становится членом одного из высших социальных слоёв и должен в этом социальном слое придерживаться его норм и ценностей. И если вдруг ради 300 процентов он пойдёт на преступление, как об этом писал Маркс, то тот социальный слой общества, к которому он так стремился, отвергнет его и скорее всего – навсегда. Поэтому бывший предприниматель, принятый в один из высших социальных слоёв общества, на преступление ради 300 процентов не пойдёт. Более того, получив искомый и с таким трудом обретённый социальный статус, он начинает делать на первый взгляд совершенно нелогичные действия – становится меценатом. Но, на самом деле, здесь ничего странного и нелогичного нет. Получив желанный социальный статус, человек перестаёт быть и маргиналом, и люмпеном. Он, заработав большие капиталы, попал в тот самый социальный слой, о принадлежности к которому мечтал. И деньги перестали играть роль инструмента социального лифта.

Бывшие предприниматели должны демонстрировать новому социуму, принявшему их, свою лояльность к нормам и ценностям этого социума, в том числе и способность к благотворительности [57].

Предприниматель – это люмпен, который продвигается по каналу социальной мобильности в высшие социальные слои общества посредством организации самостоятельного бизнеса – на свой страх и риск. Предприниматель при этом использует два основных ресурса – заёмный (чаще всего) капитал и наёмный труд. Пока предприниматель не достигает желанного социума, он остаётся маргиналом, занимающимся бизнесом. На промежуточных этапах своего роста он попадает в самые разные промежуточные социальные слои, но ни с одним из них он себя не идентифицирует. Он недоволен своим положением и будет оставаться маргиналом до тех пор, пока не войдёт в тот социальный слой, к которому он стремится всеми фибрами своей души.

Говоря о высшем социальном слое для предпринимателя, необходимо иметь в виду, что у каждого, кто начинает свой путь предпринимателя, имеются отличные от других свои конечные цели, свой слой социума, к которому он стремится. Кому-то из них вполне достаточно в результате предпринимательских действий стать хозяином магазина в родном селе с тем, чтобы, став владельцем магазина, жениться на девушке из семьи владельца подобного же магазина; кому-то хочется стать крупным денежным воротилой, и он не остановится до тех пор, пока не станет владельцем или совладельцем крупной финансовой фирмы, и т.п. Предприниматели стремятся не в один социальный слой, а в разные, но неизменно находящиеся на более высоких уровнях социальной иерархии.

Дети предпринимателя чаще всего не участвуют в предпринимательской деятельности, а пользуются его капиталами. Они уже формируют своё мировоззрение в том социальном слое, к которому стремился их родитель. Поэтому они не являются маргиналами и не становятся предпринимателями, а просто продолжают дело своего родителя, становясь бизнес-персонами и вовсе не стремясь в более высокие социальные слои. Это отмечал и Й. Шумпетер [87] и Альфред Маршалл: «Очевидно, что сын человека, уже занимающего прочное положение в бизнесе, начинает своё продвижение, имея большие преимущества перед другими... но потомки, несмотря на все их огромные преимущества, часто не обнаруживают достаточно способностей, особого склада ума и энергии, необходимых для столь же успешного ведения дела... В большинстве случаев потомки предпринимателя... предпочтуют получать достаточно богатый доход без приложения собственных усилий, чем доход даже вдвое больший, который, однако, может быть заработан лишь непрестанным трудом и кипучей энергией, и они продают предприятие частным лицам либо акционерной компании или же остаются

в нем в роли безучастных партнёров, т.е. продолжают делить его риск и его прибыли, но не принимают участия в управлении им; в любом из этих случаев действенный контроль над их капиталом попадает в основном в руки новых людей» [40, с. 383-385].

Но путь предпринимателя сложен и труден. К тому же не каждый человек способен к предпринимательской деятельности, поскольку предпринимательство – это очень сложная работа, требующая и особой квалификации, и особого склада ума, и очень сильного характера.

Поэтому многие маргиналы, желающие продвижения вверх по социальной лестнице общества, но не способные к предпринимательству, своё желание перейти в другой социум реализовывают через второй вариант – общественно-политическую работу. Раньше они угождали монархам, выполняя их самые разные желания и капризы (Александр Данилович Меншиков, например). Сегодня они примыкают к правящим политическим партиям или к влиятельным общественным организациям и через упорную работу в них осуществляют движение по социальной вертикали. В этом продвижении им нужно уметь лавировать и угождать, поступаться своими принципами и убеждённо отстаивать принципы других, более влиятельных, лиц. И они постепенно становятся членами политического истеблишмента, т.е. людьми, умеющими договариваться с собственной совестью на выгодных условиях для себя. Занимаясь политикой, они получают льготы и привилегии, они начинают общаться с людьми из высших социальных слоёв общества. Они примыкают к властной элите, навсегда распрошавшись с тем социальным слоем, который они покинули. Впрочем, люмпенами они являются до тех пор, пока их не принял к себе, пусть даже и на самые низшие роли, правящий социум. Как только они туда попали, они перестают быть люмпенами, но, недовольные своим местом в социуме, являются маргиналами.

Есть и ещё одна крупная группа люмпенов, которые не могут быть ни предпринимателями, ни политиками. Эта группа, действующая в третьем направлении – по принципу «знание – сила». Эти маргиналы отрываются от своего социума, повышая свои знания и мастерство, т.е. через образование. Из этих люмпенов после того, как они получают нужную квалификацию, непрерывно пополняются группы учёных, художников, артистов, литераторов и пр. – все те группы, которые в России называются «интеллигенцией». Они, приобретя новые знания и соответствующее ремесло и принятые новым для себя социумом, живут в нём, занимаясь творчеством и в некоторых случаях при этом ещё и неплохо зарабатывая.

Во всех трёх рассмотренных случаях маргиналы, покинувшие свой социальный слой и ставшие на время люмпенами, или же люмпены поневоле, достигнув своей цели и влившись в желанный социальный слой, перестают

быть маргиналами, перестают быть люмпенами, а становятся обывателями (человек, полностью приспособленный к окружающему миру, с нулевым уровнем пассионарности). Именно это движение: маргинал – люмпен – обыватель, и составляет основу социального движения общества.

Но есть в обществе маргиналы, которые не видят в окружающем обществе тех социальных групп, к которым они хотели бы принадлежать. Они хотят жить в ином, новом, и ещё не существующем социуме, который следует создать. Если такие маргиналы порываются со своим социумом, стремясь реализовать мечту о новом, они становятся люмпенами, идущими по четвёртому пути. Это – бунтари и революционеры (в зависимости от того, какую цель они начинают преследовать). Движение хиппи 70-х годов XX века формировали как раз те самые маргиналы, бунт которых против социальной несправедливости общества выразился ненасильственным протестом. Объединяясь, эти люди формируют новый социум со своими нормами и ценностями, а потому, попав в этот слой, личность перестаёт быть люмпеном. Здесь время люмпенства, пожалуй, – самое короткое из всех рассмотренных выше путей, поскольку для принятия в этот слой требуется только полное принятие существующих норм и ценностей – ни капиталов, ни профессиональных знаний, ни политика – здесь не требуется.

Указанные четыре варианта отрыва маргиналов от своих страт вовсе не исчерпывают полный набор всех вариантов. Есть и другие, не типичные. Но при этом нужно иметь в виду следующее – оторвавшись от своего социума, далеко не каждый маргинал достигает своей цели. Ведь социальное неравенство как раз и заключается в том, что представители высших социальных страт вовсе не готовы делиться своими льготами и привилегиями со всеми желающими. Поэтому для входа в эти страты нужно преодолеть очень серьёзные барьеры, которые далеко не всем оказываются под силу. Люмпены поневоле чаще попадают в такую ситуацию, когда их не принимает ни один из социумов, – ведь в отличие от них у бывших маргиналов, ставших люмпенами, движущей силой такого отрыва являлось желание достижения какой-либо цели, а у люмпенов поневоле такой цели нет – им нужно выжить и приспособиться к новым условиям существования.

Все такие люмпены, так и не принятые ни одним из социумов, представляют собой сложную неоднородную группу, членов которой связывает друг с другом, пожалуй, только одно – принадлежность в прошлом к какому-либо социальному слою общества, а в настоящем – существование вне какого-либо социального слоя. И все они перебиваются случайными заработками, предлагая обществу только свой труд, т.е. став люмпен-пролетарием. Их многообразие таково, что К. Маркс, определяя люмпен-пролетариев, использовал самый простой, но и самый неточный способ определения понятия – через перечисление свойств, точнее – перечисление рода

деятельности этих лиц (нищие, содержатели притонов и т.п.). Но во всём многообразии такой совокупности лиц, которую составляют люмпен-пролетарии, всё же можно выделить устойчивые группы с некоторыми одинаковыми свойствами. Положим в основу классификации люмпен-пролетариев критерий источника дохода их существования, ведь каждый из них должен существовать за счёт чего-либо. Эти доходы, прежде всего, могут быть легальными или нелегальными.

К легальным способам существования люмпен-пролетариев можно отнести два:

- первый из них – это случайные заработки с помощью предоставления обществу своего низкоквалифицированного труда;
- второй из них – это собирание пустых бутылок, поиск вещей и еды на свалках отходов и т.п.

К нелегальным способам относится мелкое воровство, грабёж и др. Назовём эту группу люмпен-криминалом. Это ещё не криминал в чистом виде, поскольку эти люди прибегают к противозаконным действиям только в случае крайней нужды. Но очевидно, что от социальной группы, которую мы называем криминалитетом, их отделяет только один шаг.

По большому счёту, революционеры – это тоже люмпены, они ведь порвали со своим социальным слоем, в котором были маргиналами. Но революционеры рвут со своим прошлым не в поисках лучшей доли для себя, а для того, чтобы изменить мир к лучшему для всех. Источники их существования также случайны, как и у люмпен-пролетариев, но они не продают за деньги свой труд, а продают за деньги свою идею и мечту о светлом будущем. Эту мечту покупают в форме добровольных пожертвований революционерам представители того слоя, которому существующая власть мешает.

А если революционерам не хватает средств от таких жертвователей, они обращаются к люмпен-криминалу и вместе с ним превращаются в «идейных разбойников» – грабят банки и богачей. Именно поэтому грань между революционерами и люмпен-криминалом очень тонкая. К тому же революционеры во время «экспроприаций» объясняют люмпен-криминалу причины своего разбойничания идеальными установками, ведя среди него своеобразную революционную агитацию. Некоторые революционеры настолько «входят во вкус» такого способа существования, что сами становятся разбойниками и бандитами (например, Революционные вооружённые силы Колумбии – FARC). А некоторые разбойники и бандиты, неоднократно участвовавшие с революционерами в «экспроприациях», под воздействием агитации превращаются в революционеров (Котовский, например, в России в 1917 году). Так что между революционерами и люмпен-криминалитетом довольно близкая связь – они «социально близки» друг другу.

Если у революционеров нет возможности существовать и за счёт «экспроприаций», то им приходится перебиваться случайными заработками, т.е. они вливаются в ряды люмпен-пролетариев. И при этом они не упускают возможность вести агитацию среди тех люмпен-пролетариев, с кем судьба их сводит в поисках случайных заработков. Потому и здесь возникает «социальная близость».

Люмпен – это элемент, в силу различных причин оказавшийся вне связи с каким-либо устоявшимся социумом. Это, чаще всего, временное состояние человека. По истечении некоторого времени он становится членом какого-либо социума, в том числе и такого, как группа люмпен-пролетариев. Предметом нашего исследования являются люмпен-пролетарии, а потому к остальным группам будем обращаться только по мере надобности.

Труд люмпен-пролетария неквалифицированный вне зависимости от образования и профессиональных навыков самого люмпен-пролетария, и это легко объяснить. Кому в городе, например, важно умение бывшего крестьянина, а ныне люмпен-пролетария, хорошо пахать землю? Никому! В городе поэтому люмпен-пролетарий – бывший крестьянин, может быть весьма умелый в сельском хозяйстве, – выполняет самую простую неквалифицированную работу. Или если хороший художник порывает со своим социумом и устремляется, например, в политические деятели, а его туда не принимают, то, потерпев фиаско, он не будет возвращаться к своим художествам – с этим социумом и с этим видом деятельности он порвал навсегда. Он будет пробовать себя на других работах, где его высокая квалификация художника никому не нужна. Он становится люмпен-пролетарием, и его труд будет малоквалифицированным.

Теперь, зная свойства и причину появления в обществе люмпен-пролетариев, можно сформулировать важное отличие люмпен-пролетариев от пролетариев: люмпен-пролетарии – это деклассированные элементы, которых с их способом существования ничего не связывает, а пролетарии – это представители социума с собственным менталитетом и отношением к жизни, принадлежностью к которому пролетарий вполне удовлетворён, если он, конечно, не маргинал. Пролетариям как раз есть что терять, а вот люмпен-пролетариям терять нечего. Поэтому знаменитая фраза К. Маркса и Ф. Энгельса из «Манифеста Коммунистической партии»: «Пролетариям нечего... терять, кроме своих цепей» [36, с. 138], относится к люмпен-пролетариям, а не к пролетариям.

А поскольку люмпен-пролетариям действительно нечего терять, то они всегда вместе с другими люмпенами и маргиналами в первых рядах любого протестного движения – сегодня именно они начинают первыми бить стёкла и грабить магазины, поджигать автомобили и забрасывать полицейских камнями в случае какого-либо социального взрыва, касается это

убийства белым полицейским чернокожего в американском городе или же повышения налогов во Франции. А в прошлые века они были основой той самой массы, которая свергала правительства и монархов. Чем больше люмпенов в обществе, тем более высока вероятность того, что найдётся какой-либо лидер из революционеров и бунтарей, за которым пойдут люмпены, круша и уничтожая всё на своём пути.

Общество непрерывно развивается, и это развитие характеризуется изменением величины каждой из групп социума и взаимосвязей между ними. Более того, наблюдается непрерывная диффузия групп – их взаимопроникновение. Из группы рабочих отдельные представители становятся капиталистами, другие – пополняют класс интеллигенции; некоторые капиталисты, разоряясь, становятся менеджерами или государственными служащими; фермеры превращаются в рантье и т.п.

Переход из одной группы в другую также естественен, как и естественный отбор в природе. Вариантов перехода много, но главное – человек в процессе перехода порывает со своими социальными корнями. При этом его «корни» остались в виде «обрывков»: если он крестьянин и перешёл в рабочие, то он продолжает разговаривать как крестьянин; он на рабочее место каждое утро приносит узелок с едой и т.п. Конечно же, это вызывает усмешки со стороны рабочих, но беззлобные, и они, смеясь, называют его «деревней». Со временем «деревня» расстается и с этими «обрывками» прошлого социума, полностью перенимая обычаи, правила и нормы новой социальной группы.

Люмпен-пролетарии – это люди, порвавшие со своим социальным слоем и сознательно или бессознательно стремящиеся попасть в другой социальный слой. Пока этот другой слой их не принял, они остаются люмпен-пролетариями. Кто же стремится покинуть свой слой в поисках лучшей доли? Люди, всю жизнь прожившие в своём окружении, занимающие в своём социальном слое некоторое общепризнанное положение и имеющие определённый авторитет, сделают это вряд ли. Бывают такие случаи, но они исчезающе малы. А вот люди молодые, остро чувствующие как несправедливость мира вообще, так и несправедливость своего собственного положения в социуме, очень легко отрывают свои корни от социального окружения. Поэтому чаще в люмпен-пролетарии попадают люди молодые, полные сил, энергии и желания изменить своё место в этом мире – молодёжь по своим свойствам более маргинальна, чем другие слои населения. Но происходит и так, что, побыв некоторое время люмпен-пролетариями, они возвращаются обратно в свой социальный слой. Притча о блудном сыне и великая картина «Возвращение блудного сына» Рембрандта – лучшая демонстрация того, что такие случаи были всегда и будут всегда.

Люмпен-пролетарии, будучи в основе своей людьми далеко не старыми, сохраняют привычки и некоторые навыки, полученные ими в прошлой жизни в социальном слое, который они покинули. Опять же, поскольку существенная часть люмпен-пролетариата – это относительно молодые люди, помимо нигилизма, присущего юности, им присуща и неустойчивость мировоззрения. Они легко становятся носителями всякого рода «передовых идей», в том числе и реакционных по своей сути. Уверовав в эти идеи, они становятся их фанатами до тех пор, пока не появится ещё более сильный лидер с другой «передовой идеей», восприняв которую, они становятся и её фанатами.

Ранее я показал, как могут быть близки друг к другу революционеры, люмпен-пролетарии, люмпен-криминал и нищие. Легко понять, что вся эта совокупность люмпенов время от времени представляет собой «взрывоопасную смесь» революционно настроенного элемента общества. И чем сильнее социальные, политические и экономические потрясения в обществе, тем больше в нём маргиналов, люмпенов всех групп и тем сильнее революционные настроения в массах. Это то, что В.И. Ленин называл «революционная ситуация».

Сегодня понятие «люмпен» или «люмпен-пролетарий» используется в российском обществе в уничижительном смысле, а это совершенно не верно! Люмпены и люмпен-пролетарии сами по себе являются таким же обыденным явлением, как рабочие или фермеры.

Итак, необходимо подвести краткие итоги всего, сказанного выше, поскольку это важно для всего последующего изложения (рис. 1).

В обществах с экономическим и социальным неравенством во всех социальных группах есть люди, недовольные своим положением в обществе и стремящиеся перейти в другой социальный слой. Нормы и ценности того социума, в котором они находятся, они не принимают – они чувствуют себя чужими. Это – маргиналы.

Маргиналы, решившиеся двигаться по социальному лифту, порывают со своим социальным слоем, становясь люмпенами. При этом, стремясь к высшему для них социальному слою, они выбирают один из возможных путей:

1) самостоятельный бизнес, с помощью которого они зарабатывают капиталы и отвоёвывают себе «место под солнцем». Это – предприниматели;

2) тяжёлый труд по развитию собственных знаний и мастерства. Это – студенты, ремесленники и ученики;

3) работа в общественных и политических организациях с целью примкнуть к правящей партии или к хорошо финансируемой оппозиционной партии. Это – политические карьеристы;

4) подпольная работа по изменению экономической, политический и социальной системы общества. Это – революционеры, и стремятся они в социальный слой, которого нет, но который они собираются создать в ходе ломки старого мира.

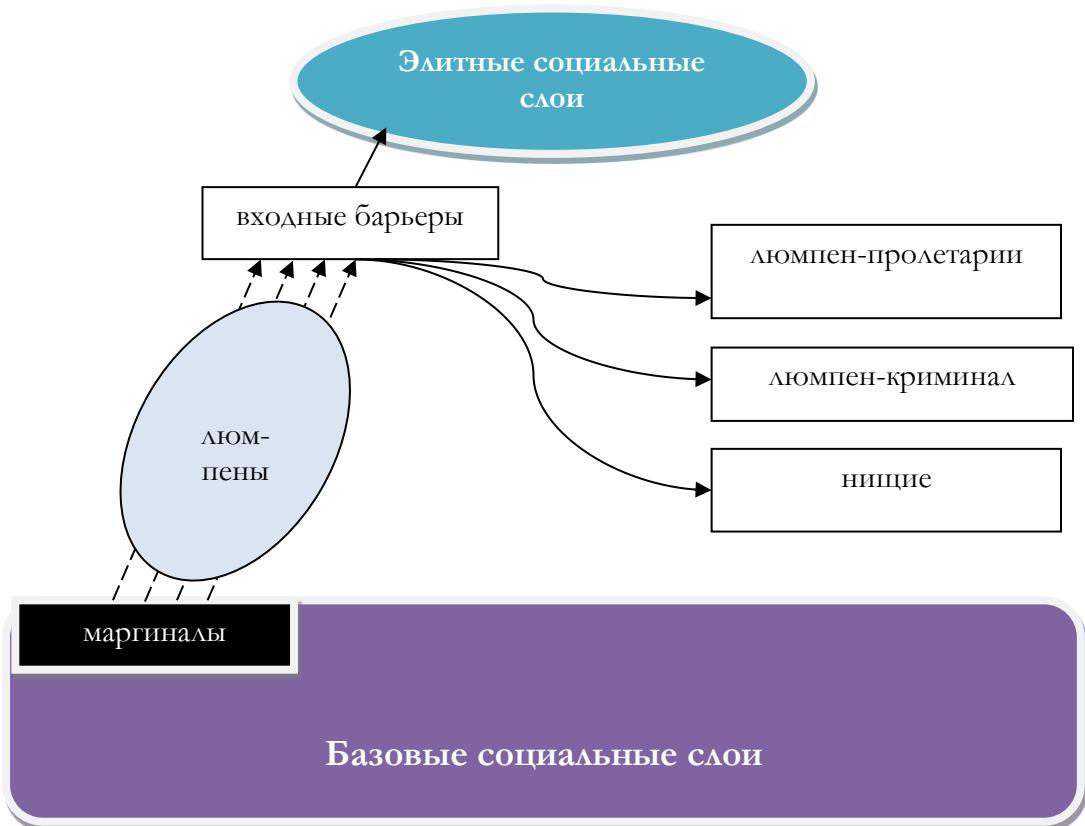

Рис. 1. Базовая модель социальной динамики

Шагая по выбранному пути, они остаются маргиналами, пока не достигнут поставленной цели. Те из них, кто достигает поставленной цели, перестают быть и маргиналами, и люмпенами, а становятся в новом социальном слое простыми обывателями. Другие, столкнувшись с существенными трудностями (входными барьерами), понимая, что цель остаётся недостижимой, прекращают свой путь в выбранный социум и выбирают другой социум, вновь превращаясь в люмпенов. Если и на новом пути социальный лифт им не удаётся, в том числе и из-за отсутствия условий для этого, и они оказываются между многочисленными социальными группами, не примкнув ни к одной из них, то они так и остаются маргиналами по сути и люмпенами по положению. В итоге они становятся:

- люмпен-пролетариями,
- нищими,
- люмпен-криминалом.

2. КАПИТАЛИЗМ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ

Маргиналы и люмпены были всегда во всех цивилизациях, поскольку всегда во всех цивилизациях существовало экономическое и социальное неравенство. Степень этого неравенства менялась во времени в зависимости от того или иного устройства общества. Мыслители и учёные давно пытались выявить закономерности этой динамики с тем, чтобы попытаться спрогнозировать тип будущего общества. При этом способов типологизации видов общества довольно много, поскольку на общество можно посмотреть с различных точек зрения.

Например, Д. Белл говорит о доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной эпохах (Daniel Bell, 2008), а советские историки говорили о первобытно-общинном, рабовладельческом, феодальном, капиталистическом строе и приходящем им на смену коммунистическом строе [25, с. 196]. Если же в основу классификации положить признак способа хозяйствования, то выделяются этапы охоты и собирательства; выведения плодовых культур; развития сельского хозяйства; развития промышленности и развития сферы услуг.

И. Валлерстайн, разработавший теорию мир-экономики, в основе классификации использовал типы общества, которые оказывали влияние на стиль хозяйственной жизни. С этих позиций он выделял, например, капиталистический тип, существующий уже примерно 600 лет и мир-экономику Древнего Рима, существовавшую почти тысячу лет. А ещё, по его мнению, существовала мир-экономика майя в Центральной Америке и пр., пр. [92].

Многие исследователи просто предпочитают говорить о Доисторическом обществе, обществе Древнего мира, о Средних веках, о Новом времени и Новейшем времени.

О.Ф. Шпенглер излагает теорию развития культуры и предрекает гибель европейской цивилизации, в которой немаловажную роль сыграют предприниматели с их «денежным мышлением» [79]. По мнению Шпенглера, каждая культура вырастает из собственного «прафеномена» (способа «переживания жизни») и подчиняется в своём развитии жёсткому биологическому ритму, определяющему основные фазы её развития: рождение и детство, молодость и зрелость, старость и «закат». Сравнительный анализ культур, проведённый Шпенглером, обнаруживает единство их судьбы: каждая культура проходит одну и ту же последовательность фаз развития; все культуры сходны по длительности существования (около 1000 лет) и темпам своего развития; исторические события, относящиеся к одной культуре, имеют соответствия во всех других. В этой эволюции культуры О. Шпенглер выделяет два главных этапа: 1) этап восхождения культуры (собственно «культура») и 2) этап её нисхождения («цивилизация»). Теория Шпенглера позволила ему предречь «Закат Европы».

Меня с позиций данного исследования не интересует Всеобщая история. Поэтому я остановлюсь на предложенной в XIX веке триаде с позиций отношений к средствам производства: капитализм, социализм и коммунизм.

Ни одна экономическая система или же общественно-экономическая формация не создавалась на «пустом месте». В любом обществе есть остатки прошлых социально-экономических отношений и появляются зародыши будущего строя. Вот эти-то зародыши и пытались выявить мыслители и учёные, обосновавшие смену капитализма социализмом, а затем и коммунизмом.

Споры о такой динамике начались в XIX веке и особенно ожесточённо велись весь XX век. Но для того, чтобы поучаствовать в этих спорах, необходимо чётко представлять себе – что такое капитализм и что такое социализм. А здесь мы неожиданно столкнёмся с трудностями.

Действительно, слово «капитализм» каждый современный житель планеты впитал с молоком матери, и оно стало настолько обыденным, что мало кто задумывался над тем, как его определить. А зря! Ведь от определения понятия зависит и его правильное употребление. В конце концов, если каждый человек под одним и тем же термином будет понимать разные сущности, то употребляющие эти слова граждане в беседе друг с другом так ничего и не поймут. А понятие «капитализм», несмотря на его очевидную смысловую нагрузку (власть капитала), не имеет общепринятое определения ни в экономической науке, ни в других смежных гуманитарных науках.

Так, советский энциклопедический словарь 1954 года определял капитализм «как общественный строй, основанный на частнокапиталистической собственности на средства производства и на эксплуатации наёмного труда собственниками средств производства» [84, с. 32]. Как видно, ясности это определение не даёт – ведь и в Древней Греции собственность была частной, а помимо рабов было много и наёмных работников, работающих на богатых землёю граждан, но этот строй мы же не называем «капитализмом»!

Не вносит особой ясности и определение П.А. Самуэльсона и В.Д. Нордхауса, определяющих капитализм как «экономическую систему, в которой большая часть собственности (земли и капитала) принадлежит частным лицам. В такого рода хозяйстве размещение ресурсов и распределение дохода происходит главным образом посредством рыночного механизма» [63, с. 784]. В отличие от советского определения здесь появился «рыночный механизм» и исчезло слово «эксплуатация», но это никак не уточняет понимание капитализма, ведь частная собственность на земли и капитал, как и рыночный механизм, была всегда во все предыдущие тысячи лет, в том числе и тогда, когда капитализма и в помине не было.

Обратимся теперь к одной из первых капиталистических стран мира – Британии и к её энциклопедии. В Британской энциклопедии говорится о том, что «капитализм, также называемый свободной рыночной экономикой и свободным предпринимательством, – экономическая система, доминирующая в западном мире после распада феодализма, в котором большинство средств производства находятся в частной собственности, а результаты производства и прибыль распределяются в основном за счёт работы рынков. Хотя постоянное развитие капитализма как системы датируется с 16-го века, предшественники капиталистических институтов существовали в древнем мире» [93]. Это определение аналогично вышеприведённому из учебника по экономике, а потому и оно особой ясности нам не даёт – нет отличительных свойств у этого определения понятия «капитализм». Впрочем, здесь появилось понятие «свобода» по отношению к экономике и то, что капитализм пришёл на смену феодализму.

Словарь современной экономической теории Макмиллана с этих позиций куда более конкретнее: «...капитализм – политическая, социальная и экономическая система, при которой собственностью, включая капитальные активы, владеют и управляют в основном частные лица. Капитализм отличается от... феодализма тем, что труд покупается за заработную плату, тогда как при феодализме труд представлялся непосредственно согласно обычаю, повинности или приказу» [66, с. 68]. Уже легче. Есть отличительная черта – труд покупается, а не представляется непосредственно. Но в то же время как быть с тем фактом, что, например, в средневековых городах во времена феодализма труд работников в мастерских и цехах покупался владельцем мастерской или цеха, а не представлялся «по обычаю или принуждению»? Или это были зачатки капитализма в феодальные времена, как на это намекает Британская энциклопедия? Но эти же зачатки были и в предыдущие эпохи, в период рабовладения в том числе. Да и феодалы предоставляли землю крестьянам для обработки вовсе не по обычаю, повинности или приказу. Они сдавали землю в пользование и за это брали с крестьян определённую мзду. Вначале мзда бралась натуральными продуктами. Затем с развитием экономических отношений и товарной системы феодалы стали брать плату с крестьян уже не натуральными продуктами, а деньгами. Если же говорить о том, что при капитализме весь труд покупается за заработную плату и это, якобы, будет отличительной чертой капитализма от феодализма (не аренда, а наёмный труд), то можно легко возразить и на это – и в СССР труд тоже покупался у граждан государством. Да и пирамиды в Древнем Египте, как утверждают многие современные историки, строили не рабы, а наёмные работники. Так что и это определение не даёт чётких границ и не выделяет определяемое понятие из множества других понятий.

Итак, мы видим, что фундаментальное понятие современной цивилизации не определяется так, как это было бы важно с позиций нашего исследования. Характерные свойства капитализма вовсе не являются его отличительными свойствами. Действительно, частная собственность на средства производства – необходимое, но не достаточное условие для возникновения капитализма. Использование в экономике исключительно наёмного труда – необходимое, но опять же не достаточное условие для определения исключительно капитализма... Рыночные отношения и присвоение прибавочного продукта – и это необходимые, но вовсе не достаточные условия для возникновения капитализма. Нам теперь вдобавок к этим необходимым свойствам нужно найти «достаточные» условия, которые помогут чётко ограничить свойства понятия «капитализм» от других типов цивилизации и на основе этого дать понятию «капитализм» более точное определение. Воспользуемся для этого историческим методом.

В Древнем мире основным богатством была земля. Она принадлежала либо одному человеку (государю), либо ему и нескольким приближённым вельможам. Если при этом в обществе наряду с наёмным использовался и рабский труд, то это было рабовладение; если же использовался только наёмный труд, земля сдавалась в аренду, а рабов и вовсе не было, то это был феодальный строй. Но во всех этих экономических формациях главным богатством считалась и являлась земля. Не случайно приверженцы одного из исторически первых экономических учений, физиократы, выделяли землю как основной элемент экономики и труд на ней – как главный производительный труд.

Землевладелец, как правило, был представителем правящего социального слоя. Он пользовался всеми социальными льготами и привилегиями того общества, причём – чем крупнее было землевладение, тем богаче был владелец и тем неоспоримее были его льготы и привилегии. Землевладелец мог быть «в долгах как в шелках», а его кредиторами могли выступать люди «низкого» социального ранга – торговцы и ростовщики, но наличие долгов мало сказывалось на социальном положении землевладельца – кредиторам зачастую сложно было получить причитающийся долг, а уж о возможности судебного преследования должника и речи быть не могло. Это было сословное общество с высоким диапазоном социального неравенства.

В недрах этой общественно-экономической формации, где собственность на землю гарантировала личное богатство и высокий социальный статус, постепенно возникли элементы другой формации – капитализма. И главным среди этих элементов было предпринимательство, осуществлявшееся в те годы в основном в форме торговли. Но при этом наличие крупных денежных средств у купцов и торговцев не давало им возможности принадлежать к верхушке общества – они оставались социально незащищёнными.

Покупка земли у аристократов торговым капиталом была затруднена множеством различных сословных ограничений, но даже в том случае, когда это случалось, не площадь приобретённой земли играла решающую роль в получении высшего социального статуса и соответствующих социально-экономических льгот и привилегий, а происхождение фамилии и родословная.

Торговый капитал со временем набирал вес в обществе, и огромные барыши, которые получали удачливые международные торговцы, стали основанием для упорных размышлений об этом феномене, и в конечном итоге это привело философов к переосмыслению того, что же является источником богатства. Появилось соответствующее экономическое учение – меркантилизм, которое утверждало, что основное богатство заключается вовсе не во владении землёй, а в международной торговле. «Выгоды и преимущества Англии от внешней торговли, ясно продемонстрированные» (1664) – так назывался трактат одного из наиболее известных проповедников идей меркантилизма Томаса Мана (Thomas Mun), члена совета директоров Ост-Индской торговой компании, самой крупной компании того времени. Он, как и его сторонники, отождествлял богатство с деньгами, золотом, которые доставляются в страну в результате торговли: «...обычное средство расширения нашего богатства и сокровища кроется в торговле, в котором всегда должно соблюдать правило – продавать больше, чем покупать», – писал во второй главе этой книги Ман [90, с. 12]. Его точка зрения предельно ясна – внешняя торговля является источником богатства нации. Поэтому он выступал против жёсткого ограничения вывоза драгоценных металлов – купцу надо вывезти деньги и купить иностранные товары, чтобы затем продать больше своих товаров и дать нации выгоды в виде дополнительного количества денег.

Адам Смит показал несостоятельность меркантилизма, но его идеи ещё долгое время главенствовали в умах различных деятелей. Пётр Первый, например, полностью разделял эту точку зрения и «прорубал окно в Европу» как мог – то через Чёрное море, то через Балтийское, то через Каспий, открывая для страны морской торговый путь в цивилизованный мир.

Собственное производство в стране, – и сельскохозяйственное, и промышленное, – вот по Адаму Смиту источник богатства страны. Его учение как раз и приходится на период становления нового типа общества под названием «капитализм». Промышленное производство было ещё в зародыше, но по своей экономической силе оно не уступало сельскохозяйственному производству. Но самое главное – торговый капитал активно внедрялся в промышленное и сельскохозяйственное производство, формировался банковский капитал. Это как раз и было моментом зарождения капитализма – появились крупные банки и крупные владельцы капиталов. Но

название «капитализм» ещё не было придумано, и Адам Смит его не употреблял. Тем не менее основное богатство в экономически развитых странах того времени приобретало универсальную форму – форму денег, рассматриваемых уже как инвестиционный ресурс.

Не земля становилась источником богатства; не товары, которые приобретались торговцами, а затем с выгодой перепродавались, нет. И даже не промышленное производство. Деньги, с помощью которых можно было зарабатывать деньги, – вот источник богатства в эпоху наступающего капитализма.

В феодальную эпоху большое количество денег не давало их владельцу возможности получить ещё большее количество денег. Большие богатства могли тратиться на удовлетворение потребностей в предметах роскоши. Иногда, правда, крупные землевладельцы «пускали деньги в рост», инвестируя их в совместные с купцами торговые операции. Так, например, королева Испании Изабелла совместно с крупными торговцами Испании инвестировала личные средства в поход Колумба по открытию нового торгового пути в Индию через Атлантический океан. Но это не было правилом во времена феодализма; владелец крупных денежных средств чаще всего не имел возможности инвестировать их в какое-либо выгодное дело – не было соответствующих экономических свобод, сословные ограничения играли важную, если не решающую роль. Да и объём внутренней и внешней торговли был ограничен, производство промышленных товаров было невелико, а владельцы земель продавать их не собирались... Деньги являлись лишь формой накопления богатства, но вовсе не инструментом его увеличения.

Но вот уже к середине второго тысячелетия деньги приобрели форму источника богатства, поскольку они уже не столько хранились в сундуках, сколько направлялись в те виды экономической деятельности, которые сулили обладателю денег их преумножение. Они могли направляться и в сельское хозяйство, и в торговлю, и на кредитование богачей, и в производство промышленных товаров. Как ответ на изменение функции денег – их превращения в капитал – появились в мире крупные банки и богатые банкиры. Таким образом, капитализм как общественно-политическое явление появился вместе с возможностью инвестирования денег в реальную экономику. Так появились в условиях феодализма первые капиталистические общества в Венеции, во Флоренции, в Нидерландах...

Принципиальной чертой, которая отделяет феодализм от капитализма, является появление у денег новой функции – функции капитала. Например, Джон Стюарт Милль, говоря о капитале, определяет его так: это «...та часть собственности, в чём бы она ни выражалась, которая образует его фонд для осуществления нового производства» [43, с. 137]. Его современник К. Маркс, не определяя капитализм, но исходя из синонимичности понятий «капитал» и

«капиталист», всё же вполне конкретно описывал отличительные особенности капитализма: «...в понятии капитала, в его возникновении заложено, что исходным пунктом его являются деньги и потому богатство, существующее в форме денег. Здесь заложено также и то, что капитал, притекая из обращения, выступает как продукт обращения. Образование капитала исходит поэтому не от земельной собственности, также и не от цехов; оно исходит от купеческого и ростовщического богатства... Превращение денег в капитал становится возможным благодаря тому, что они находят, во-первых, свободных рабочих, и, во-вторых, жизненные средства и материалы и т.д., которые тоже стали свободными, которые продаются и которые в той или иной форме прежде обычно были собственностью людей, теперь лишившихся объективных условий своего существования» [35, с. 49].

Тогда капитализм можно определить так: это форма общественного устройства, основанная на частной собственности на средства производства, при которой каждый обладатель свободных денежных средств имеет возможность их инвестировать в форме капитала в реальную экономику с целью увеличения количества этих денежных средств.

Наличие частной собственности на средства производства автоматически ведёт к использованию наёмного труда, а потому в данном определении это свойство не используется как излишнее.

Теперь нужно понять, что это такое – «социализм». Посмотрим, как это делалось и делается.

Прежде всего, обратимся к тому, как определяли «социализм» в СССР – «стране победившего социализма». На закате существования СССР идеологи даже выдумывали разные стадии «социализма» и устами генсека Л.И. Брежнева на весь мир заявляли о наличии в СССР стадии «развитого социализма». Социализм в СССР определялся так: это «строй, основанный на общественной собственности на средства производства, в двух её формах – государственной (общенародной) и кооперативно-колхозной, строй, при котором нет эксплуатации человека человеком» [85, с. 269].

Энциклопедия Британии определяет социализм как «социально-экономическую доктрину, которая призывает к общественной собственности на средства производства или общественному контролю над собственностью и природными ресурсами. Согласно социалистической точки зрения, люди не живут и не работают в изоляции, а живут в сотрудничестве друг с другом. Кроме того, всё, что люди производят, – в некотором смысле социальный продукт, и каждый, кто вносит свой вклад в производство товара, имеет право на долю в ней. Поэтому общество в целом управляет имуществом в интересах всех своих членов» [94]. То есть социализм – это не тип общества, например, в СССР, а некая «доктрина» – умственное представление об обществе.

Но есть в этих определениях и общее – общенародная собственность на средства производства и отсутствие эксплуатации человека человеком, которая заменяется сотрудничеством. Эти два отличительных свойства «социализма» выделяются отнюдь не всеми. Например, экономист Людвиг фон Мизес о социализме пишет так: «Суть социализма в следующем: все средства производства находятся в исключительном распоряжении организованного общества. Это, и только это, является социализмом. Все остальные определения вводят в заблуждение» (Mises, 2013, с. 155]. Также рассуждал и Оскар Ланге, пытаясь сформировать экономическую теорию социализма [88]. Й. Шумпетер определял социализм как институциональную систему, «при которой контроль над средствами производства и самим производством находится в руках центральной власти или, иначе говоря, где принадлежность экономики к общественной сфере, а не частной сфере – дело принципа» [81, с. 226].

Об отсутствии эксплуатации человека человеком в этих определениях не говорится, по-видимому, исходя из того, что отсутствие частной собственности на средства производства автоматически ведёт к отсутствию эксплуатации труда.

Но откуда же появилось само представление о социализме?

Ввёл в научный и общественный оборот это понятие Пьер Леру в 1834 году. В него им был вложен такой смысл. До сих пор общественное устройство цивилизации базировалось на принципах индивидуализма – во главу угла всех действий человека был заложен принцип удовлетворения личных интересов или интересов возглавляемой им семьи. Именно исходя из этого принципа индивидуализма развивались экономические отношения – обладатель средств производства использовал их только для того, чтобы лично обогащаться. А для этого он эксплуатировал наёмный труд. И это несправедливо. С позиций же общегуманистических значительно справедливее коллективизм, при котором средства производства принадлежат не одному человеку, а нескольким лицам. И эти лица, используя свой личный, а не наёмный труд, с помощью этих средств производства осуществляют совместную хозяйственную деятельность. При этом исключается эксплуатация человека человеком и результаты труда распределяются исключительно по затратам труда – «От каждого по возможности, каждому по труду». Поэтому понятие «социализм» возникло как антитеза понятию «индивидуализм». И ещё долгое время в качестве синонима понятия «социализм» после его появления в научном обороте использовалось понятие «коллективизм» [19, с. 22].

Но и Пьер Леру, предложивший понятие «социализм», взял его не «с потолка». У него были многочисленные предшественники, так или

иначе пытавшиеся описать некоторое справедливое общество, альтернативное существующему несоциалистическому. И началось это, судя по всему, ещё со времён Сократа, который описал собственное государство социальной справедливости. По крайней мере, именно от его имени Платон ведёт диалоги в книге «Государство» и именно ему приписывают идеи о некотором идеальном государстве, где есть частная собственность на средства производства, но нет наёмного труда – ремесленники и землепашцы используют собственные средства производства и отдают излишки результатов труда для распределения в общину; где институт семьи отвергается, а вместо него создаётся механизм рационального размножения граждан. За порядком в Городе следят чистые душою люди – стражники, а защищают город воины, причём и стражи, и воины выполняют свои обязанности, не имея «ни частных домов, ни земли, ни стяжания, но в награду за охранение получая пищу от других» [55, с. 151].

В этом коллективистском обществе нет изобилия и нищеты – люди живут рационально (разумно) – носят простые одежды и едят простую пищу, поскольку, по Сократу и Платону, если допустить в Городе излишества, получается «город роскошествующий». Именно в нём рождается несправедливость. «Город роскошествующий» есть город «лихорадочный», жителей такого города рациональный образ жизни не удовлетворит: «...им понадобятся и скамьи, и столы, и другая утварь, и мясо, и масти, и благовония, и наложницы, и пирожные, и все это в разных видах. Поэтому не вещи, перечисленные нами прежде, то есть не дома, не одежду и обувь, следует уже почитать необходимыми; но надобно пустить в ход живопись и расцвечивание материй, надобно достать золото, слоновую кость и все тому подобное» [55, с. 58]. А для всего этого нужны дополнительные ресурсы. Откуда их взять? Только завоевав новые земли, ведь земля была источником богатства. Тогда понадобится её «нам отрезать от страны соседей, когда хотим, чтобы у нас достаточно было земли кормовой и пахотной» [55, с. 58]. И то же самое будут делать другие города. Отсюда следуют непрерывные войны между государствами и городами.

Богатство и бедность – вот те крайности, которые справедливо устроенный Город должен избегать, «потому что первое располагает к роскоши, лености и желанию новизны, а последняя – к раболепству и злоухищрениям для новизны» [55, с. 108].

Это и не социализм, и не коммунизм, а некая форма «коммунизма потребления», как определял подобные общества Карл Каутский [22], – все товары, производимые обществом, являются общими и распределяются обществом вне зависимости от результатов труда или доли человека в собственности на средства производства. Страной мудро правят философы, ибо: «Пока в городах, продолжал я, не будут или философы царствовать, или нынешние

цари и властители – искренно и удовлетворительно философствовать, пока государственная сила и философия не совпадут в одно, и многие природы, направляющиеся ныне отдельно к той и другой, будут взаимно исключаться, дотоле ни города, ни даже, думаю, человеческий род не жди конца злу, любезный Главком, – и описанное в наших рассуждениях государство прежде этого не родится, как могло бы, и не увидит солнечного света. Вот именно то, чем я давно удерживаюсь в слове, видя, что многое придётся говорить против господствующего мнения: ведь трудно поверить, что и частное и общественное благополучие не иначе возможно» [55, с. 161].

Идея справедливости воплотилась во многих религиозных воззрениях, в том числе и в христианстве, а в последующем и в исламе. Правда, социальное и экономическое равенство в соответствии с этими религиями наступало только в загробном мире – религия предлагает бедным векселя, подлежащие «уплате на небе» [82, с. 64]. Но и это обещание неосязаемого, но непременно наступающего для всех загробного равенства привлекло к этим религиям множество сторонников. Когда начнётся Страшный Суд, все – и богатые и бедные, и обласканные при жизни и обиженные при жизни, все будут равны перед Всевышним судьёй. И воздастся тогда не по накопленному богатству, а по тому, кто как прожил земную жизнь – социальное равенство в загробном мире наступит для тех, кто вёл праведную жизнь, а вот тем, кто грешил при жизни, унижал и оскорблял окружающих, грозит в загробном мире страшная кара и вечные муки. А при жизни надо не роптать, а смиренно нести выпавший на долю крест. И нет никакого смысла прилагать усилия для роста собственного благосостояния: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе...».

Наиболее ярые приверженцы этого «собирания сокровищ на небе» и вовсе отказывались от земных благ и становились отшельниками. Отшельничество породило и такую коллективную форму хозяйствования, как монастыри, в которых и имущество, и труд, и результаты труда были общими. Такие организации стали называть коммунистическими от латинского слова «*communipne*» – общее. Но на протяжении многих тысячелетий не было ни одного монастыря, который бы превзошёл другие формы хозяйствования и частную инициативу предпринимателя своими экономическими успехами. Богатыми становились только те монастыри, которые получали большие пожертвования от государей, аристократии или же в массовых размерах от простого люда. Впрочем, монастыри не создавались как некоторая организационная форма альтернативного и более эффективного хозяйства, у них были другие задачи – обеспечивать себя самым необходимым для того, чтобы в относительной изоляции от окружающего мира в тиши «собирать сокровища на небе».

Мечты о социальной справедливости и социальном равенстве находили свои обоснования у мыслителей, философов и учёных Средневековья. И на содержание этих учений, конечно же, платоновское «Государство» оказало решающее влияние. Так, Томас Мор в ставшей знаковой книге «Утопия» развил идеи Сократа об идеальном государстве, изложенные Платоном, после чего подобные книги стали называть утопическими. Пересказывать содержание «Утопии» нет никакого смысла, но ту часть текста, которая непосредственно касается предмета нашего исследования, я приведу целиком. Вот она.

«По-моему, где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел; иначе придётся считать правильным то, что все лучшее достаётся самим дурным, или удачным то, что все разделено очень немногим, да и те содержатся отнюдь не достаточно, остальные же решительно бедствуют.

…Так вот, повторяю, когда я сам с собою размышляю об этом, я делаюсь более справедливым к Платону. Этот мудрец легко усмотрел, что один-единственный путь к благополучию общества заключается в объявлении имущественного равенства, а вряд ли это когда-либо можно выполнить там, где у каждого есть своя собственность. Именно если каждый на определённых законных основаниях старается присвоить себе сколько может, то, каково бы ни было имущественное изобилие, все оно попадает немногим; а они, разделив его между собою, оставляют прочим одну нужду, и обычно бывает так, что одни вполне заслуживают жребия других: именно первые хищны, бесчестны и никуда не годны, а вторые, наоборот, люди скромные и простые и повседневным трудом приносят больше пользы обществу, чем себе лично.

Поэтому я твёрдо убеждён в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности; но если она останется, то у наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей» [45, с. 55].

Утопии стали множиться подобно снежному кому, каждый мыслитель выдумывал свои государства со своими представлениями о социальной справедливости – Томмазо Кампанелла, Френсис Бэкон, Дени Верас и др. У всех у них утопическое государство было царством справедливости при отсутствии частной собственности – описывалось такое своеобразное коммунистическое общество, где царilo изобилие благ и рациональность в их потреблении [1].

И здесь принципиально важно, что во всех утопических обществах, которые описывали философы и мыслители, люди жили по принципу разумной

достаточности – никаких излишеств и роскоши. Практически всегда это были общества с общественной собственностью на средства производства. Но были и альтернативные утопические представления о справедливом обществе, где оставалась частная собственность на средства производства. Вот, например, Л.-С. Мерсье, рассказывая о своём посещении будущего Парижа, общества социального равенства в 2440-м году, вовсе не лишает граждан частной собственности. В его утопии сохраняется экономическое неравенство, но при полном социальном равенстве, в котором даже «наши именитые горожане – люди всё достойные, они не считают себя униженными, если лошадь их уступит дорогу пешеходу. Сам государь наш нередко гуляет пешком среди нас...» [41, с. 18]. Конечно же, у него все ходят в простой одежде, «времена беззакония миновали», больницы в идеальном состоянии и т.п.

В конечном итоге мечты о социальном равенстве нашли своё выражение в мощном просветительском движении французских энциклопедистов. Именно их идеи подхватило французское общество, когда вдруг выяснилось, что власть французского короля зыбка и народ может построить новое общество, основанное на принципах социальной справедливости. И это было знаковым явлением в истории человечества, ведь на знамёнах Великой французской революции впервые появился лозунг, состоящий всего из трёх слов: «Свобода, Равенство, Братство». Всего три слова, но какие это были слова! Свобода состоит в возможности делать всё, что не наносит вреда другому. Равенство означает, что все равны перед законом и поэтому имеют равный доступ ко всем постам, публичным должностям и занятиям сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме тех, что обусловлены их способностями и качествами. Братство понималось как принцип: не делай другим того, что не хотел бы получить сам; делай по отношению к другим такие благие поступки, какие хотел бы по отношению к себе.

Исторически лозунги о социальном равенстве и социальной справедливости, провозглашённые во времена Великой французской революции, совпали с рождением капитализма во Франции и с появлением в ней того класса, который называют сегодня «средним классом», – ведь именно средний класс, по сути, и был самым активным участником революции. Случайно ли это совпадение или же оно закономерно?

Предприниматель – это индивидуум из числа маргиналов, который желает повысить свой социальный статус за счёт продвижения по социальной вертикали в высшие социальные слои общества, и способом продвижения по каналу вертикальной мобильности он выбирает занятие самостоятельным бизнесом – на свой страх и риск [57]. Предприниматель при этом использует два основных ресурса – заёмный (чаще всего) капитал и наёмный труд.

Бизнес-персона – это индивид, который организует и возглавляет личное дело, при этом он вовсе не желает изменения своего социального статуса, ему вполне довольно того, что он имеет, а потому бизнес выступает для него как способ поддержания своего социального статуса. Для бизнес-персоны возглавляемое им дело – это чаще всего продолжение традиций, дела, которое носит семейный характер [57]. Бизнес-персона редко бывает маргиналом. У бизнес-персоны нет никакого стремления порвать со своим социумом и двигаться с помощью накопления личного богатства и капитала вверх по каналу вертикальной социальной мобильности. Никто из них от этого не отказывается, если вдруг фортуна повернётся к ним лицом, но ставить такую цель во главу своего бизнеса они не будут – они довольны своим социумом и рвать с ним не собираются, а потому и рисковать своим делом они не будут.

Отсюда и совершенно различные модели поведения предпринимателя и бизнес-персоны. Предприниматель готов на всё ради скорейшего достижения поставленной цели, он готов к риску ради этого, и именно про него К. Маркс писал, что нет такого преступления, на какое бы капитал не пошёл ради 300% прибыли. А бизнес-персона, ощущая свою принадлежность к определённому социуму, стремится к сохранению позиций и не собирается нарушать принятые в социуме нормы поведения и уже тем более идти на преступление, даже ради 300% прибыли.

Предприниматели в цивилизации были всегда, с самого начала рыночной формы обмена благами. Другое дело – условия для бурного развития предпринимательства существовали не всегда. И наличие сословного неравенства также не позволяло предпринимателям заполнить возжеленные ими социальные ниши. В таких условиях заработанные средства предприниматель мог пустить только в развитие торговли. Деньги не приобрели ещё форму капитала. Для активного развития предпринимательства нужны в обществе: во-первых, большое количество маргиналов; во-вторых, наличие свободного капитала, в том числе и заёмного; в третьих, свободные для найма трудовые ресурсы и, в-четвёртых, экономическая и социальная свобода.

Первое условие, наличие маргиналов, в истории человечества было всегда, поскольку всегда существовало социальное неравенство, вызванное неравенством экономическим.

Второе условие сложилось только с формированием капитализма, когда появилась возможность рассматривать деньги как товар, с помощью которого можно заработать новые деньги. В докапиталистическую эпоху предприниматель сталкивался с ограничением доступа к свободному капиталу – владельцы крупных денежных средств вовсе не готовы были отдавать их в рост – «не барское это дело, заниматься ростовщичеством».

Да и третье условие для бурного роста предпринимательства появилось только в капиталистическую эпоху – наличие свободных для найма трудовых ресурсов. В феодальную эпоху, а уж тем более – в более ранние эпохи большую часть населения составляли крестьяне, даже не помышлявшие о занятии чем-либо другим, кроме как о работе на земле. С ростом городов и ремёсел, с ростом товарообмена между городами и странами за счёт активизации торгового предпринимательства появилась возможность продавать не результаты труда, а сам труд. Появился рынок труда. Но мелочная регламентация экономической и социальной жизни в феодальном мире не позволяла предпринимательской инициативе развиваться в полной мере.

Вот и получалось, что предприниматель, устремляясь в высшие социальные слои, в условиях социального неравенства, следующего из формирования социальных отношений по сословному принципу, сталкивается с невозможностью попасть в те самые высшие слои общества, где, как ему представляется, ему и следует обретаться. Наличие сословного разделения общества при монархиях и вообще в любом авторитарном обществе не позволяет предпринимателю реализовать свои мечтания в полном объёме. В движении вверх по каналу социальной вертикальной мобильности он всегда упирался в некий «потолок», существующий только из-за социального неравенства. Так, например, в России второй половины XIX века было очень много предпринимателей из бывших крестьян, чьи капиталы существенно превосходили капиталы аристократов высшего уровня иерархии. Но их при этом не допускали в это самое «высшее общество», как бы они ни старались сделать это, – богатейшие люди России конца XIX века, такие как купцы Елисеевы или В.А. Кокарев, так и не вошли в число лиц царской аристократии.

Получалось так, что в обществе социального неравенства предприниматели не могли достичь желаемого. Они, заняв более высокую социальную ступень в обществе, чем ранее, всё же так и оставались маргиналами, желающими продвигаться далее, но не имевшими для этого никакой возможности из-за царившей сословной несправедливости. Именно этот слой предпринимателей, недовольных своим положением в обществе, и составил в революционной Франции «средний класс», поведший за собой французский народ. Обыватель готов терпеть несправедливость, вызванную социальным неравенством; предприниматель же, не ставший ещё бизнес-персоной, готов поддержать всеми силами борьбу за социальное равенство – он маргинал. И потому вовсе не удивительно, что российских социал-демократов, в том числе и большевиков, так активно спонсировали российские предприниматели и капиталисты – они были недовольны социальным неравенством и социальной несправедливостью царского режима и желали его разрушения.

В развитом капиталистическом обществе есть капиталисты и предприниматели. Капиталисты, потомки бывших успешных предпринимателей, продолжают оставаться носителями идей социального равенства в обществе, потому что в обществе нет сословных различий, а есть различия экономические. Они, конечно же, не являются ярыми поборниками социальных перемен и не будут их осуществлять. Но, в отличие от феодалов, которые в своём большинстве активно противились реализации идей социального равенства всеми доступными им методами, обрушивая на головы требующих социальной справедливости все возможные кары, вплоть до физического уничтожения, капиталисты готовы с пониманием отнестись к требованиям общества социальной справедливости при условии сохранения экономического неравенства. При этом они даже готовы отдать обществу для этих целей часть своих доходов, зачастую весьма существенную.

Капиталисты не будут сами проводить социальные реформы в обществе, но они и не будут так отчаянно им противиться, как это делали правящие группы в предшествующих капитализму обществах. В конце концов, чем меньше социальное неравенство в обществе, тем меньше недовольных в нём, тем меньше стремления у нижних социальных слоёв к насилиственному изменению существующего строя и тем меньше у капиталистов оснований бояться за судьбу собственного капитала! Капиталисты готовы идти по пути устранения социального неравенства, следуя требованиям общества – пролетариата, фермеров, среднего класса, интеллигенции...

Итак, именно Великая французская революция переключила мечтания утопистов о справедливом обществе в практическую плоскость. В самой Франции это не получилось – пришёл к власти Наполеон и остановил процесс социальных преобразований. Более того, император вернул церкви утраченные было в обществе позиции и поставил её на государственное финансирование. Но мечты о новом справедливом обществе распространялись по всем странам и уже не как утопическая идея, а как вполне возможное состояние общества. Постепенно начал формироваться «научный социализм».

В начале научного социализма было слово. И слово это было сказано со стороны утопических социалистов – Сен-Симона, Шарля Фурье и Роберта Оуэна.

Анри Сен-Симон (1760–1825) – это французский аристократ, поучаствовавший в войне североамериканских колоний против Англии, где он набрался идей свободы. Вернувшись на родину, он стал одним из участников Великой французской революции, хотя и не играл особой роли в ней, как и большинство французских граждан, – во времена террора он даже посидел в тюрьме. На его глазах Республикаанская Франция превратилась в

Наполеоновскую империю. Жизненный опыт и философское отношение к окружающему миру привели Сен-Симона к убеждению, что эгоизм человека, ненависть и злоба происходят от того, что изначально человечество пошло по пути индивидуализма. Именно индивидуализм, борьба за существование и конкуренция являются истоками многочисленных несчастий, войн и несправедливости. Поэтому на смену индивидуализму должен прийти колlettivism, а это приведёт к развитию у человечества чувства солидарности и братства. В таком случае на смену непрерывной череды борьбы людей друг против друга придёт другая благородная совместная борьба людей в союзе друг с другом против могучих сил природы. И в этом коллективном труде Сен-Симон отводил особое место пролетариату, поскольку, по его мнению, пролетариат скоро организуется и потребует права на участие во власти.

Идеи Сен-Симона не нашли особого отклика и понимания у современников, но ученики Сен-Симона поверили в основную идею и всячески пропагандировали её как и где могли.

Шарль Фурье (1772–1837) был сыном богатого французского торговца и жил в ту же эпоху, что и Сен-Симон. И на его мировоззрение решающее воздействие оказала Великая французская революция. В поисках ответа на вопрос о том, каким всё же должно быть справедливое общество, он также приходит к выводу о необходимости замены индивидуализма колlettivismом и даже предлагает конкретный проект в рамках существующего общества – создание фаланстера, некоторой замкнутой сельскохозяйственной коммуны, в которой средства труда должны быть общими, а результаты труда должны распределяться по труду каждого члена фаланстера. Ученики Фурье даже попытались воплотить в жизнь эту его идею, но она потерпела неудачу. Тем не менее ученики видели неудачу в частностях, а не в самой идее и продолжали активно пропагандировать колlettivism как основу новых прогрессивных отношений в обществе.

Роберт Оуэн (1771–1858) в своих идеях был более успешен. Родившись в Англии в семье мелкого лавочника, он рано занялся предпринимательской деятельностью и уже к двадцати годам стал совладельцем хлопковой мануфактуры, т.е. он успешно прошёл полный путь от маргинала через люмпенство к капиталисту. Поскольку этот путь был очень кратким, Оуэн не успел позабыть те условия, в которых начинал свой бизнес, и в его сознании сохранилось сострадание к простым людям. Сталкиваясь с малообразованными рабочими, он вынес глубокое убеждение в том, что «чёрнь» вовсе не является ленивой и невежественной по природе. А в те времена эта мысль была весьма распространённой. Оуэн был убеждён, что воспитание и образование «низов» сделают их равными высшим социальным слоям общества.

Поэтому на своих предприятиях он осуществил небывалые социальные изменения, способствующие улучшению условий труда рабочих, создал школы и запустил другие образовательные проекты и тем самым добился заметных успехов в бизнесе. И он постепенно пришёл к выводу о том, что на смену индивидуализму и конкуренции должен прийти коллективизм, за которым восстановится естественный порядок вещей, нарушенный индивидуализмом. Оуэн попытался организовать соответствующую коммуну и проект свой стал проводить в Америке, но затем провалилась. Тем не менее популярность Р. Оуэна была столь велика, что этот неудачный опыт не остановил попытки реализовать в жизнь идеи коллективизма в производстве. И эта идея после многих неудачных попыток была реализована на практике – в Англии начали работать первые успешные кооперативы, сочетающие демократизм в управлении, и разделение прибыли от совместного труда по трудовому вкладу каждого в этот результат.

Этих трёх философов называют утопическими социалистами, поскольку они имели весьма наивное представление об окружающем мире и о природе человека. Но все они были твёрдо убеждены в том, что преобразование общества произойдёт мирным путём по добной воле людей – стоит только людям осознать изложенные выше идеи, как они тут же начнут объединять свои усилия в создании новых экономических и социальных отношений [15, с. 25]. Главная цель – сформировать новое мировоззрение у всех граждан, тогда и общество социальной справедливости будет построено.

В результате идея о том, что именно частнособственническое отношение к средствам труда трансформирует отношение между людьми в антагонистическую плоскость, а потому обществу необходимо переходить к коллективизму, стала предметом ожесточённых споров и сомнений в социальной и экономической мысли XIX века. Идея социализма обсуждалась, развивалась, отстаивалась, но вовсе не была убедительной, она оставалась плодом фантазий и домыслов учёных. Теоретически логичное обоснование социализм получил благодаря Карлу Марксу.

В отличие от этих трёх предшественников Карл Маркс считал, что социализм является естественным продолжением развития общества, а не вариантом морального перерождения человечества. По Марксу, социализм – не плод утопических фантазий учёных, а результат эволюционного развития общества. И это развитие полностью подчиняется гегелевской философии. Поскольку в обществе есть группы людей с одинаковыми экономическими интересами, то их Маркс объединил в классы. Экономические интересы классов не совпадают, а потому идёт непрерывная классовая борьба. Именно эта борьба и является причиной развития человечества. К середине XIX века

на арену этой классовой борьбы выходит новая сила – пролетариат. Пролетариат работает, а прибыль, которую он добывает в поте лица, присваивает себе капитал. При этом капитал стремится присвоить себе побольше, а пролетариат стремится как можно меньше отдать. Антагонизм, который ведёт к обнищанию рабочих масс, – эту тенденцию К. Маркс выявил на основе анализа статистики рабочего движения в Великобритании. Поэтому классовый интерес пролетария заключается в том, чтобы оставить прибыль, полученную в результате применения его труда, себе, а это возможно только в том случае, когда средства производства принадлежат не капиталистам, а самим пролетариям. Поэтому классовая борьба пролетариата ведётся за то, чтобы отменить частную собственность на средства производства, т.е. за социализм. Обострение выявленных Марксом противоречий вело, по его мнению, к неизбежному крушению капиталистического способа производства.

Нельзя сказать, что учение Маркса систематизировало всё социалистическое движение в Европе. Но со временем оно завоевало самое большое число последователей, но и эти последователи были неоднородными. С решающей ролью пролетариата соглашались все, кто называл себя социал-демократами. Главным различием последователей Маркса было отношение к тому, каким путём должна вестись пролетариатом классовая борьба за социализм – демократическим мирным путём или же революционным путём при диктатуре пролетариата?

Сторонники первого пути наступления социализма также распались на две подгруппы. Одна из них, меньше количеством, считала, что социализм наступит естественным путём, когда развитие общества будет столь высоким, что все экономические и социальные блага будут общедоступными и их распределение будет осуществляться по справедливости – пропорционально вкладу каждого в общее дело.

Другая подгруппа, большая числом, считала, что за социализм необходимо пролетариату активно бороться, но ненасильственными мерами, подталкивая тем самым общество к социалистическим преобразованиям (К. Каутский, Л. Мартов, А. Мартынов, П. Аксельрод, Ф. Дан).

В любом случае и первая, и вторая подгруппы ненасильственного прихода социализма считали, что «в сущности, безразлично, принимается ли, или отвергается, как конечная цель, огосударствление всех средств производства...» [56, с. 60]. Важно, что в обществе идут социальные преобразования к лучшему. Они считали и считают, что социализм возникнет в недрах капитализма и как более прогрессивная форма хозяйствования вытеснит капитализм. И это вытеснение капитализма будет носить мирный эволюционный характер: «...мы можем выкупить у него его частный капитал, как он выкупил права феодалов. Но он не имеет никакого права мешать

на всё будущее время установлению лучшего способа производства. Последний в каждую данную минуту может быть провозглашён именем народа, как новый порядок. После того капиталист не сможет уже вести своё частное крупное производство. Он должен будет считать себя вполне счастливым, если его частный капитал будет выкуплен путём взносов средств потребления ему и его детям, и если эти взносы будут продолжаться до тех пор, пока все сживутся с новыми порядками» [82, с. 17].

Особое мнение в среде этой первой группы сторонников ненасильственного прихода социализма в конце XIX века стало высказывать Э. Бернштейн. Поскольку статистические данные конца XIX века опровергали вводы К. Маркса и свидетельствовали о росте экономического благосостояния рабочего класса, он выдвинул гипотезу о том, что на смену антагонистическим противоречиям между капиталом и пролетариатом пришла другая закономерность – сотрудничество между ними. Считая, что «демократия – отсутствие классового господства» (Bernstein, 1906, с. 157), он и строил свою теорию формирования демократического общества. По Бернштейну, социализм – это «движение к кооперативному общественному строю или наличности такого строя» (Bernstein, 1906, с. 107).

Так считали и многие другие социал-демократы (Гейне, Шиппель) – они видели сущность социализма не в централизованной государственной собственности, а в «наличии разнообразных видов общественной или народной собственности в форме кооперативов, гильдий или предприятий, управляемых муниципальными органами, существующих одновременно с национализированными отраслями экономики или в качестве их альтернативы» (Brown, с. 146). Сегодня точка зрения Э. Бернштейна в европейской социал-демократии превалирует, но к началу XX века она только формировалась.

Та часть социал-демократов, которая в последующем стала называть себя коммунистами, полагала, что капиталисты никогда добровольно не отдастут средства производства пролетариату и эволюционный путь построения социализма – это ошибка. Капиталисты будут подавлять все ростки социализма самыми жёсткими мерами – это вытекает из сути теории классовой борьбы Маркса. Поэтому социализм наступит только как результат насилиственного революционного свержения власти с последующим обобществлением всей собственности на средства производства. Коммунисты в этом смысле были всегда более радикальны – отнять силой частный капитал у буржуина, и пусть он будет счастлив, если при этом его не поставили «к стенке».

Признаваемые коммунистами характерные черты социализма были такими.

1. Частная собственность на средства производства отменяется (Прудон сказал по этому поводу лаконично: собственность – это кражा). Фабрики, заводы и пр. становятся общенародной собственностью.

2. Конкуренция в производстве устраниется и заменяется коллективизмом.

3. Прибыль отменяется.

4. Труд составляет сущность ценности продуктов.

5. Жалование каждого члена социалистического общества будет измеряться числом рабочих дней. Деньги как таковые не имеют смысла. Вместо них вводятся карточки (квитанции за работу), в которых отражается число отработанных работником дней, и он по этой карточке на специальных складах забирает необходимые ему продукты.

6. Общественный контроль над эффективностью работы. Каждый человек будет получать тем больше, чем лучше работает он сам и все другие. Поэтому стыдно будет работать плохо.

7. Спрос по каждой отрасли устанавливается специальной комиссией на основе «ежедневных, еженедельных, ежемесячных и ежегодных статистических сведений о свободно установленных личных и семейных потребностях» [82, с. 23].

8. При социализме нет никакой торговли и рынка. Единый центр перемещает продукты по заказам через системы публичных перевозочных средств и складов.

9. Личные сбережения граждан могут быть аккумулированы в финансовом учреждении для того, чтобы иметь возможность обменять их на товар длительного пользования. Но поскольку эти сбережения не являются капиталом и плату за право пользования этим капиталом финансовые учреждения не берут, процентные ставки отменяются.

А почему такой социализм лучше капитализма? Да потому, что при капитализме существует экономическое неравенство. А это неравенство ведёт к тому, что и социальные блага распределяются в обществе пропорционально экономическому неравенству – богатый обладает большим набором благ, чем бедный. А при социализме будет экономическое равенство, ведь если все будут работать одинаково хорошо, то и возможности получать экономические блага у них будут одинаковыми. Значит, и доступ к социальным благам у всех будет равным. Поэтому при социализме все блага – и экономические, и социальные – распределяются справедливо – по труду.

При этом легко заметить, что априорно предполагается (но не выскакивается!), что количество экономических и социальных благ столь велико, что они являются общедоступными. А если это предположение не выполняется? Если количество какого-то одного или нескольких благ меньше, чем спрос на них? В рыночной экономике всё просто – продавцы этих благ поднимут на них цену и устанавливается баланс между спросом и предложением. А что будет в том случае, когда распределение благ осуществляется в

социалистическом обществе при дефиците некоторых благ и их на всех не хватает?

Ответ очевиден – распределение благ будет нормироваться, т.е. распределяться не по потребностям, а по возможности, в меньших количествах, чем хотелось бы членам социалистического общества. И второе – те, кто стоит в начале распределяющей цепочки, всегда подвержены соблазну воспользоваться этим своим положением и при распределении сначала взять себе столько, сколько им нужно, а остальным членам социалистического общества отдать только то, что осталось (или ничего не отадут, если ничего не осталось). В такой ситуации, как видно, ни экономического, ни социального равенства граждан не получается. Всё равно, как написал Джордж Оруэлл, *«all animals are equal, but some animals are equal than others»* (все животные равны, но некоторые животные более равны, чем другие) [91, с. 80].

Но такие очень простые соображения об ущербности механизма централизованного планового распределения благ в начале XX века в умы социалистов-коммунистов даже не приходили.

Перед глазами стоял образ социалистического общества – общества социальной и экономической справедливости.

3. РОССИЯ И «ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА»

До февраля 1917 года Россия в течение многих веков была монархией. Её структурная модель представлена на рис. 2. Из этого рисунка видно, что власть в государстве формировалась за счёт элитных слоёв общества – царь приближал к себе и наделял властными полномочиями исключительно представителей элитных социальных слоёв – потомственных дворян.

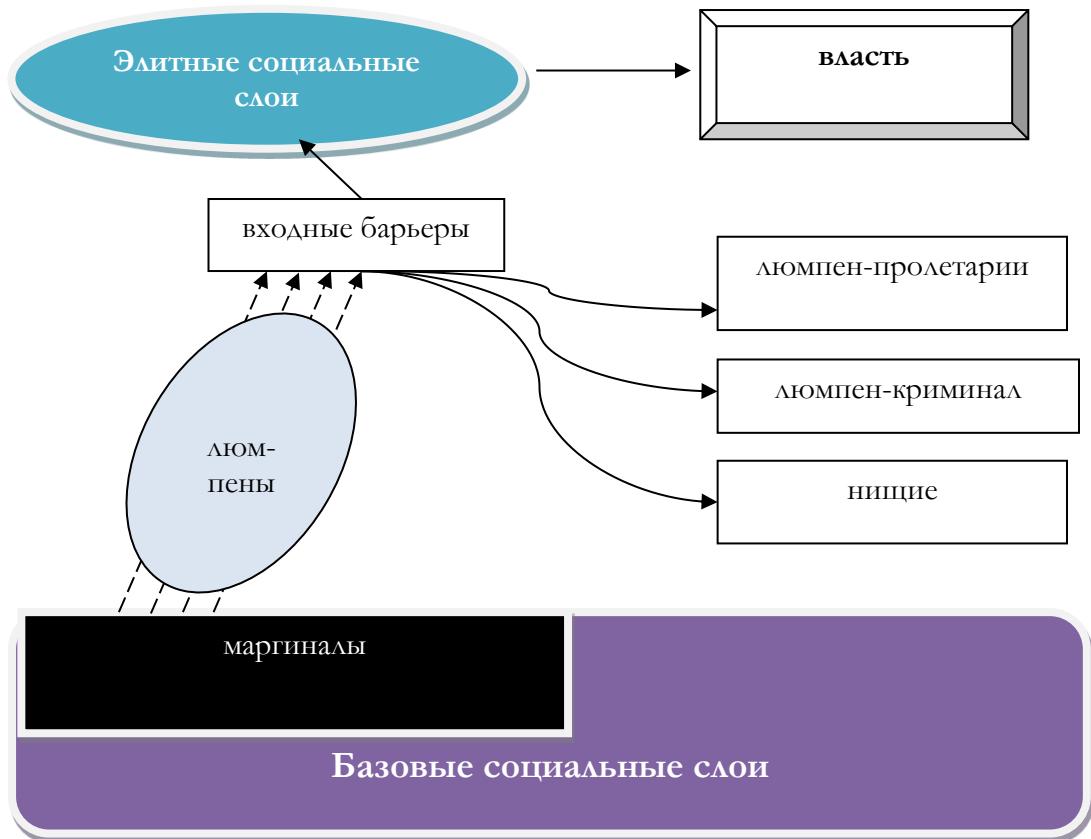

Рис. 2. Модель социальной динамики в царской России до февраля 1917 года

К концу февраля 1917 года монархия в России была представлена воспитанным и культурным, но совершенно безвольным и скрытным Николаем II, который наскучил всем слоям общества, в том числе и правящему классу дворян. В семействе Романовых было очень много недовольных Николаем II, но это недовольство не вылилось в организованный заговор – не было лидера. Поэтому в момент отречения Николая от престола в царской семье Романовых не было никого, кто бы взял власть в свои руки. Среди Романовых дело дальше сплетен и болтовни не шло – среди них не было ни одного человека с мышлением государственного деятеля, готового спасти монархию. Романовы «измельчали». И это предопределило историю России.

В конце февраля 1917 года в Петрограде начались массовые забастовки жителей, поддержаные некоторой частью солдат. Забастовки были вызваны проблемами со снабжением столицы продовольствием из-за неразберихи в железнодорожном транспорте: составы с продовольствием для столицы застряли где-то в центральной части России. 25 февраля 1917 года император Николай II подписал указ о прекращении занятий Думы до апреля того же года из-за сложной политической ситуации в Петрограде, но большая часть депутатов Думы отказалась расходиться, собираясь в частных совещаниях.

Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко 26 февраля послал императору Николаю II несколько телеграмм о беспорядках в Петрограде и о необходимости срочной смены правительства, заканчивая последнюю такими словами: «...ГОСУДАРЬ, безотлагательно призовите лицо, которому может верить вся страна и поручите ему составить правительство, которому будет доверять всё население. За таким правительством пойдёт вся Россия, одушевившись вновь верою в себя и в своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям страшный час, иного выхода нет и медлить невозможно»¹, но Николай II по этому поводу сказал министру императорского двора Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать».

На следующее утро 27 февраля В.М. Родзянко вновь телеграфирует императору: «...повелите немедленно призвать новую власть на началах доложенных мною ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ во вчерашней телеграмме...»². Царь и на этот раз не отреагировал. Но именно в это время в Петрограде начался массовый переход солдат на сторону рабочих, захват ими арсенала и Петропавловской крепости. Этими солдатами часть оружия из арсенала была передана населению. Этим «населением» были студенческая молодёжь (самая маргинальная часть общества) и люмпен-пролетарии. Царская власть в Петрограде прекратила своё существование.

Поскольку жители столицы знали о роспуске царём на каникулы Госдумы и о том, что не вся Госдума это сделала, к ней как к единственному легитимному органу страны, который был в оппозиции к царизму, в массовом порядке стали стекаться солдаты и жители Петрограда. Толпа заполонила Таврический дворец. Самые разные люди от неисчислимого количества каких-то учреждений, организаций, обществ, союзов желали видеть Родзянко и в его лице приветствовать Государственную Думу и новую власть. Все они говорили какие-то речи, кричали «ура». Думцы плохо по-

¹ <http://rusarchives.ru/evants/exhibitions/1917-myths-kat/9.shtml>.

² <http://rusarchives.ru/evants/exhibitions/1917-myths-kat/12.shtml>

нимали происходящее, но к концу этого дня начали соображать, что необходимо овладеть движением и стать во главе его, чтобы не дать разыграться анархии.

«На революционной трясине, привычный к этому делу, танцевал один Керенский» [80].

«Волею революционного народа был создан Петроградский совет» – так писалось в советских учебниках по истории и до сих пор, как ни странно, так пишется во множестве отечественных учебников по истории о тех днях. На самом деле никакой «воли» народа здесь не было, а была воля меньшевиков.

В отличие от большевиков, меньшевики выступали за союз пролетариата с буржуазией против царизма с последующим мирным преобразованием капитализма в социализм – это своеобразный русский ревизионизм в социал-демократии. Поскольку, в отличие от большевиков, меньшевики не ратовали за революцию, в России царская охранка преследовала их куда в меньшей степени, чем большевиков. Поэтому меньшевики участвовали в общественно-политической жизни и были второй по численности оппозиционной партией в России после эсеров (в партии меньшевиков к февралю 1917 года состояло около 40 тысяч человек). В ноябре 1915 года именно меньшевиками была создана Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета. Центральный военно-промышленный комитет – это добровольная организация российских предпринимателей, руководящая сетью военно-промышленных комитетов на местах, которые были созданы с целью мобилизации промышленности для военных нужд во время Первой мировой войны.

В ночь с 26 на 27 февраля 1917 года весь руководящий состав Рабочей группы был арестован за подстрекательство к забастовке [24]. Из тюрьмы их выпустили уже в ходе Февральской революции восставшие рабочие и солдаты. Утром 27 февраля они были освобождены и вместе с революционными солдатами и рабочими прибыли в Таврический дворец, где в это время уже находились члены думской фракции меньшевиков. Членом Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета К.А. Гвоздевым, а также её секретарём Б.О. Богдановым 27 февраля 1917 года за подписью «Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов» в Таврическом дворце было выпущено обращение к солдатам, рабочим и другим жителям Петрограда с предложением избрать представителей на организационный митинг Совета, который должен был собраться вечером этого же дня. Не волей народа, а двумя меньшевиками было объявлено о создании Советской власти!

Вечером 27 февраля 1917 года на организационный митинг собралось около 250 человек, но большинство из них составляли случайно зашедшие

в зал наблюдатели и только около пятидесяти человек были делегатами [53]. Собрание избрало Временный исполнительный комитет (Исполком) из девяти человек, главным образом меньшевиков: Н.С. Чхеидзе занял пост председателя, а А.Ф. Керенский и М.И. Скобелев – его заместителей. В состав Временного исполнительного комитета Совета рабочих депутатов, помимо них, вошли: К.А. Гвоздев и Б.О. Богданов (меньшевики), Н.Ю. Капеллинский и К.С. Гриневич (Шехтер) (меньшевики-интернационалисты), Н.Д. Соколов (беспартийный), Г.М. Эрлих (Бунд).

Чуть позже, вечером 27 февраля 1917 года, Прогрессивный блок и левые депутаты (трудовики и социал-демократы) Думы собрали частное совещание и, по предложению кадета П.Н. Милюкова, образовали Временный комитет Государственной Думы, который и сформировал Временное правительство. А.Ф. Керенский, кстати, уже 2 марта вошёл в состав этого правительства.

28 февраля своих представителей в Совет избрали заводы и военные части Петербурга. Очевидно, что в Совет делегировали самых «буйных», маргинализированных из своего числа. Довольных жизнью в делегатов не выбирали. Мелкие мастерские и крупные заводы выставили равное число представителей, как и военные части – от полка до роты. Поэтому Совет переполнили делегаты мелких предприятий и гарнизона. В тот же день образованный из представителей Петроградского гарнизона Совет солдатских депутатов объединился с Советом рабочих депутатов. При этом количество представителей гарнизона намного превышало численность рабочих. Так образовался единый Совет рабочих и солдатских депутатов. В результате в Петроградском совете две трети депутатов составляли солдаты и только одну треть – маргиналы из рабочих.

Что представляли собой солдаты Петрограда февраля 1917 года? В основе своей это были бывшие крестьяне, мобилизованные в армию и расквартированные в казармах Петрограда по пути на фронт. Жили они в городе уже несколько месяцев и вовсе не желали продолжать движение к фронту на войну. Солдаты уже несколько месяцев были оторваны от своего крестьянского быта и в новый социум фронтовиков пока ещё не попали. Это – типичные люмпены. Самых горластых и креативных из них и выдвинули в Совет депутатами. Получается, что как минимум треть Петроградского совета заняли люмпены из крестьян. Поэтому неслучайно пленарные заседания Совета напоминали гигантский сельский сход – не было ни распорядка дня, ни процедуры принятия решений: в открытой дискуссии мог принять участие всякий, кто пожелает. А желающих было очень много.

А от имени всей этой неорганизованной и митингующей массы действовал Исполком, членами которого были в основном меньшевики. Это

вовсе не был исполнительный орган Совета, что следовало из его названия. Это был руководящий и не зависящий от Совета орган. Его состав никто не избирал на пленарных заседаниях Совета, а в последующем в него входили по три представителя от социалистических партий. Примерно также создавались Советы на местах – члены Советов шумят и митингуют, а от их имени руководят в Исполкоме социал-демократы. С самого первого дня своего возрождения Советы стали ширмой, прикрывающей интересы партийной верхушки. Эта практика продолжалась и после октября 1917 года – в Советы избирают простой народ, а Исполком, командующий Советами, формирует партия.

Итак, Временный комитет Государственной Думы и Временное правительство были созданы как продолжение государственно-политической системы царской России и являлись в то время «легитимными» органами власти, а Советы представляли собой новую революционную форму власти с участием представителей народа. Случилось двоевластие. О том, как этим двум органам власти сосуществовать, Советы и Временный комитет (переименованный чуть позже во Временное правительство) договорились в первые же дни революции. Теоретически Временное правительство несло всю административную ответственность, а функции Совета сводились к контролю, какой может осуществлять законодательный орган по отношению к исполнительному. В действительности все обстояло не так. Исполком Совета распоряжался и устанавливал законы по своему усмотрению, не согласовывая их с Временным правительством.

Лучше всего об этом свидетельствует Первый приказ Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, сыгравший определяющую роль в дальнейших событиях. Он был написан сыном священнослужителя присяжным поверенным беспартийным Николаем Дмитриевичем Соколовым, социалистом по убеждению. Вот часть его текста:

«Приказ № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.
1 марта. 1917 г.

...Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые ещё не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4) Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5) Всякого рода оружие как то: винтовки, пулемёты, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованиям.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отданье чести вне службы отменяется.

7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т.п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т.д. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на “Ты” воспрещается и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов...

Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 1917. 2 марта».

Пункт третий этого приказа, который говорил о том, что во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется своим комитетам, был «творчески переработан» массами и довольно быстро вся жизнь воинских частей была поставлена под контроль комитетов «из выборных представителей от низших чинов». Очевидно, что состав комитета из «низших чинов» формировался из бывших крестьян, рабочих и некоторой части интеллигенции, оторванных войной от своего социального слоя, т.е. на тот момент из люмпенов. Солдаты-крестьяне в своей массе хотели вернуться в деревни к своим семьям и к своим наделам, солдаты из рабочих также желали возвращения в семьи и к своему привычному социальному окружению. Все устали от войны, а потому комитеты легко давали увольнительные солдатам для командировок домой. Командированные солдаты не спешили возвращаться в воинские части. Армия разбегалась.

Но не все солдаты возвращались по домам – деревенской бедноте и фабричной голытьбе, одетой в солдатские шинели, вовсе не хотелось возвращаться к своим лачугам и вновь голодать и бедствовать. Терять им особенно было нечего, война навсегда оторвала их от прежнего социума и они, покинув фронт, становились люмпен-пролетариями в солдатской форме и с винтовками в руках. В городах они примыкали к квартиривавшей в городах солдатской массе, где пользовались авторитетом, поскольку в отличие от новобран-

цев, уже «нюхали порох». Такие как раз и пополняли Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов или создаваемые ими учреждения. Сначала они сидели на общих заседаниях Советов или их комитетов, впитывая в себя лозунги и демократический пафос речей пламенных революционеров. Постепенно их замечали, давали им разовые поручения, и так они втягивались в постоянную работу всякого рода комитетов, рабочей милиции и прочего аппарата Исполнительных комитетов. То есть они стали исполнителями воли не Советов, а Исполкомов – социалистических партий.

Солдаты были основным, но не единственным источником формирования новой власти. Люмпен-пролетарии, которые всегда были в городах и везде в России, также массово побросали свои временные работы и с удовольствием стали, провозглашая революционные лозунги, работать в структурах новой власти.

Поскольку люмпен-пролетарии представляют собой неоднородную структуру деклассированных элементов, мировоззрение их было и будет разнородным. Обладая в массе своей простым «чёрно-белым» представлением об окружающем мире, они легко поддались на партийные агитации и в 1917 году в массовом порядке становились то меньшевиками, то большевиками, то эсерами – в зависимости от того, чьи лозунги им были понятнее.

К осени 1917 года Советы из люмпенов и люмпен-пролетариев, возглавляемые небольшой кучкой революционеров из социал-демократов, уже обладали большей властью, чем Временное правительство. Большевики к этому моменту смогли вытеснить из Исполкомов существенной части Советов по всей России своих конкурентов по социал-демократическому движению и, обладая большинством, фактически управляли ими. В результате к октябрю 1917 года чуть больше половины российских Советов управлялись большевиками. Впрочем, главенствующую роль Советов в жизни государства мало кто признавал. Поэтому, когда большевики в октябре 1917 года совершили государственный переворот, их поддержала только масса люмпен-пролетариев, а большая часть населения – крестьяне, рабочие, промышленники и чиновники отнеслись к перевороту резко отрицательно. Солдатская масса была нейтральной.

Интересно социальное происхождение членов первого состава Совета народных комиссаров – Исполкома высшего уровня. Вот он.

I. Дворяне и помещики

1. Народный комиссар народного просвещения – Анатолий Васильевич Луначарский (родился в семье действительного статского советника).
2. Народный комиссар юстиции – Георгий Ипполитович Оппоков (Ломов) (родился в дворянско-священнической семье).
3. Народный комиссар по делам продовольствия – Иван Адольфович Теодорович (родился в дворянской семье).

4. Народный комиссар государственного признания – Александра Михайловна Коллонтай (родилась в обеспеченной дворянской семье).

5. Член Комитета по военным и морским делам Владимир Александрович Овсеенко (Антонов) (родился в дворянской семье).

II. Буржуазия

1. Народный комиссар внутренних дел – Алексей Иванович Рыков (его отец занимался земледелием, потом торговлей в Саратове).

2. Народный комиссар по иностранным делам – Лев Давыдович Бронштейн (Троцкий) (родился в семье богатых землевладельцев-арендателей).

III. Крестьяне

1. Народный комиссар по железнодорожным делам – Марк Тимофеевич Елизаров (родился в крестьянской семье).

2. Член Комитета по военным и морским делам Павел Ефимович Дыбенко (родился в семье крестьянина).

IV. Из разночинцев:

1. Председатель Совета народных комиссаров – Владимир Ильич Ульянов (Ленин) (родился в семье чиновника министерства образования, из разночинной интеллигенции).

2. Народный комиссар земледелия – Владимир Павлович Милютин (родился в семье сельского учителя).

3. Председатель Высшего совета народного хозяйства – Валериан Валерианович Осинский (Оболенский) (родился в семье ветврача).

4. Член Комитета по военным и морским делам Николай Васильевич Крыленко (родился в семье журналиста).

5. Народный комиссар по делам торговли и промышленности – Виктор Павлович Ногин (родился в семье приказчика).

6. Народный комиссар финансов – Иван Иванович Скворцов (Степанов) (сын фабричного служащего).

7. Народный комиссар почт и телеграфов – Николай Павлович Авалиов (Глебов) (родился в семье сапожника).

8. Народный комиссар по делам национальностей – Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) (родился в семье сапожника).

9. Народный комиссар труда – Александр Гаврилович Шляпников (родился в мещанской семье).

Ни одного человека из рабочих! Историки чаще всего на деятельности и судьбах членов этого правительства и его окружения и останавливаются, рассматривая всё происходившее в стране как результат их деятельности. Но ведь не эти 18 человек осуществляли «красный террор» Гражданской войны, «раскрывали» заговоры против советской власти и составляли продотряды времён «военного коммунизма». Не они «ставили к стенке» и

пытали жителей в застенках ЧК. Они всё это благословляли и организовывали, а реализовала их идеи масса готовых служить новой власти люмпен-пролетариев.

Ленин и его соратники не скрывали – они сделали социалистическую революцию и будут осуществлять диктатуру пролетариата. Но была ли эта диктатура пролетарской?

Современные последователи коммунистов утверждают, что так оно и было.

Существенная часть историков считает, что началась диктатура вождей – Ленина, а затем Сталина.

А есть и те, кто утверждает, что все эти годы были исключительно годами диктатуры не личностей и не партии в целом, а кучки партийной элиты. Эта точка зрения высказывается примерно так: «За многочисленными ленинскими высказываниями о диктатуре пролетариата, попытками её определения, обозначениями различного рода, облечёнными в наукообразные формы, за отождествлением диктатуры пролетариата с диктатурой вождей, единоличной властью, вырисовывается настоящая, действительная диктатура. Но не диктатура пролетариата, а диктатура против всех классов, в том числе и против пролетариата, против всех социальных групп, больших и малых... Её осуществляет небольшая группа лиц, захватившая власть, типа Политбюро, ЦК КПСС...» [61, с. 147].

Для того чтобы понять – что именно произошло и чья диктатура всё же наступила в России, обратимся к истокам самого понятия «диктатура пролетариата». Оно было введено К. Марксом:

«...социализм есть объявление непрерывной революции, классовая диктатура пролетариата как необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений» [38, с. 91].

Но форма диктатуры пролетариата и её содержание Марксом раскрыты не были. Согласно марксизму, в переходный период превращения капиталистического государства в бесклассовое коммунистическое общество власть в государстве будет принадлежать пролетариату, а формой власти будет диктатура пролетариата. Заявив об этой форме власти, К. Маркс и Ф. Энгельс не конкретизировали её суть и не разработали теорию диктатуры пролетариата, но когда с 18 марта по 28 мая 1871 года в Париже возникла Парижская коммуна, Ф. Энгельс радостно заявил, что это и есть та самая диктатура пролетариата, о которой упоминал Маркс. Парижская коммуна пала, её опыт был столь мал, что вряд ли мог лечь в основу какой-либо теории.

Поэтому реализовать диктатуру пролетариата и дать её теоретическое обоснование большевикам, захватившим власть в России в октябре 1917 года, пришлось, выдумывая всё «на ходу», «творчески» осмысливая происходящее. В отличие от них европейские социал-демократы пытались разработать теорию «диктатуры пролетариата», опираясь на социологические и социалистические теории. Карл Каутский опубликовал в 1918 году книгу под названием «Диктатура пролетариата». В ней он, в частности, писал:

«Маркс всё время говорит о всеобщем избирательном праве, о праве всего народа, а не об избирательном праве одного какого-нибудь привилегированного класса. Диктатура пролетариата была для него состоянием, которое необходимо вытекает из чистой демократии при преобладающем положении пролетариата. Следовательно, тот, кто высказывается за диктатуру, а не за демократию, не смеет ссылаться на Маркса».

И далее: «...если под диктатурой понимать не состояние господства, но определённую форму правления, тогда можно говорить только о диктатуре одного лица или организации. Следовательно – не о диктатуре пролетариата, а о диктатуре пролетарской партии. Но тогда проблема тотчас же усложняется, так как сам пролетариат распадается на различные партии. Диктатура одной из них отнюдь уже не будет диктатурой пролетариата, но диктатурой одной части пролетариата над другой. Ситуация ещё больше усложняется, если и в социалистических партиях, в их отношении к пролетарским слоям произошёл раскол, когда, например, одна партия достигает власти путём объединения городских пролетариев и крестьян. Тогда диктатура пролетариата превращается не только в диктатуру пролетариев над пролетариями, но также в диктатуру пролетариев и крестьян над пролетариями. Тогда диктатура пролетариата принимает поистине удивительные формы» (Kautsky, 1919).

Появление этой книги в Австрии в 1918 году вызвало бурное негодование В. Ленина, который тут же в 1919 году написал книгу с кричащим названием: «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Каутского Ленин называет не только ренегатом, но и «дураком», «слепым щенком», «десятилетней девочкой» и т.п. Видно, что критика Каутским того, что происходило тогда в России, а эта критика звучит буквально с каждой страницы книги, Ленина задела за живое – с его позиций Каутский, ренегат естественно, так ничего и не понял. Поэтому и написал Ленин такую книгу в период, когда шла Гражданская война, экономика разваливалась, а большевики с трудом держались у власти – нашёл же для написания книги время! Здесь не имеет смысла рассматривать полемический задор Ленина и его суть, а имеет смысл выяснить, что же понималось под «диктатурой пролетариата» Лениным – в этом ключ к

пониманию того, что же дальше произошло со страной. Итак, вот основные мысли «вождя мирового пролетариата» В.И. Ленина по этому поводу³:

«...надо сказать: диктатура не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами, но она обязательно означает уничтожение (или существенное ограничение, что тоже есть один из видов уничтожения) демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура».

«...Каутский нечаянно наткнулся здесь на одну верную мысль (именно, что диктатура есть власть, не связанная никакими законами), но определения диктатуры все же не дал». Или же: «...революционная диктатура пролетариата есть власть, завоёванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами» [31, с. 37].

Из этих ленинских строк со всей очевидностью следует такой вывод: при диктатуре пролетариата законы перестают действовать – новая власть не связана никакими законами, она действует так, как считает нужным, а по отношению к тому классу, против которого ведётся борьба, речи о каких-нибудь «общечеловеческих ценностях» и справедливости вовсе быть не может. Именно поэтому в период диктатуры свободные выборы отменяются, свобода слова отменяется, каждый, кто не принадлежит к классу «пролетариев», является человеком «второго сорта» и любые противозаконные действия против него оправданы с позиций диктатуры «пролетариата».

Эти основные положения и легли в основу политики советской власти – в этом легко убедиться, изучив историю СССР.

Ленин умер, так и не создав теории диктатуры пролетариата, а только наметив основные её свойства. Его ближайшие сподвижники не занимались теорией и уж тем более не занимались теорией диктатуры пролетариата, а боролись друг с другом за власть. Победил И. Сталин, который вовсе не был антиленинцем, как это пытаются представить некоторые историки. Напротив, он, как настоящий азиат, был верным и преданным учеником Ленина, которого почитал и которого считал самым-самым. Некоторые разногласия если и возникали между Лениным и Сталиным, то вовсе не носили фатального характера – Сталин обожествлял Ленина. И именно с его подачи и возник в СССР культ нового бога – Ленина. Сам Сталин был человеком со средними возможностями («самая выдающаяся посредственность Политбюро» – так его характеризовал Л. Троцкий) и никакого вклада в теорию марксизма

---

³ В ленинских цитатах мною курсивом выделены ключевые слова.

он не внёс, разве что «обогатил» её бесценным опытом «построения социализма в отдельно взятой стране». Он полностью принял ленинское положение о диктатуре пролетариата, руководствовался гипотезами Ленина, считая их доктриной, не подлежащей критическому осмыслению. В 1924 году он разразился, пожалуй, единственным «теоретическим трудом» – конспектом лекций, прочитанных в Свердловском университете в начале апреля 1924 года, названным им «Об основах ленинизма» [69, с. 5-75]. Здесь он полностью повторяет все ленинские мысли, практически не разбавляя их своими. Впоследствии Сталин и реализовал как мог это ленинское учение в жизнь. Он был настоящим доктринальным ленинцем – Ленин писал о «насилии пролетариата над буржуазией» – вот вам массовый террор по отношению ко всем, кто так или иначе мог быть отнесён к буржуазии и к её защитникам и приспешникам. Это – диктатура пролетариата по-ленински, попробуйте разобраться! При этом в соответствии с принципами В. Ленина уничтожению должны были быть подвергнуты все «непролетарские классы»: бывшие «буржуи», помещики и дворяне, дети священников и сами священники, а также зажиточное крестьянство (кулаки и середняки) – ведь они, как неоднократно писал и говорил Ленин, те же капиталисты, только деревенские! Заодно с ними уничтожению подвергалась «культурная прослойка» из бывших военных, инженеров и работников культуры, «обслуживавших» правящий класс в царской России, а вместо них создавалась новая «пролетарская» культурная прослойка.

Ещё на одну «беду» указывал в своих последних работах вождь мирового пролетариата – нет в России рабочего класса, потому диктатуру его приходится осуществлять большевикам (от имени рабочих). А вот когда будет развита промышленность, будет в ней рабочих больше, чем крестьян в деревнях, то диктатура пролетариата наступит сама по себе и партия может отдохнуть. А тогда и коммунизм придет как бесклассовое общество, но «чтобы уничтожить классы, надо... уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех – работниками» [32, с. 277]. Отсюда следует, что насильственная коллективизация сельского хозяйства страны в конце 20-х годов XX века и ударная индустриализация – это не просто стремление Сталина превратить СССР из аграрной страны в промышленную, как пытаются объяснить многие. Это – желание ускорить построение в СССР социализма, а затем и коммунизма. Но это, как писал Ленин, возможно только при наличии большой массы рабочих в стране. А откуда их взять? Только из деревни! Поэтому надо было вырвать из деревень крестьян, желательно молодых, не испорченных «любовью к крестьянскому труду», и сделать из них рабочих.

Кроме того, Сталин как верный ученик Ленина был убеждён, что «корни» капитализма «гнездятся в товарном производстве, в мелком производстве города и особенно деревни... и поскольку мелкое производство

имеет у нас массовый и даже преобладающий характер и поскольку оно рождает капитализм и буржуазию, особенно в условиях нэпа, постоянно и в массовом масштабе, – у нас имеются условия, делающие возможным восстановление капитализма» [69, с. 349-350]. Поэтому и было нужно свернуть нэп, уйти от мелкотоварного производства, а тех крестьян, кто останется в деревне, нужно оторвать от мелкособственных инстинктов и «уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех – работниками». И сделать это можно было, лишив крестьян в деревнях «реакционного мелкобуржуазного мировоззрения», отняв у них средства производства и обобщив их. Кооперация на селе, о которой так много говорили «мелкобуржуазные» учёные типа А. Чаянова и Н. Кондратьева, как способ социализации крестьян шла вразрез с этой идеей. Эти «мелкобуржуазные» учёные говорили о добровольном объединении труда и результатов труда советских крестьян на кооперативных основах. А насильственное превращение деревень в коллективное социалистическое хозяйство, когда плуги, скотину и пр. обобщили и труд стал оцениваться не по результатам, а по затратам (трудодни), они не воспринимали.

Но не повышение эффективности сельского хозяйства было целью политики Сталина и его многомиллионного аппарата. Превращение крестьян (80% населения страны) в работников – вот суть ломки сельскохозяйственного уклада и создания колхозов. Для победы социализма Сталину нужно было любой ценой создать в стране массу рабочих и уничтожить частную собственность на средства производства, в том числе и в деревне! Потому и собрали всех крестьян в колхозы, а учёных, не понимающих это, уничтожили морально, а потом физически.

Но я немного отвлёкся от главной темы. Теория, напоминаю, это объяснение реально существующего явления. Значимость теории определяется её предсказательными способностями – она предсказывает ситуации, которые ещё не встречались, и с её помощью можно предпринять правильные действия. Теория диктатуры пролетариата не существовала к моменту захвата власти в России большевиками. Теория, предложенная Каутским, большевиков не интересовала. Они осуществляли диктатуру пролетариата эмпирическим путём – методом проб и ошибок, а помогали им в этом люмпен-пролетарии, которые заполнили все «ветви, листья и почки» власти. Люмпен-пролетарии, попавшие на низшие ступени советской власти, арестовывали, допрашивали, ссылали и расстреливали остальных граждан страны, их имущество реквизировали и пользовались реквизированным по своему усмотрению. Вот и получается, что с октября 1917 года в России началась диктатура особой группы людей – диктатура люмпен-пролетариата.

4. ЛЮМПЕН-ПРОЛЕТАРИАТ В РОССИИ В ПЕРВЫЙ ЭТАП ЕГО ДИКТАТУРЫ

В обществе нет двух одинаковых людей, каждый человек – личность со своим видением окружающего его мира. При этом люди живут рядом друг с другом, работают вместе, дружат и ненавидят. Окружение, в котором существует конкретный человек, представляет его социальный мир, и он относительно невелик. В этом социальном мире в системе социальных и экономических отношений человек занимает определённое место. Об этом мире он знает всё, или – почти всё: правила, процедуры, порядки и прочие ценности и нормы. Остальной мир для него – *«terra incognita»*, о нём он судит через призму того мировоззрения, которое присуще его социуму и которое он воспринял с детства.

Поэтому выделяемые марксистами общественно-политические классы на самом деле не являются однородными, ведь «рабочий класс» – это очень неоднородная группа, состоящая из:

- рабочих различных отраслей;
- рабочих с разной квалификацией;
- рабочих с разным уровнем использования физического труда;
- рабочих на производствах с различными условиями труда;
- рабочих с разным уровнем оплаты труда;
- рабочих больших, средних и малых предприятий и т.п.

А потому среди «рабочего» класса есть те группы, которым «нечего терять, кроме цепей», а есть и такие группы, которым есть что терять, и они вовсе не готовы идти на революционные преобразования вместе со своим «классом». И эта группа рабочих вовсе не участвует в пресловутой борьбе пролетариата с капиталом, о которой говорили и говорят марксисты. Далеко не каждый пролетарий хочет прогнать проклятых капиталистов и обобществить их имущество. Чаще всего большая часть пролетариев об этом и не думает. Здесь, как и в любом другом социуме, есть люди, которые довольны жизнью, а есть и такие, кто недоволен ею, – маргиналы. Вот как раз маргиналы и готовы вести «классовую» борьбу. Но при этом «классовое самосознание» вовсе не является главенствующим в этой готовности – если появится возможность покинуть свой «класс», то они это сделают и будут двигаться по социальному лифту вверх, забыв о «классовых интересах». Есть, конечно, и исключения – встречаются в каждом социуме «юноши бледные со взором горящим», есть они и у пролетариата.

В царской России начала XX века 80% населения составляли крестьяне, так что большая часть маргиналов в стране находилась именно в крестьянстве. Поэтому наиболее часты были случаи, когда беднейшие из крестьян уходили из своих деревень от своих родных в большие и малые города в поисках

другой лучшей жизни и других социальных отношений. Они чувствовали необходимость вырваться из своего социума, но у них чаще всего не было чёткого понимания того, к какому социуму они стремятся и как они будут реализовывать это своё стремление к лучшему. Уходя из деревни или села, они порывали со своим социумом, а к другому социуму – рабочим или разночинцам – очень часто они так и не могли примкнуть. Поэтому в городе они становились людьми, не владеющими средствами производства и не принадлежащими ни к какой социальной группе. Они располагали только своим трудом. Они перебивались случайными заработками, или же находили постоянную работу для того, чтобы существовать, но которая их не устраивала и которую они готовы были покинуть в любой момент, если только появлялась такая возможность – не такой жизни они искали, когда уходили из деревни, порывая со своим социальным миром. Это и был в своей основной массе российский люмпен-пролетариат начала XX века.

В числе люмпен-пролетариев были и выходцы из рабочих, которых к 1917 году, по разным оценкам, было от 10 до 19% всего населения. Поскольку промышленность в России находилась на стадии развития, эта была очень неоднородная группа – крупная промышленность была сосредоточена в столице и других больших городах, а в основном в России промышленность была мелкой и кустарной. В годы Первой мировой войны крупная промышленность формировалась быстрыми темпами, отвечая на потребности военной экономики. На эти вновь создаваемые промышленные предприятия приходили в большинстве своём бывшие крестьяне, положение которых было в новом для них социальном слое очень неустойчивым – «деревня!». Опять же – рабочие высшей квалификации имели солидные заработки и хорошо жили, но их было мало. Большая часть рабочих была низкой квалификации, получала за малоквалифицированный труд гроши, и именно эта масса с трудом «влачила существование» и жила в убогих условиях.

Незначительное место в численности населения, но значительное место в обществе занимала интеллигенция. Это – государственно-бюрократический аппарат, генералитет, помещики, банкиры, предприниматели, инженерно-технические работники, учителя, врачи, офицерский корпус, священнослужители и другие, общим числом до 5%. В этом слое людей образованных и просвещённых всегда было много маргиналов. Но и им всегда есть что терять. Маргиналы из интеллигенции, которые всё же рвали с этим слоем, также частично пополняли слой люмпен-пролетариата, но большая часть из них становилась революционерами. В отличие от люмпен-пролетариев революционеры перебивались не случайными заработками, а подкармливались собственными родственниками или маргиналами из интеллигенции (в том числе – промышленников).

Большевики, например, имели кассу, которой управляли В.И. Ленин, Л.Б. Красин и А.А. Богданов, и пополнялась она за время подпольного существования партии за счёт пожертвований частных лиц. Так, промышленник-миллионер Савва Морозов через писателя М. Горького вносил в большевистскую казну по 2 000 рублей ежемесячно. Когда на французской Ривьере он покончил жизнь самоубийством, большевикам через жену Максима Горького, которая являлась душеприказчицей Морозова, было передано 60 000 рублей из его наследства.

Н.П. Шмит, богатый владелец мебельной мануфактуры и родственник С. Морозова, покончил с собой в 1906 году, когда должен был выступить ответчиком на суде по делу о предоставлении средств на закупку оружия для декабряского московского восстания. Шмит не оставил завещания, но устно сообщил Горькому и другим знакомым, что хотел бы передать своё состояние в 500 000 рублей социал-демократам. Деньги перешли к ближайшему родственнику умершего, его младшему брату. Юного брата-наследника быстро уговорили отказаться от наследства в пользу двух сестёр. Младшая из девушек, несовершеннолетняя, была обвенчана с большевиком по имени Виктор Таратута; чтобы ввести полицию в заблуждение, её выдали замуж вторично, фиктивно, за почтенного обывателя. 190 000 рублей, полученные ею в результате замужества, были переданы в большевистскую кассу в Париже. Вторая часть наследства Шмита находилась в руках мужа старшей сестры, социал-демократа, симпатизировавшего большевикам. Он, однако, решил оставить деньги себе. Спор был вынесен на социалистический арбитражный суд, по решению которого большевикам причиталась только часть наследства, но со временем муж наследницы вынужден был передать им все деньги. Таким образом, большевикам удалось прибрать к рукам от 235 000 до 315 000 рублей из Шмитовского наследства [52].

Большевикам до 1906 года давали деньги и многие другие жертвователи – сам М. Горький, агроном А.И. Ерамазов, управляющий поместьями в Уфимской губернии А.Д. Цюрупа, вдова сенатора Александра Калмыкова, актриса В.Ф. Комиссаржевская и др. В то время в либеральных кругах России считалось признаком хорошего тона давать деньги на различные партии, и в числе лиц, исправно выплачивавших ежемесячные суммы от 5 до 25 рублей на эти цели, были и крупные адвокаты, и инженеры, и врачи, и директора банков, и чиновники государственных учреждений. Деньги давались не только большевикам, но и другим оппозиционным царизму кругам и партиям.

После первой революции 1905 года пожертвования сочувствующей буржуазии большевикам сократились почти до нуля, и с начала 1906 года большевики стали прибегать к «экспроприациям», совершая налёты и грабя почтовые и железнодорожные кассы, поезда и банки. Во время знаменитого

ограбления государственного банка в Тифлисе в июне 1907 года они выручили 250 000 рублей, большая часть которых была в банкнотах по 500 рублей, серийные номера которых подлежали обязательной регистрации. Впоследствии несколько лиц, пытавшихся обменять в Европе украденные 500-рублёвые банкноты, были арестованы – все они, в том числе будущий советский министр иностранных дел М.М. Литвинов, оказались большевиками. Сталин – один из организаторов налёта, даже был за это исключён на некоторое время из социал-демократической партии.

Февраль 1917 года «смёл» старую монархическую власть и революционеры из слоя разночинной интеллигенции, составляющие различные партии, наконец-то почувствовали, что их желания могут реализоваться, и наиболее активные партии «пошли в массы», привлекая в свои ряды новых сторонников. Легче всего на революционные призывы откликаются те, чьё мировоззрение неустойчиво – люмпен-пролетариат, а в 1917 году его ряды резко расширились за счёт бежавших с фронта солдат или малоквалифицированных рабочих из вчерашних крестьян.

Известно, что к моменту свершения Февральской революции большевики насчитывали в своих рядах около 24 тыс. членов (меньшевики – почти в два раза больше!). А уже к октябрю 1917 года в большевики пошло столько желающих, что их численность выросла до 350 тыс. человек – почти в пятнадцать раз! Для справки: численность меньшевиков выросла до 200 тысяч человек (только в четыре раза). Из этой простой арифметики следует, что к моменту Октябрьской революции среди большевиков революционеров со стажем, а значит, с полностью сформировавшимся марксистским мировоззрением, было всего лишь 6,8% – только каждый пятнадцатый большевик был убеждённым марксистом, а остальные четырнадцать из пятнадцати были людьми политически безграмотными! Конечно, в большевики в этот период вступали разные люди, и были, конечно же, среди вступивших в партию люмпен-пролетарии, весьма поверхностно понимающие марксизм, но умевшие при необходимости вовремя применить тот или иной марксистский лозунг перед толпами трудящихся. А поскольку в общей массе люмпен-пролетариев было около 80% тех, кто вышел из беднейшего крестьянства, то и мировоззрение люмпен-пролетариата было соответствующим: прежде всего – создать мирок собственного благополучия, а потом думать о других. К концу 1917 года партию большевиков заполонили люмпен-пролетарии и большевистская партия стала отражать их интересы.

Когда большевики в октябре 1917 года взяли власть в свои руки, Советы стали хозяйственной и политической доминантой страны, и старое государственно-бюрократическое чиновничество было отправлено «на свалку истории». Этому помогла и всероссийская забастовка служащей интеллигенции, которая не приняла большевистский переворот и отказалась

выходить на свои присутственные места. Работа банков, почт, телеграфа, казначейства, школ и других была практически парализована [52]. Конечно, в глазах большевиков это называлось «саботажем», но на самом деле забастовка явилась выступлением служащих против нарушения законности в стране и существующей демократии. Временное правительство никто особенно не собирался защищать – оно дискредитировало себя в глазах народа. Все ждали Учредительного собрания, выборы в которое должны были вот-вот состояться, а потому и большевиков с их Советами как новой, народом не принятой, формой власти никто не ждал. Всеобщая забастовка началась с забастовки государственных служащих, а затем к ней примкнули служащие частных компаний и работников железной дороги. Жизнь государства была парализована. Большевикам было некем управлять. Они клятвенно обещали быть «временными» до Учредительного собрания и поддержали процедуру выборов делегатов в Учредительное собрание⁴, но и это им не помогло успокоить народ. Другие бы покаялись в содеянном и ушли в сторону, но не такими были большевики!

Для того чтобы сломить сопротивление служащих, большевики создали 7 (20) декабря 1917 года «Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Народных Комиссаров» (ЧК). Слово «саботаж» в названии этой комиссии тогда являлось ключевым. Контрреволюции ещё и не было. Руководили ЧК «пламенные революционеры» в основном из большевиков, а их волю исполняли рядовые сотрудники ЧК. Кто это был? Частью – рабочие, частью – крестьяне, частью – студенческая молодёжь, но в основном это были люмпен-пролетарии, уже включённые в систему нарождающейся советской власти.

Эта «комиссия» под угрозой сурового наказания принудила служащих выйти на работу. Если этого не происходило сразу, руководство учреждений увольнялось, а их места занимали либо лояльные к советской власти чиновники более низкого ранга, либо находящиеся под рукой у большевиков готовые на всё люмпен-пролетарии, вступившие в партию большевиков⁵.

Через неделю после образования ЧК В.И. Ленин пишет Проект «Декрета о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах» [12, с. 227-229]. Первым пунктом этого «Проекта» значится: «Все акционерные предприятия объявляются собственностью государства». В этом же проекте В.И. Ленин рекомендует ввести «всеобщую трудовую повинность», в соответствии с которой все не работающие граждане «обязаны выполнять те работы, которые будут назначаться местными Советами» [12,

⁴ Постановление Правительства о созыве Учредительного собрания в назначенный срок от 27 октября (9 ноября) 1917 года.

⁵ Постановление об открытии банков от 30 октября (12 ноября) 1917 года.

с. 228], а «саботажники и бастующие чиновники, а равно и спекулянты» заключаются в тюрьму, отправляются на фронт или на принудительные работы [12, с. 229]. И хотя в итоговом документе – «Декрете о национализации банков» этих пунктов нет, программа Ленина была ясна и в ближайшие месяцы все эти идеи были реализованы.

В январе 1918 года накануне открытия Учредительного собрания Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) принял Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа, подготовленную В.И. Лениным, в первых пунктах которой значилось, что Россия объявляется Советской Республикой, земля национализируется, так же как национализируются фабрики, заводы и банки, вводится всеобщая трудовая повинность и т.п. Я.М. Свердлов, открывая Учредительное собрание 5 (18) января 1918 года, зачитал эту Декларацию и предложил Учредительному собранию принять её.

Поскольку в народе после отречения от власти царя не было единого мнения о том, какой должна быть Россия, и было принято решение созвать Учредительное собрание для того, чтобы оно определило форму государственного строя страны. За два дня до открытия заседания Учредительного собрания 3 (16) января было опубликовано «Постановление ВЦИК о признании контрреволюционными попыток со стороны кого-либо или каких-либо учреждений присвоить себе функции государственной власти», в котором говорилось о том, что все такие попытки будут подавляться силой [12, с. 323-324].

Учредительное собрание не прислушалось к этой угрозе и отвергло предложение ВЦИК о принятии Декларации и установлении Советской власти, что послужило основанием для её роспуска, и делегаты Учредительного собрания на следующий день 6 (19) января в здание Таврического дворца допущены не были, а в газетах был опубликован Декрет о роспуске Учредительного собрания. В вину Учредительному собранию как раз и ставился отказ принять ленинскую Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа.

Так в течение двух-трёх месяцев произошла существенная смена государственного строя и государственного аппарата – старых чиновников заменили новые из люмпен-пролетариев.

На смену людям, обладающим опытом административной работы и профессиональными знаниями, приходили вчерашние изгои общества с ущербным мировоззрением (сначала надо удовлетворить собственные потребности в максимально возможной степени), с начальным образованием и без всяких профессиональных навыков в той области, в которой им предполагалось управлять. Да и ремеслу управления они нигде не учились.

Реальная власть в стране оказалась не столько в руках её верхушки – советского правительства, а в руках тех, кто выполнял распоряжения верхушки и реально располагал и распоряжался финансовыми, материальными и трудовыми ресурсами страны, – в руках люмпен-пролетариата. Поскольку проводилась широкая национализация предприятий, то и здесь для руководства этими предприятиями нужны были руководители «из своих» – люмпен-пролетарии стали директорами предприятий и организаций.

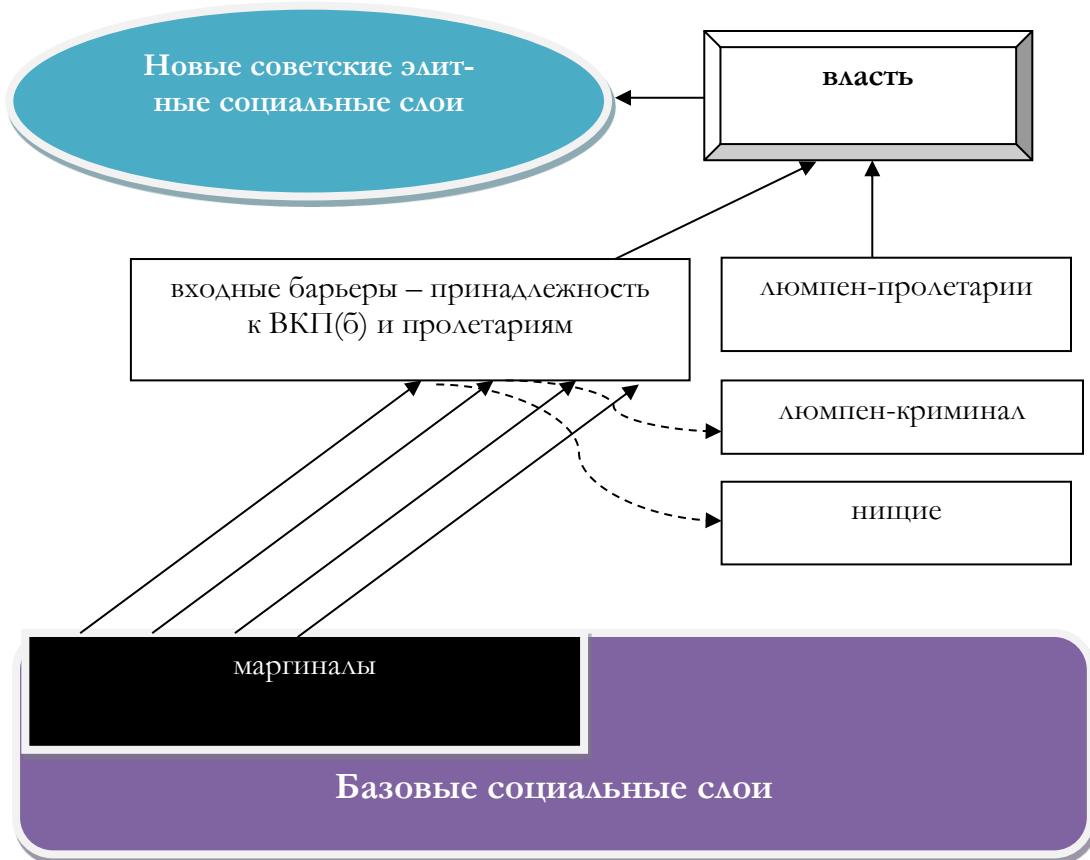

Рис. 3. Модель социальной динамики в Советской России на этапе диктатуры люмпен-пролетариата

Произошла смена социальной динамики: не социальная элита, как ранее, формировалась власть в стране, а власть формировалась новую элиту, уничтожая старую. Власть же формировалась из люмпен-пролетариев и маргиналов из базовых социальных слоёв, которые смогли преодолеть входные барьеры. Этими барьерами на первом этапе диктатуры люмпен-пролетариата были принадлежность к ВКП(б) в первую очередь и рабочему классу во вторую очередь.

Что же представляла собой эта новая власть? Её особенности можно вывести из основных положений современной теории менеджмента, которая выделяет три стиля руководства: авторитарный, либеральный и демократический.

Авторитарный стиль управления означает, что руководитель правит единолично – все решения принимаются им без учёта мнения других людей, его распоряжения не обсуждаются и должны безусловно выполняться, в противном случае нарушивший это правило безжалостно наказывается. Такое управление строится на страхе, а потому не способствует раскрытию творческого потенциала и профессионального мастерства подчинённых. Кроме того, основной принцип такого руководства: достижение цели – это главное, а способы достижения этой цели – второстепенно. Из этого принципа и родился главный лозунг советских военачальников периода Второй мировой войны – «победить врага любой ценой». Для того чтобы так руководить, не нужно особого ума или управлеченческих навыков – нужно быть жестоким и уметь наказывать. При этом, конечно же, следует считать себя умнее и лучше всех окружающих.

Либеральный стиль руководства также не предполагает наличия знаний в сфере управления или управлеченческих талантов. Такой руководитель практически не вмешивается в работу вверенного ему коллектива, а потому его подчинённые предоставлены сами себе. Решения руководитель старается не принимать, а если в этом появляется необходимость, то он принимает не лучшее, а понравившееся ему решение. Понятно, что при таком управлении (за исключением редких случаев) организация обречена на развал.

Демократический стиль руководства предполагает глубокое знание теории менеджмента и (или) наличие таланта управления. Здесь руководитель управляет так, чтобы максимально раскрыть потенциал своих подчинённых и наилучшим способом использовать имеющиеся в его распоряжении ресурсы. Для этого руководитель делегирует часть своих полномочий подчинённым и наиболее сложные вопросы принимаются на коллегиальной основе.

Люмпен-пролетарии – неудачники по своей сути. Оторвавшись от своего социума в поисках лучшей жизни в социумах более высокого уровня иерархии, они так и не смогли добиться этой цели по разным причинам, но в основном – из-за неадекватной оценки собственных сил и способностей. И вот такие люди, не обладающие особыми талантами и тем более не имеющие никакого опыта руководства, в одночасье становятся руководителями. В таком случае они руководят либо в стиле авторитарном, либо в стиле либеральном. Руководители либерального типа разваливали всё, чем руководили, и они замещались теми, кто мог выполнить поставленные перед ними задачи – любой ценой.

Так из самого факта захвата власти люмпен-пролетариями логично вытекает форма их диктатуры. Они могут руководить только с помощью авторитарных методов управления, а потому диктатура люмпен-пролетариев неминуемо принимает форму авторитаризма.

Именно люмпен-пролетариат составил костяк государственного аппарата и промышленности революционной России после октября 1917 года, и, что гораздо важнее, тайной канцелярии (ВЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ). Прочтите воспоминания людей, живших и пострадавших в 20-е и 30-е годы XX века в СССР, – со страниц этих воспоминаний на вас хлынет поток их встреч с люмпен-пролетариями на всех уровнях и, что страшнее всего, в стенах тайной канцелярии, какие бы названия она не носила. Вот, например, из первого, что оказалось под рукой: «Допрашивали нас в нескольких комнатах несколько следователей. За исключением умного Решетова все следователи были малограмотны, самоуверенны и ни о ком из нас не имели никакого представления... «А вы, говорите, философ? А чем занимаетесь?»» [49, с. 700]. Или: «Во времена Ленина в партию завлекали несбыточными лозунгами и обманом, и в неё валили валом самые тёмные, неразвитые, тупые в своей доверчивости люди» [54].

Конечно же, новая большевистская власть формировалась не только из люмпен-пролетариев, но в основном из них. Всеми ветвями этой новой власти нужно было руководить – от высшего до низшего уровня управления, и вход на эти должности тем, кто не умел ни читать, ни писать, был закрыт. Поэтому руководителями разных уровней системы управления становились те представители люмпен-пролетариата, которые попали туда из числа интеллигенции. Но их исторически было очень мало – не более 10% от общей массы новых властителей страны. На самых низких уровнях управления – в комбетах, исполкомах уездных, городских и волостных Советах и их Исполкомах, многочисленных ревкомах, военкомах и пр., вообще было мало людей грамотных. Там заседали и руководили люмпен-пролетарии из низов, только-только умеющие читать и писать, люди с «чёрно-белым» представлением об окружающем мире и с таким же «чёрно-белым» набором средств решения всех проблем. Пройдя Первую мировую войну, а затем и Гражданскую войну, они привыкли к тому, что насилие является основным инструментом доказательства и убеждения. Войдя во власть, они вели себя так, как и положено себя вести деклассированному элементу с элементарным пониманием окружающего мира и роли своей личности в нём: крестьяне Усманского уезда Тамбовской губернии «с ужасом сообщали о местных коммунистах, которые силой брали женщин в жёны, присваивали конфискованную собственность и т.д. Самыми употребляемыми словами местных партийцев, как указывали... крестьяне, были: арестуем, расстреляем» [34, с. 98-99]. И арестовывали, и расстреливали!

В 1921 году страна умирала от голода, а люмпен-пролетарии во власти вели разгульную жизнь. Вот как об этом вспоминал К. Сокол, тогда заведующий ссыпными пунктами на юге Украины: «Я... решил поехать в Томашполь, чтобы добиться разрешения на открытие питательного пункта

для голодающих, чтобы помочь им и тем избежать разгрома голодающими продовольственных складов. Приехав в Томашполь вечером, я сейчас же отправился в Уездный продовольственный комиссариат, но там никого не оказалось, спрашиваю, где упродкомиссар; мне ответили, что он на балу, у товарища такого-то.

Я направился туда. Вхожу, и что же представляется моим глазам? За роскошно убранным столом, заваленным дорогими яствами и заставленным заграничными винами, сидит почти все уездное высшее начальство. Тут же играет оркестр и на столах танцуют шансонетки.

А комиссары и их жены, разодетые в шелка и разукрашенные бриллиантами, гуляют вовсю...

После потрясающих картин голода, только что виденных мною, этот “пир во время чумы” меня поразил. Я им говорю, что приехал по делу устройства столовой для голодающих и хотел бы немедленно добиться разрешения, так как ждать больше нельзя; люди гибнут на моих глазах.

Мильцман и Пьянковский – начполитбюро – ответили мне:

- Брось, товарищ. Садись с нами пить и гулять. Что это у тебя голова болит о голодающих? Подохнут – другие народятся. Этого добра хватит...

Я уехал, не добившись никаких результатов...» [62, с. 169].

И этот пример – не исключение из правил того времени. Это – правило того времени, из которого Павлы Корчагины были исключениями.

«Военный коммунизм» Гражданской войны, о котором сложилось устойчивое мнение как о вынужденной мере Советского правительства в условиях «разрухи», вовсе не проистекал из сложившейся ситуации, а явился результатом слепого следования принципам «научного социализма», как его понимали в начале XX века. Гражданских войн мировая история знала много, но ведь нигде не возникал «военный коммунизм». В воспоминаниях современников тех времён единодушно отмечается, что в тех частях страны, где не было советской власти и не были созданы социалистические отношения, а была власть белых, наблюдался достаток продуктов и товаров народного потребления. Но ведь и в этих частях России была Гражданская война! Значит, дело не в войне, а в методах хозяйствования. А методы в той части страны, которая была занята советской властью, были абсолютно социалистическими.

Об этом свидетельствует и написанная накануне Октябрьской революции В.И. Лениным работа «Государство и революция». Вот что он написал по поводу первой фазы построения коммунизма – социализма:

«Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество

работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идёт на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал...

...в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) “буржуазное право” отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т.е. лишь по отношению к средствам производства. “Буржуазное право” признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью. Постольку – и лишь постольку – “буржуазное право” отпадает.

Но оно остаётся все же в другой своей части, остаётся в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. “Кто не работает, тот не должен есть”, этот социалистический принцип уже осуществлён; “за равное количество труда равное количество продукта” – и этот социалистический принцип уже осуществлён» [30, с. 93-94].

Эти принципы социалистических отношений и начали внедряться большевиками в жизнь: «Общая идеологическая ориентация в начале 1918 года была направлена на вытеснение товарно-денежных отношений из хозяйственной практики строительства нового общества, так как под товарным производством подразумевалась исключительно частнокапиталистическая организация производства. Социализм и его устройство мыслились как безденежное, бестоварное хозяйство, непосредственным образом учитывающее и распределяющее необходимые продукты как производственного, так и потребительского назначения. Отсюда и знаменитый ленинский лозунг “учета и контроля”, которые, по сути, должны были заменить рыночный механизм» [8, с. 127].

Национализировав крупную промышленность и землю и отменив рыночную экономику, большевики столкнулись с проблемой распределения по социалистическим принципам. О решении этой задачи в научном социализме было сказано очень мало. Как осуществить это распределение? Форма этого распределения была понятна – некоторые учётные квитанции, карточки или талоны. Но какое содержание должны были нести в себе эти карточки, что в них должно быть написано? Количество отработанного времени и фамилия? Но ведь если способности у всех членов общества разные, то и результаты труда разные. Отработанное время не является мерилом произведённого продукта. Поэтому большевики придумали для учёта дифференциации вклада каждого в общее дело использовать продуктовые карточки разных типов.

Советской властью повсеместно вводились продуктовые карточки не как вынужденная мера для распределения дефицитных товаров, нет! Распределение по карточкам – это черта социализма, как об этом говорит «научный социализм» начала XX века, а цитата из Ленина подтверждает это. В последующем большевистские вожди, оправдываясь, говорили о том, что всё это было вынужденной мерой, что не было никакого социализма «в лоб», а введённый ими порядок был на самом деле «военным коммунизмом». И этот миф в дальнейшем поддержали не только советские историки, но и зарубежные исследователи: «В сложившейся ситуации Советскому правительству было невозможно привлекать ресурсы, в котором оно нуждалось через нормальный рыночный процесс, даже в условиях интенсивной работы денежного станка. Оно могло привлекать эти ресурсы только с помощью принуждения и дальнейшего централизованного контроля и распределения продуктов. Производимая продукция распределялась между армией и промышленностью, а также рабочими пайками, для чего был организован комиссариат продовольствия (Наркомпрод)» [89]. Какое устойчивое заблуждение!

Сразу же отменить денежное обращение большевики не смогли – не было создано разветвлённой системы распределения, она создавалась несколько лет Гражданской войны. Поэтому Советское правительство продолжало печатать деньги – сначала «керенки», а затем и «совзнаки». Но эти денежные массы печатались без учёта инфляции, доходов бюджета и пр., поскольку из основ научного социализма следовало, что деньги при социализме отомрут. Для скорейшего отмирания денег они печатались в невероятных масштабах. В результате получился симбиоз натурального хозяйства и денежного обмена – все работники получали талоны на продукты, причём в зависимости от общественной значимости работника менялись и виды талонов с соответствующим прикреплением за талоновладельцем набора товаров разной структуры и качества. Частично работники получали зарплату в рублях, на которые могли приобрести товары на рынке и в магазинах. Но массовое печатание денег обесценивало их. К 1918 году «вольные цены» выросли по сравнению с 1913 годом в 93,5 раза, а зарплата в денежном эквиваленте за тот же период выросла всего в 15 раз [16, с. 26]. Получение натуральных пайков как вознаграждение за труд делало натуральную оплату (по социалистическому принципу) превалирующей в доходах граждан.

«Весной и летом 1918 г. советское государство практически не могло наладить регулярное снабжение городов хлебом и вообще продуктами питания. Если в 1917 г. петроградский рабочий без семьи мог существовать на месечный паёк, выдаваемый в то время по твёрдым ценам, в течение 14 дней, то

в первую половину 1918 г. только 1 неделю, а во второй половине года – максимум 6 дней. Ежедневно получаемая восьмушка хлеба была почти единственным источником существования московских и питерских рабочих в 1918 г. То же самое было и на большинстве заводов Республики... Таким образом, заработка рабочих в годы Гражданской войны состоял минимум из трёх частей: 1) денежной части, 2) натурой (продовольственный паек, квартира, прозодежда и пр.) и 3) «нелегальной» части, т.е. добытой вне производства, за счёт прогулов, хищений заводского имущества, приобретения продуктов по карточкам на несуществующих лиц и т.д.» [16, с. 28].

Что касается третьей – нелегальной – части заработка, то она стала повсеместным явлением. Зарплата рабочих не имела смысла из-за малой покупательной способности денег, жизнь их обеспечивалась в основном за счёт рабочего пайка, который давался каждому вне зависимости от результатов труда. Поэтому стимулов к эффективной работе у пролетариев не было, кроме разве что «большого пролетарского спасибо», которое, как известно, на хлеб не намажешь. Поэтому существенную часть времени на социалистических предприятиях рабочие были заняты тем, что точили ножи, делали зажигалки, табуреты, вёдра, различные сельскохозяйственные инструменты и т.п. Всё это выносилось за ворота предприятий и обменивалось на продукты и одежду. Этот источник дохода со временем возрастал в структуре дохода советских рабочих времён Гражданской войны.

Почему это стало возможным в таком массовом порядке? Ведь при царизме этого не было! Да потому, что национализированными социалистическими предприятиями руководили поставленные советской властью «проверенные» большевики из числа люмпен-пролетариев, которые понятия не имели о менеджменте. Старая система контроля над рабочими была сломана, а ей на смену пришла социалистическая сознательность, как и следовало из основ «научного социализма» – «красные директора» по этому поводу проводили совещания, митинги и заботились о том, чтобы на вверенных им предприятиях в порядке была наглядная агитация. Зачатки «социалистической сознательности» в новом строе выискивали и большевистские руководители. Вон как обрадовался Ленин одному из субботников, проведённому рабочими депо Москва–Сортировочная Московско-Казанской железной дороги 12 марта 1919 года! Этот субботник Ленин назвал «великим почином», проявлением героизма трудящихся масс, начавших практическое строительство социализма, выражением нового, коммунистического отношения к труду. А поскольку Ленин назвал это проявлением социалистического отношения к труду, люмпен-пролетарии, руководящие предприятиями, сделали этот «почин» обязаловкой по всей Советской России. Некото-

рые историки утверждают, что в первые годы эти субботники воспринимались жителями Советской России с энтузиазмом, и лишь впоследствии они стали для трудящихся видом дополнительной трудовой повинности. Это мнение сразу становится как-то не очень убедительным, если вспомнить о том, что в другие дни те же самые рабочие на своих рабочих местах в рабочее время изготавливали для своих личных нужд разные изделия для последующей их мены на «чёрном рынке».

Обычным явлением стало воровство рабочими продукции с тех фабрик и заводов, на которых они работали. Экономисты того времени оценивали объём этого нелегального производства и воровства с предприятий в размере, равном объёму легального производства.

Поскольку «карточки» были одним из элементов социализма, который ввели большевики и реализовали на местах люмпен-пролетарии, нужно обратить на них особое внимание.

Кто определял виды карточек и их состав, кто распределял карточки населению и решал – кому какого рода паёк положен? Не Ленин с Троцким, а люмпен-пролетарии на местах во власти. А поскольку это были именно бывшие люмпен-пролетарии с соответствующим отношением к жизни, то они брали себе «куски пожирнее», а жители из «бывших» получали пайки, на которые и прожить не могли, – такие несли свои вещи на рынок и обменивали их на еду. Но рынки как элементы буржуазного мира большевиками тоже были запрещены и время от времени разгонялись «революционными солдатами и матросами» – с конфискацией себе лично того, что удавалось отобрать в ходе подобных облав.

К началу 1920 года в России существовало около 30 различных видов пайков: «бронь-паёк», «усиленный», «красноармейский», «фронтовой», «академический», «совнаркомовский», «транспортный» и т.п. Распределением пайков занимались люмпен-пролетарии, наживавшиеся на этом распределении, выписывая продовольственные карточки на «мёртвых душ» и присваивая себе положенные по карточке продукты. Считается, что всего было оформлено 9,6 млн продовольственных карточек на «мёртвые души» [16, с. 56]. При этом число жителей России составляло около 130 миллионов человек, из которых 80% составляли крестьяне, продовольственными карточками не обеспеченные. Значит, на 26 миллионов граждан не из крестьян приходились эти 9,6 млн карточек, оформленных на «мёртвые души», т.е. более трети продовольствия и товаров, распределяемых в период «военного коммунизма», разворовывалось именно таким образом. Расчёты, конечно, приближённые – здесь не учитывается население территорий, занятых белыми, личности, занятые в теневом бизнесе, а потому и не регистрировавшиеся и т.п. Но масштаб хищений понятен. Ситуация с выдачей пайков

была, несмотря на внешний строгий учёт, поставлена безобразно – и материальная заинтересованность в этом со стороны люмпен-пролетариев очевидна. В те годы для получения пайка надо было просто записаться на службу, но не обязательно служить. Наиболее предприимчивые граждане записывались сразу в несколько таких служб.

Отсутствие товарного производства и материальной заинтересованности жителей советской части России привело к закономерному снижению объёмов производства и возникновению товарного и продовольственного голода в стране. Это, конечно же, не могло не вызвать недовольство большинства населения.

«Изъятие сельскохозяйственных излишков» на селе продовольственными отрядами – это тоже в духе идей «научного социализма». При социализме товарно-денежных отношений нет и быть не может. Всё, что производится, должно быть сдано в общие склады, а оттуда потом должно распределяться пропорционально затраченному труду. Поэтому продотряды и забирали «излишки» у крестьян, выдавая взамен расписки. На эти расписки крестьяне в теории могли получить от города промышленные товары, которых на селе не хватало. Но поскольку промышленность работала в пол силы и в основном на войну, то обмена с крестьянами не происходило. Забирая у села продовольствие, советская власть взамен давала только обещания промышленных изделий, но не сами изделия.

В тяжкие годы Гражданской войны принадлежность к органам советской власти давала возможность участвовать в этом самом распределении и прикарманивать себе и сельскохозяйственную продукцию, и продукцию промышленного производства, и экспроприиуемые у «буржуев» ценности. И для этого у люмпен-пролетариев, захвативших власть в Советах, появились небывалые возможности. Снабжение страны и при Временном правительстве было не самым эффективным, а с переходом к социализму и во все стало элементарным, поэтому в качестве альтернативы советскому карточному снабжению возникла запрещённая властью «мешочная торговля» – предприимчивые или просто отчаявшиеся от голода люди выезжали в деревни, обменивали там на деньги или промышленные изделия хлеб, сало и т.п. и с мешками этих продуктов возвращались в города. Кто-то продавал еду и покупал новые товары и вновь возвращался в деревню (предпринимательство), а кто-то просто запасался едой на некоторый срок для себя лично и для своей семьи (бизнес).

Центральная власть и власть на местах активно боролась с мешочниками, реквизириуя их товар. Но реквизированный товар не обязательно целиком поступал в казну – его растаскивали для себя участники реквизиционно-заградительных отрядов. И это теперь – общеизвестный факт. Известны и

случаи, когда реквизированное продовольствие сгнивало на складах, и это – в условиях дефицита продовольствия и голода! Следует ли более подробно говорить о том, что если продовольствие на складах портилось и выбрасывалось, то были личности, которым это было выгодно для скрытия своего воровства?

Наряду с «общенародным» мешочничеством появилось и мешочничество «привилегированное». Оно стало следствием разрастания административного аппарата и невозможности осуществления контроля за ним со стороны большевистского руководства. Это – проявление люмпенского отношения к власти. Механизм действий «привилегированных» спекулянтов выглядел следующим образом. Местные руководители, уполномоченные Чрезвычайного управления по снабжению Красной армии, представители закупочно-сбытовых и других организаций запасались в «пролетарских центрах» мануфактурными и галантерейными изделиями. Затем своей властью они занимали теплушки в движавшихся в хлебные районы эшелонах и отправлялись за продуктами. Работники железнодорожных станций присоединяли к проходившим мимо поездам эти «свои» вагоны, которые путешествовали с комфортом. Обменяв «мануфактуру» на сельскохозяйственную продукцию, они с таким же комфортом возвращались домой. Часть провизии передавалась в благодарность за покровительство начальникам на железных дорогах, многочисленным влиятельным друзьям и знакомым. Другая часть продукции отправлялась на рынок. Для занятий мешочничеством широко использовали свои права милиционеры, сотрудники региональных управлений уголовного надзора и железнодорожной охраны. «Пока служил в милиции, то я ездил и привозил, а теперь (после увольнения), кроме пайка, не имею ничего», – писал в заявлении один житель Петрограда в октябре 1920 года [11, с. 290].

Вполне естественно, что наиболее удачные предприниматели расширяли свой «мешочный» бизнес, нанимая на работу простых мешочников, организовывая и контролируя всю цепочку этого бизнеса – от деревни до конечного потребителя. В городах функционировали подпольные кабаки, рестораны и кафе. Местные органы власти знали о них и «кормились» от этого бизнеса.

Революционные власти создавали многочисленные структуры – заградительные отряды на транспорте, охотившиеся за «мешочниками», а также продовольственные отряды, занимавшиеся повсеместно бандитизмом. Ф.Э. Дзержинский, будучи в Сибири, в самом начале 1922 года прямо писал, что Красная армия, наблюдавшая бесчинства продотрядовцев, видя, «как сажают раздетых в подвал и в снег, как выгоняют из домов, как забирают всё, разложилась» [11].

Огромный опыт в присвоении чужого добра был накоплен партизанами, которых охотно принимали в последующем в советский управленческий и особенно милицейский аппарат. Наиболее значительные конфискации в годы Гражданской войны предпринимались и частями действующей армии. Особую роль в большевистских экспроприациях играли силовые структуры, особенно ВЧК, пользовавшаяся исключительными правами и менее всего доступная для контроля. Почти неограниченное право арестов и реквизиций логичным образом обернулось возможностью личного обогащения, ибо начавшиеся в 1918 году массовые и не прекращавшиеся революционные изъятия ценностей создавали много соблазнов.

27 июля 1935 года органами НКВД был вскрыт сейф Якова Свердлова, настоящего революционера и ленинца, председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, умершего от гриппа в 1919 году. В этом сейфе оказались золотые монеты царской чеканки на огромную сумму (108 525 рублей), свыше семисот золотых изделий с драгоценными камнями, множество бланков паспортов и заполненных паспортов на имя самого Свердлова, облигации царского времени и пр. В открытом доступе письма Г. Ягоды И. Сталину, в котором сообщается о вскрытии сейфа Свердлова, к сожалению, нет. Это даёт основание многим сомневаться в этом факте. Но в контексте царивших нравов той эпохи это не вызывает сомнений.

ВЧК, поставленная в привилегированные правовые условия как силовая структура, не получала от казны достаточных ресурсов для своего нормального функционирования. Вероятно, это делалось сознательно по принципу: если данная организация широко занимается реквизициями и конфискациями, то её работники голодными и раздетыми не останутся. Поставленные в условия скудной распределительной системы силовики оказались в большой степени предоставлены сами себе и, по лексике тех лет, практиковали «самоснабжение»... Не все были готовы к этому – ведь в органы советской власти попадали не только люмпен-пролетарии, но и идейные революционеры. Так, в 1921 году один из голодающих работников Евпаторийской ЧК в Крыму от отчаяния застрелился. Год спустя глава ГПУ Украины В.Н. Манцев уверял Дзержинского, что украинские чекисты из-за нехватки средств «вынуждены зарабатывать на пропитание грабежами и проституцией» [76].

Последнюю фразу, конечно же, не стоит понимать так, что работники ЧК выходили на панель! Они КОНТРОЛИРОВАЛИ проституцию.

Но закончилась Гражданская война, стала восстанавливаться мирная жизнь, и «законы военного времени» ушли в прошлое. Времена грабежа

под прикрытием революционных фраз закончились. Но люмпен-пролетарии не ушли из власти. И вот почему.

«В соответствии с циркуляром ЦК от 3 мая 1921 г. коммунисты могли быть преданы суду только с санкции местных партийных комитетов. Нарком юстиции с санкции Ленина опротестовал данный циркуляр, однако ЦК вернулся к вопросу и, по сути, подтвердил ранее принятное решение. Соответствующий документ за подписью Молотова был послан местным партийным комитетам и судебно-следственным органам 2 августа того же года. Указания, содержащиеся в циркуляре, сводились к следующему: в случае ареста коммунистов судебно-следственные учреждения обязаны были тотчас же извещать партийные органы и давать им для ознакомления дело подследственного. Кроме того, им вменялось освобождать коммунистов под поручительство партийных комитетов при персональном поручительстве трёх членов партии, уполномоченных на это соответствующим партийным органом» [34, с. 116].

Встать в ряды коммунистической партии и занять какой-нибудь руководящий пост, пусть даже в сельском кооперативе или на базе сельскохозяйственного инвентаря, – вот мечта люмпен-пролетариев Советской России 20-х годов XX века. Так они могли реализовать свои личные амбиции, амбиции людей, оторвавшихся от своего социума и внезапно выигравших от этого: кем он был до революции, этот люмпен-пролетарий? Человек без угла, без семьи, без стабильного заработка! А теперь – он начальник! «Человек малограмотный, не умеющий правильно мыслить, занимает пост комиссара, жрёт за 10-х, ездит на извозчиках и портит воздух» – так оценивали их простые люди страны [34, с. 68].

Завершение Гражданской войны и переход к нэпу изменил статус и формы оплаты советских служащих (слово «чиновник» исчезло из обихода). Их зарплата устанавливалась, исходя из уровня оплаты труда высокооплачиваемых рабочих. При этом разница между совслужащими высшего уровня и простыми клерками резко увеличилась – заведующий отделом получал в среднем в три, а в некоторых случаях и в десять раз больше, чем простой курьер. Весной 1925 года появилась особая категория чиновников – «ответственные политические работники», своеобразная высшая каста советского чиновничества, для которой устанавливались доплаты к окладам в размере от 10 до 50% по сравнению с окладами административно-технического персонала учреждений. Само собой разумеется, что этот статус нёс с собой и дополнительные льготы и привилегии. В этом же году средняя годовая заработная плата совслужащих впервые превысила среднегодовую зарплату рабочих, но, правда, совсем незначительно.

В последующем эта тенденция развивалась, зарплата чиновников становилась всё более высокой, и уже в 1935 году советские чиновники в среднем получали на 40% больше, чем рабочие крупных предприятий. Диктатура люмпен-пролетариата привела к созданию правящей группы – партноменклатуры и совнomenклатуры, которая и реализовала свои властные полномочия в установлении для себя и высоких зарплат, и многочисленных льгот и привилегий.

Многие историки считают, что Сталин создал то, что впоследствии М. Восленский назвал НОМЕНКЛАТУРОЙ (Восленский, 2005). Нет. Номенклатура ковалась снизу – люмпен-пролетариями. Первый их шаг во власть был сделан в феврале 1917 года, когда меньшевики создали Советы и в эти Советы потянулись первые люмпены. Решающий шаг по захвату власти в стране люмпен-пролетарии сделали в октябре 1917 года, когда большевики создали Правительство, а люмпен-пролетарии на местах это правительство поддержали, «зацементировав» власть пробольшевистских Советов. И третий шаг по захвату власти люмпен-пролетариями был совершен сразу же после этого – формированием системы льгот и привилегий для себя, находящихся у власти. И уже после этого, постепенно расширяя для себя систему льгот и привилегий, недоступных другим гражданам СССР, они выработали негласный кодекс правил и нормы поведения, выполнение которых обеспечивало стабильное существование каждого из них во власти – принадлежность к номенклатуре.

В России, да и во многих других странах мира всегда существовали патrimonиальные отношения – существенная часть государственных должностей занималась лично зависимыми от государя людьми. Поэтому и отношения между ним и его чиновниками носили личностный, а не формально-правовой характер. Со временем с развитием экономических отношений и усилением предпринимательской активности, требующей либеральных условий хозяйствования, патrimonиальные системы в развитых странах мира начали уступать место формально-бюрократическим системам власти.

Существовавший патrimonиальный характер власти в царской России тормозил развитие страны, поскольку ключевые должности занимали не люди высшей квалификации, а лично преданные государю сановники, принимающие решения, далёкие от эффективных, но угодные царю. Это было одной из причин краха царской России. Но самое главное – захват в России власти люмпен-пролетариями привёл не к краху, а к трансформации патrimonиальных отношений: вокруг партийного патрона любого уровня чиновничьей иерархии формировалась собранная им и зависящая от него совокупность советских руководителей. А поскольку во времена

Гражданской войны и последующие времена нэпа власть была в существенной части децентрализована, то и патrimonиальные взаимоотношения во власти переплетались самым причудливым образом, представляя собой не иерархически выстроенную систему, а некую совокупность мелких и крупных патrimonиальных сетей. Эти патrimonиальные отношения формировались в некоторые нормы и единые идеологические отношения, разделяемые вслед за патроном и остальными членами патrimonиальнойластной сети. Поэтому и каждый советский деятель, волею судьбы оказавшийся на вершине власти, формировал собственную патrimonиальную сеть во власти – «от Москвы до самых до окраин». А отсюда и многочисленные «группы» и «группировки» как в партийной, так и в экономической жизни первых лет Советской России. Отсюда же и всякие разные «партийные уклоны» – левые и правые, различные блоки и «антисоветские» организации. За каждым из государственных лидеров новой России – Лениным, Троцким, Сталиным, Зиновьевым и Каменевым и др. – всегда находилась разветвлённая группа партийных и советских чиновников, обязанная своему патрону теми благами и привилегиями, до которых она дорвалаась, заняв соответствующие должности. И членство в этой патrimonиальной бюрократии обеспечивалось не квалификацией или преданностью большевистским идеалам, а личной близостью к очередному вождю. Эти патrimonиальные властные сети конкурировали друг с другом. И уже к концу 20-х годов XX века эта борьба между ними началась вестись уже не за «кусок хлеба», а за саму жизнь.

5. ВТОРОЙ ЭТАП ДИКТАТУРЫ ЛЮМПЕН-ПРОЛЕТАРИАТА

Итак, на излёте Гражданской войны социализм, который был построен в России под идеологическим руководством большевиков, продемонстрировал свою полную экономическую несостоятельность.

Производственные фонды предприятий не обновлялись, ремонт машин и механизмов вёлся спустя рукава, а потому износ основных производственных средств был так велик, что это не могло не сказаться на производительности труда. К тому же материальной заинтересованности в результатах труда у рабочих не было, «социалистическое самосознание» не стало новым мотиватором в эффективном труде. Производительность труда и в промышленности, и на селе существенно упала, да так, что ещё долгие десятилетия советская статистика сравнивала результаты социалистического производства с 1913 годом. Крестьяне, у которых изымались все «излишки», производили сельскохозяйственную продукцию в объёмах, достаточных для собственного потребления, – смысла выращивать больше не было никакого. Продовольствия в стране объективно не хватало.

К зиме 1920 года общий объем продукции промышленности составлял около 14% от объёмов 1913 года. Многие заводы были разрушены. Уцелевшие предприятия работали с перебоями из-за нехватки топлива, сырья, неисправности станков. Запасов нефти и угля не было, а уцелевшие нефтепромыслы и шахты давали тогда только 27% угля и 42% нефти от довоенного уровня. Производство зерновой продукции в 1920 году составило к довоенному уровню 52%, работа железнодорожного транспорта – 16,5% [74].

Потребности народного хозяйства определялись не рынком, а многочисленными народными комиссариатами – здесь царил полный хаос, из-за которого производство было разбалансировано. При этом количество служащих, которые руководили и распределяли, выросло в несколько раз по сравнению с царскими временами.

Всё это – последствия наискорейшего введения в стране социализма большевиками по принципам, разработанным основоположниками «научного социализма». Как тут не вспомнить ревизионистов и меньшевиков, которые говорили о том, что социализм должен прийти на смену капитализму сам – он вытеснит его; что для наступления социализма нужно, прежде всего, экономически высокоразвитое государство, а Россия для этого не годилась – она была экономически отсталой страной и т.п. И к 1921 году даже некоторые советские руководители стали это понимать.

Многочисленные восстания против советской власти, навязавшей России социализм, непрерывно происходили во всех районах страны. Самые крупные восстания – Антоновское восстание 1918–1919 годов (на стороне восставших было 50 тыс. человек) и Кронштадтское восстание в марте

1921 года (14 тысяч матросов и жителей города) – оказали сильное влияние на отношение руководства страны к экономическим механизмам и социализму. Причины Антоновского восстания были ясны и Ленину, и другим большевикам, стоявшим у руководства страны. Ещё 30 октября 1918 года был принят Закон о налоге, который так и не вступил в действие. В.И. Ленин сам об этом говорил так: «Он был принят – этот закон, вводящий натуральный налог с земледельцев, – но в жизнь он не вошёл. За его объявлением последовало в течение нескольких месяцев несколько инструкций, и он остался у нас неприменённым» [14, с. 38]. То есть большевистское правительство было готово отказаться от социалистического принципа изъятия сельскохозяйственной продукции у крестьян и ввести рыночные принципы. Но исполнительный аппарат из люмпен-пролетариев «замылил» это решение.

Окончательное решение пересмотреть отношение к экономике было принято в марте 1921 года во время кронштадтских событий на X съезде РКП(б). «Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России... мы должны говорить прямиком, что крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недовольно, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определённо. Это – воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать. Так, как было до сих пор, – такого положения дольше удерживать нельзя» [14, с. 407].

У этого курса было довольно много противников, которые на съезде утверждали, что нэп – это переход к капиталистическим отношениям, возрождение мелкобуржуазной стихии. Все революционные завоевания тем самым будут упущены. Но Ленин был твёрд: «...бояться стихии мелкой буржуазии, даже возрастающей, нечего. Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастет. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние крайнего голода, нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже полное обесиление пролетариата, невозможность для него противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний и отчаяния. Это страшнее. При увеличении количества продуктов никакое развитие мелкой буржуазии не будет большим минусом, поскольку это даёт развитие крупной промышленности, и мы должны поощрять мелкое сельское хозяйство. Все, что мы можем сделать для его поощрения, мы обязаны сделать. Налог – одна из скромных мер в этом отношении, но мер несомненных, которая это поощрение даст и которую принять безусловно следует» [14, с. 448]. Стратегическая цель этой политики – дать экономические основания для роста числа рабочих в России, которых в стране ещё чрезвычайно мало. Позволив стране в некоторой части хозяйствования вернуться

к рыночным отношениям и рыночной стихии, за счёт укрепления экономики следует ещё большими темпами восстанавливать и развивать крупную промышленность, увеличивая тем самым численность рабочего класса, который, после того, как станет большинством, окончательно покончит со всеми «мелкобуржуазными» отношениями и перейдёт к построению коммунизма.

Начались новые преобразования в обществе и новый этап диктатуры люмпен-пролетариата в Советской России.

Прежде всего, продразвёрстка заменялась продналогом. Разрешается свободный обмен сельхозпродукцией. Восстанавливаются независимые потребительские кооперативы. Некоторые государственные предприятия сдаются в аренду частным лицам. Разрешено создавать частные предприятия с численностью работающих на них до 20 человек. Государственные предприятия получают полную самостоятельность в управлении, им предложено строить свою деятельность на коммерческих началах; наиболее крупные предприятия объединяются в тресты. Более того, частным владельцам возвращаются предприятия, на которых занято не более 10 рабочих. Введён в действие Земельный кодекс, который позволял крестьянину свободно выбирать между единоличной или коллективной формами землеустройства, а также разрешал нанимать работников. Отменён «сухой закон», введённый ещё царским правительством, но вводится государственная монополия на продажу алкоголя.

Как видно – реализуется существенный отказ от принципов научного социализма с очевидной реализацией в жизнь идей ревизионистов и меньшевиков.

Преобразования затронули и структуру управления. Количество государственных служащих в стране резко сократилось, и многие из люмпен-пролетариев – те, кто не удосужился вступить в партию большевиков, – были уволены со службы. Это сокращение произошло во всех структурах власти – даже личный состав милиции в Российской Федерации к концу 1925 года сократился по сравнению с 1921 годом более чем в 6 раз⁶. Понятно, что увольнению и сокращению подвергались самые малограмотные люди, а люмпен-пролетарии 17-го года из разночинцев, из буржуазных семей и из недоучившихся студентов, словом, из маргинальной интеллигенции, оставались в структурах советской и партийной власти и продвигались по службе.

20-е годы XX века прошли под знаком борьбы большевистских руководителей за власть. Историки выделяют разные «уклоны» среди них. Так, сторонники левого уклона противились нэпу и ратовали за немедленное

---

⁶ <http://www.all-crime.ru/z-200let/z-200let-05-militia.htm>

возвращение в страну социализма. Сторонники правого уклона считали, что нэп нужно продолжать, а социалистические отношения должны затрагивать крупную промышленность, оставляя крестьянство в условиях сформировавшихся рыночных отношений. Одновременно с борьбой на вершине власти аналогичные процессы шли и на всех нижних уровнях партийных и советских органов. При этом действовал механизм «демократического централизма» – решения высших партийных органов были обязательны для исполнения всеми нижестоящими органами. Происходили массовые «чистки» советских и партийных работников по принципу принадлежности к той или иной оппозиции – или, иначе говоря, за принадлежность к той патrimonиальной сети, которая проиграла. Выживали те, кто умел сохранить нейтралитет или всегда был за большинство. В результате разномастные люмпен-пролетарии, попавшие во власть после Октябрьской социалистической революции, либо изгонялись из неё, либо примыкали к сталинской патrimonиальной бюрократии.

К концу 20-х годов численность партийно-советского аппарата вновь начала увеличиваться. Увеличивается и число сотрудников НКВД в основном за счёт крестьян (58% в 1929 году, 54% в 1930 году), переехавших в город, а также лиц, демобилизованных из Красной армии и флота. Шли туда и безработные, направленные на работу в НКВД биржами труда [83], т.е. люмпен-пролетарии второй волны. Часть личного состава НКВД пополнялась лицами, шедшими в НКВД по направлениям партийных и комсомольских организаций предприятий и вузов (около 20%) – ещё одна группа люмпен-пролетариев.

В 1923 году партия большевиков насчитывала 386 тыс. чел., в 1924 году – 735 тыс. чел., в 1927 году – 1 236 тыс., в 1930 году – 1 971 тыс. И это при том, что общая численность рабочих в СССР к концу 20-х годов составляла около 8 миллионов человек. Неужели, как следует из этих цифр, почти каждый четвёртый рабочий в СССР был членом коммунистической партии? Не было такого. Так откуда же взялись эти многочисленные новые члены партии? Ведь это была партия, носящая в самом начале название РСДРП(б) – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков). И в последующем она меняла названия, но принцип – партия рабочих, сохранялся. Значит, в партию брали в основном рабочих. Но кто это был?

Прежде всего, обратим внимание на то, что в 1927 году только 1% коммунистов имел высшее образование, а 27% членов партии не имели даже начального образования. Как видно, большую часть коммунистической партии к концу 20-х годов составила огромная масса малограмотных людей, пришедшая в неё через принадлежность к рабочему классу, но тут же от него и оторвавшаяся, направившаяся благодаря партбилету в партийные и советские

служащие. Это как раз и были маргиналы, ушедшие из деревни и получившие временную работу на предприятиях, которая их совсем не устраивала. Это было новое поколение люмпен-пролетариев. Они получали статус рабочего, открывавший путь в другой социум – социум партийно-советского чиновничества.

Предыдущее поколение люмпен-пролетариев, захватившее власть в Советской России, формировалось ещё при царской власти, во время Первой мировой войны, а затем – в ходе Гражданской войны. Те времена характеризовались разнообразием мнений и относительной свободой слова. Это были времена лозунгов, за которыми их произносящие понимали самые разные сущности, потому и были возможны различные политические дебаты.

Новое поколение люмпен-пролетариев формировалось при советской власти, когда Советы служили ширмой реальной власти партийного аппарата, когда дискуссии велись о том, какими путями строить социализм и социалистическое общество. Оно формировалось, когда память о довоенных царских временах уже стиралась из памяти людей, а молодым советским гражданам уже успешно внушались различные догматические положения, в том числе и формирующийся миф о «вождe мирового пролетариата В.И. Ленине».

Это новое поколение люмпен-пролетариев заняло нижние ступеньки партийно-советской власти, а «хлебные места» занимались старыми люмпен-пролетариями ленинского призыва. И интересы этих двух поколений пришли в противоречие, а это, как учил К. Маркс, опираясь на гегелевскую диалектику, и есть причина развития. А противоречие заключалось в том, что старая часть люмпен-пролетариев принадлежала к разным матримониальным сетям, конкурирующим, но не воюющим друг с другом. Эта старая часть люмпен-пролетариев во власти первой волны имела собственное видение на окружающий мир, могла относительно свободно высказывать отличную от официальной точку зрения и считала это нормой. А новая часть люмпен-пролетариев имела уже «марксистско-ленинский» сталинского типа догматический взгляд на мир, формировалась как часть разветвленной сталинской патримониальной сети, и отклонения от норм этой сети воспринимались ею как контрреволюция. И движение на основе этого противоречия началось.

Потрудившись некоторое время на новом месте в советско-партийном аппарате, люмпен-пролетарии второй волны вдруг обнаруживали, что их начальство имеет совсем не пролетарское происхождение, а относится к тому перечню, о котором «вождь страны Советов» И. Сталин дал довольно полное представление. Это «промышленники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие

белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы.

Будучи вышибленными из колеи и разбросавшись по лицу всего ССР, эти бывшие люди расположились по нашим заводам и фабрикам, по нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и главным образом – по колхозам и совхозам. Расползлись и укрылись они там, накинув маску “рабочих” и “крестьян”, причём кое-кто из них пролез даже в партию.

С чем они пришли туда? Конечно с чувством ненависти к советской власти, с чувством лютой вражды к новым формам хозяйства, быта, культуры» [69, с. 34-35]. Они-то и вредят советской власти, а потому не надо успокаиваться, а нужно проявлять революционную бдительность [69, с. 37].

«Сознательный» люмпен-пролетарий, попавший на низшие ступеньки власти в составе люмпен-пролетариата второй волны, проявлял бдительность и писал донос на своего начальника из «бывших» либо в партийные органы, либо в НКВД. Не отреагировать на подобный сигнал никто уже не мог, поскольку это могло быть воспринято как «укрываемство врагов народа» и доносу «давали ход». О том, как заставить обвиняемого признаться во всех грехах, написано много литературы – и исторический, и мемуарной. Такой механизм «самоочищения» начал работать в начале 30-х годов в СССР во всех структурах власти без исключения. Не случайно, что в конечном итоге на пике этой «чистки» во главе её встал руководитель НКВД Н. Ежов, окончивший два класса (!) общеобразовательной школы и, как следует из его биографии, типичный люмпен-пролетарий, вступивший в большевики в мае 1917 года.

Поскольку следователи НКВД из люмпен-пролетариев второй волны к моменту массовых репрессий не обладали сколько-нибудь развитым интеллектом, им очень вовремя протянули «палочку-выручалочку» в виде главного принципа советского правосудия (пришедшего, правда, ещё из римского права): «Признание вины – царица доказательства». Поэтому для советского суда нужно было только одно – чтобы подследственный признал свою вину и расписался об этом собственноручно в признательных показаниях. И следователи из люмпен-пролетариев не искали правды, им нужно было только заставить мнимых врагов признаться в том, что они – действительные враги. И сделать это надо было любым способом – пытками, шантажом, угрозами, обманом... Следствие вели люди малообразованные, морально разлагавшиеся от своей власти и безнаказанности. Многие из них будучи детьми и подростками были свидетелями жестокостей времён Гражданской войны – про-

шло-то с тех пор всего пятнадцать лет! А потому уровень пыток и издевательств, которые они допускали по отношению к арестованным, переходит все допустимые морально-этические нормы современности.

А тут ещё «вовремя» подоспело гениальное «прозрение» Сталина – он заявил, что по мере приближения к коммунизму классовая борьба обостряется: «...социализм растёт быстрее капиталистических элементов, удельный вес капиталистических элементов ввиду этого падает, и именно поэтому, что удельный вес капиталистических элементов падает, капиталистические элементы чуют смертельную опасность и усиливают своё сопротивление» [69, с. 399-400]. Член Политбюро Н.И. Бухарин, куда более грамотный коммунист, чем Stalin, прилюдно посмеялся над этим «доказательством» обострения классовой борьбы. Русская поговорка гласит: «Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним». Бухарин 19 июня 1929 года был выведен из Политбюро ЦК и с каждым годом опускался всё ниже и ниже в номенклатурной лестнице СССР. Последним смеялся как раз Stalin – в тот момент, когда Н.И. Бухарина вместе с группой других большевиков ленинского ЦК 15 марта 1938 года вели на расстрел.

Люмпен-пролетарии, не попавшие во власть, массово стали писать анонимки на подозрительных лиц, а люмпен-пролетарии во власти стали организовывать массовые всенародные осуждения «врагов народа» – тех, кто был не такими, как они. Ими созывали массовые митинги, и люмпен-пролетарии от власти, или стремящиеся во власть, громче всех кричали на этих митингах с требованиями распять, расстрелять и задавить как собак всех, «кто не с ними».

Они оказались нужными друг другу – Stalin люмпен-пролетариату и люмпен-пролетариату Stalinу.

Из высших советских и партийных чиновников выжили только те, кто без колебаний входил в формируемую вокруг Stalin патrimonиальную чиновничью сеть – Будённый, Ворошилов, Калинин, Мехлис, Молотов...

Это «очищение» общества от чужих элементов отразилось и в структуре высшей власти – если, например, в первом советском ленинском правительстве совсем никого не было из рабочих, а 5 человек из 18 были выходцами из помещиков и дворян, то в сталинском правительстве 30-х годов был только один человек из дворян – С. Орджоникидзе⁷. Кстати, Орджоникидзе, будучи дворянином, волей-неволей представлял класс, к которому должна была быть применима классовая теория уничтожения и который, просто по своему социальному происхождению, в глазах Stalin и его соратников был чужаком и подлежал физическому уничтожению. Вот, на мой

---

⁷ <http://pravda1917>

взгляд, причина самоубийства Серго Орджоникидзе – он, будучи человеком высокоразвитым, предугадал своё будущее и своим самоубийством сохранил жизнь и благополучие своей семьи.

Безумие репрессий 30-х годов XX века имеет много причин, и борьба люмпен-пролетариев второй волны за власть с люмпен-пролетариями первой волны – одна из них.

Вторая причина также вытекает из теории диктатуры люмпен-пролетариата: любой недовольный советской властью – это маргинал. А из маргиналов, как мы знаем, формируется взрывоопасная масса люмпенов и люмпен-пролетариев. Поэтому, чтобы не допустить смены власти, нужно в самом зародыше уничтожать маргиналов. Массовые репрессии 30-х годов XX века в СССР, когда врагами народа признавались не только «власть держащие», но и простые граждане, как раз и были нацелены на уничтожение маргиналов – высказал недовольство властью, значит, ты для неё опасен. Понятно, что с позиций сохранения власти это бессмысленная затея, ведь маргиналы в обществе возникают из-за условий быта, а не на генном уровне. Но люмпены, пришедшие во власть, рассуждали примитивно – все, кто так или иначе мог быть отнесён к буржуазии и их приспешникам (недоволен, значит – приспешник), подлежали насилию. Исходя из этого, они и устраивали страшные пытки и мучения в стенах НКВД потенциальным врагам, заставляя их признаться в том, что они – враги настоящие. Понимали ли следователи НКВД, что заставляют граждан признаваться в том, что они не совершали? Конечно, понимали. Считали ли они, что перед ними – невиновные люди? Нет, не считали, потому что арестованные виноваты хотя бы тем, что происходят из другого класса, насилие над которым благословил сам Ленин и его верный ученик Сталин.

Ещё одна причина репрессий вызвана вполне бытовыми причинами – доносами можно было расчистить путь для служебного роста или освободить квартиру, да и вообще – присвоить себе понравившуюся вещь: «При НКВД был открыт спецмагазин для реализации конфискованных при аресте у “врагов народа” вещей, которые приобретали за бесценок сами работники внутренних органов. Был даже такой случай, когда заместители министра и их жёны дрались между собой за право покупки вещей. Фельдъегеря (НКВД) Монтиана расстреляли, чтобы завладеть его хорошей охотничьей собакой и ружьём» [76].

Те немногие, кто выжил после сталинских репрессий, единодушно утверждают в своих воспоминаниях, что в лагерях и тюрьмах надзиратели были особо жестоки со всеми, кто был осуждён по 58-й статье (политические) и весьма лояльны к «бытовикам» – уголовникам. Эти действительно были «социально близкие» – они говорили на одном языке с энкавэдэшной

номенклатурой, мыслили одинаковыми категориями, вели себя однотипно. Действительно, ведь уголовники – это те же люмпены, только выбравшие себе другой путь – путь люмпен-криминала. С ними работали, их перевоспитывали, и часть из них в итоге действительно становилась нормальными членами общества.

Кстати, Д.М. Панин, многие годы проведший в сталинских лагерях, обратил внимание на поразительное сходство «демократического централизма» советской партноменклатуры и «понятий» уголовного мира. Вот общие черты блатных кутков и «ленинской партии нового типа», по Панину:

- беспрекословное подчинение решениям пахана, т.е. главаря или вождя,
- периодические «чистки» в своих рядах в поисках нарушителя воровского закона,
- толковища – суды над провинившимися и кровавые приговоры и расправы,
- отлучение тех, кто нарушил их единство, их волчьи «законы» и стремление уничтожить этих отщепенцев – сук,
- античеловеческая мораль (нет нравственных законов, хорошо то, что хорошо для воров),
- постоянные тайны, полное презрение к остальному населению (мы – люди, они – фраера, мужики, черти, т.е. масса, толпа) [28, с. 304].

Но если обратить внимание на то, что у советского уголовного мира (люмпен-криминал) и у советской номенклатуры (люмпен-пролетарии) были одни социальные корни – люмпенство, то в таком сходстве нет ничего удивительного. Люмпен-пролетарии бандитскими методами правили страной, а люмпен-криминал бандитствовал на её просторах.

Второй этап диктатуры люмпен-пролетариата оказался самым жестоким и примитивным. Верховная власть сама испугалась того, что произошло в стране в 30-е годы. Ведь продолжение репрессий угрожало самому существованию страны – были уничтожены руководящие кадры РККА, НКВД, Госплана, Совмина и пр. Нужно было остановить это безумие, и тогда на смену Н. Ежову в ноябре 1938 года пришёл Л. Берия – человек со средним техническим образованием (техник строитель-архитектор). Наследие репрессий прекратилось, их уровень стабилизировался.

Годы «великих строек» заканчивались, социальная и экономическая структура стабилизировалась, социальная мобильность резко снизилась, число люмпенов в обществе сократилось.

Люмпен-пролетарии если и появлялись в советском обществе, то уже в малом количестве. Этому способствовали объективные условия: во-первых от того, что перебраться кому-либо из деревни в город стало практичес-

ски невозможно из-за отсутствия у советских крестьян паспортов; а во-вторых, из-за того, что 26 июня 1940 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Этим Указом увеличивалась продолжительность рабочего дня – с семи до восьми часов, а кроме того, запрещался самовольный уход с предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия или учреждения на другое. Рабочие и служащие, самовольно ушедшие с предприятий и учреждений, должны были предаваться суду и по приговору суда подвергаться тюремному заключению сроком от двух до четырёх месяцев.

И этого сталинской верхушке показалось мало. 28 декабря 1940 года ещё одним Указом Президиума Верховного Совета СССР была введена уголовная ответственность учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы) – вплоть до заключения в колонию сроком до года!

Теперь в обществе оставались только маргиналы, а люмпенов практически не было. Люмпен-пролетарии второй волны во власти могли бояться только друг друга – в спину им уже не дышала масса новых люмпен-пролетариев. Но тут случилась страшная трагедия – Вторая мировая война.

6. ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИКТАТУРЫ ЛЮМПЕН-ПРОЛЕТАРИАТА В ДИКТАТУРУ НОМЕНКЛАТУРЫ

Позорная Зимняя война с Финляндией 1939–1940 гг. продемонстрировала всему миру, что СССР не готов к серьёзной войне. Война с Финляндией началась в ноябре, когда советские войска, напавшие на Финляндию, носили ещё осеннее обмундирование. Так в шинелях и сапогах и воевали красноармейцы почти всю Зимнюю войну. Когда наступили сильные морозы, зимнее обмундирование долго не доходило до войск, поскольку вагоны с валенками и тулупами были «забыты» снабженцами где-то на подступах к Ленинграду. Поэтому потери от обморожения в Красной армии превысили боевые потери.

Сталинское Политбюро, разобрав уроки Зимней войны, с одной стороны, направило усилия по расширению милитаризации общества, а с другой стороны, репрессировало многих военачальников – участников этой войны, сделав их виновными за произошедший позор. Многие историки справедливо полагают, что именно беспомощность Красной армии в Зимней войне с Финляндией привела гитлеровцев к уверенности в том, что они без труда справятся с такой армией, и в Германии началась разработка планов нападения на СССР.

Историки очень много пишут о том, как началась эта война, кого из военачальников репрессировали в первые же месяцы войны за их нерасторопность и за гибель тысяч солдат в результате бездарного руководства. Но практически нет работ, которые бы рассказывали о том, как военные и партийно-советские органы, состоящие в основном из люмпен-пролетариев, метались в панике при появлении фашистов или даже слухов об их появлении и бросали на произвол судьбы вверенные им колхозы и совхозы, предприятия и учреждения, районы, города и области. Напротив, в советские годы было написано много чепухи о выдающейся роли партии в эвакуации людей и материальных ценностей государства. Вот только эти публикации состоят из лозунгов и панегириков в адрес партийно-советского руководства и очень мало содержат фактов. Официальная история здесь оперирует сводками о том, сколько и когда было перевезено, несмотря на «трудности военного времени» и неразбериху. Но кто это организовал и перевёз, не говорит. И только в воспоминаниях очевидцев приводятся свидетельства того, как люмпен-пролетарии, оказавшиеся к 1941 году во власти, бросали руководимые ими коллективы и бегством спасали свои шкуры и своё имущество. В последние годы эта информация стала появляться в открытой печати.

Самое большое число примеров известно о случае, когда германские войска в октябре 1941 года подошли к Москве и ожидалось, что они войдут

в Москву через день-другой⁸. Здесь люмпен-пролетарии, находящиеся у власти, проявили себя в полном объёме:

- наш директор института – а я уже училась в институте иностранных языков – украл последний сахар из буфета, сел в машину и с секретарём парткома бежал из столицы [58],

- с завода № 156 Наркомата авиационной промышленности в ночь на 17 октября сбежали директор завода Иванов, пом. директора по найму и увольнению Шаповалов и начальник отдела кадров Калинин (Московский метрополитен в годы Великой Отечественной войны)⁹,

- утром на службе узнаю, что секретарь Партикома и его заместитель выехали из Москвы... Днём бежал директор и его заместитель Чемоданов (из дневника М.И. Воронкова)¹⁰,

- директор завода № 468 распорядился отвезти на станцию на заводском грузовике своё имущество: пианино, рояль, зеркала, шкафы, серванты, кровати, матрасы, велосипеды, козу и собаку... Партийные чиновники завода не только не остановили директора, но и последовали его примеру [6],

- сохранилась опись осмотра здания ЦК ВКП(б) на Старой площади: «Ни одного работника ЦК ВКП(б), который мог бы привести все помещение в порядок и сжечь имеющуюся секретную переписку, оставлено не было. В кабинетах аппарата ЦК царил полный хаос. Многие замки столов и сами столы взломаны, разбросаны бланки и всевозможная переписка, в том числе и секретная, директивы ЦК ВКП(б) и другие документы...» [46].

Думаю, что вряд ли кто будет считать, что такое поведение было характерно только для москвичей, а руководители колхозов и совхозов, промышленных предприятий и учреждений, партийно-советских органов власти в Витебске, Киеве, Днепропетровске, Смоленске, Пскове, Риге, Брянске и т.д. занимались эвакуацией населения и материальных ценностей, даже не вспоминая о себе, своих семьях и своём имуществе! Как только враг оказывался рядом, начальствующие люмпен-пролетарии дрались «со всех ног».

В воспоминаниях петербуржцев иногда встретишь факты такого рода – «Директор завода и секретарь парткома, утаив от сотрудников своё намерение, бежали на Большую землю» (из истории завода «Измеритель», Санкт-Петербург).

О том, как бежали из Севастополя партийно-советские начальники и военные руководители, оставив десятки тысяч советских людей и солдат на

⁸ https://ru.wikipedia.org/wiki/Московская_паника_1941_года

⁹ http://www.grafik-plus.ru/ST_History/st_Wars.htm

¹⁰ <https://snob.ru/profile/28505/blog/99110?v=1460796406>

расправу фашистам, тоже стали открыто писать и говорить в последние годы.

Большая часть партийно-советских руководителей на местах из люмпен-пролетариев второй волны была не способна к руководству в чрезвычайной ситуации – ни в Красной армии, ни в народном хозяйстве. Их принадлежность к сталинской патrimonиальной бюрократии определялась не квалификацией, а личной преданностью к ближайшему патrimonиальному вождю. Поэтому поведение люмпен-пролетариев было типичным – они бежали без оглядки, оставляя возглавляемые ими коллективы и районы без руководства, воспользовавшись зачастую в последний раз своим правом на использование служебного транспорта в личных целях.

В первые месяцы войны бездарность военачальников и множества хозяйственников стала очевидной. Но ведь не все бежали, кто-то остался на местах, кто-то руководил полками и дивизиями? Кто-то руководил эвакуацией граждан и заводов, материальных и культурных ценностей? Да, такие люди были. Люмпен-пролетариям, занимавшим руководящие посты, как воздух были нужны заместители, которые бы и выполняли всю ту работу, которую выполнять сами люмпены не могли. В партийных органах это были заместители по общим вопросам, на предприятиях это были главные инженеры, в колхозах – агрономы. Именно они в ситуации, когда люмпен-пролетарии во власти поддались панике и бежали, приняли на себя всю ответственность за дело и за людей и организовали эвакуацию. И именно они в конечном итоге взяли в свои руки бразды правления армией и страной в кризисной ситуации. В суровых и невероятно сложных условиях войны в СССР появились лидеры, сумевшие организовать сопротивление врагу, организовать эвакуацию и производство военной промышленности прямо с рельсов в глубоком тылу. Это были люди типа Г.К. Жукова и А.Н. Косыгина – жёсткие, решительные, готовые идти по трупам людей, но решавшие поставленные перед ними задачи. Они сами работали сутками напролёт и других заставляли делать то же самое. Далеко не все из них были идеальными руководителями, но именно их волей было организовано сопротивление врагу.

Великая Отечественная война принесла смену правящей элиты. Теперь в неё пришли люди, проверенные делом, а не умевшие угодничать и произносить велеречивые здравницы в честь Сталина. Пришли люди, искренне верившие в то, что работают они за великую идею, а льготы и привилегии – это дань общества за их тяжёлый труд. Люмпен-пролетарии первой и второй волны остались у власти только в тех случаях, когда они находились глубоко в тылу, там, где не нужно было проявлять таланты руководства. А тех, кто оказался профессионально не пригоден, лишили должностей и льгот.

При этом война изменила мировоззрение существенной части тех, кто оказался у власти. В самом начале войны большая часть из них находилась в плену убогих представлений об окружающем мире, а реальное знакомство с тем, как живут люди на завоёванном в ходе борьбы с фашизмом Западе, трансформировало их мировоззрение от чёрно-белого в цветное. Во власть уже пришли люди с высшим образованием и с суровой жизненной закалкой. Они не готовы были устраивать массовые репрессии и осуждали их (чаще всего в узком семейном кругу). Но это вовсе не означает, что во власть после Великой войны пришли исключительно честные и порядочные люди. Вовсе нет! В советскую номенклатуру рвались маргиналы из всех слоёв общества, потому что для неё ещё на заре советской власти были введены невиданные для прочих граждан привилегии. Их снабжали дефицитными товарами и продуктами (через «спецраспределители» и «столы заказов»); они могли приобретать недоступные для остального населения товары, причём чаще всего по заниженной цене; они пользовались высококачественным медицинским обслуживанием; они получали лучшие квартиры в лучших районах и т.п. Эти люди шли во власть, пополняя номенклатуру, в стремлении войти в этот социум правящей элиты. А попав туда, они также, как и их предшественники, удовлетворяли в первую очередь собственные потребности.

Известно, что после победы в Великой Отечественной войне советские воины-освободители привезли в СССР много трофейных вещей – кто велосипеды, кто баяны, кто часы, а кто шубы и пальто... Но трофеи, которые везли домой номенклатурные военные начальники, зачастую даже не «кнюхавшие пороху», были несравненно большие по размаху – чем выше был занимаемый пост, тем больше возможностей для обогащения имел номенклатурщик и тем больше он присваивал себе «трофеев».

«Группой чекистов, возглавляемой бывшими заместителями начальника областного управления МГБ Р.А. Григоровым и Л.П. Мосиевским, в 1945 г. было привезено из оккупированной Маньчжурии большое количество трофейного имущества, в числе которого имелись сельскохозяйственные машины, станочное оборудование, легковые и грузовые машины, мотоциклы, а также большое количество мяса, рыбы, масла, риса, спирта, шерстяные и шёлковые изделия, валенки, полуушубки, овчины, кожа, кожаные чемоданы и др. вещи. Большая часть этих ценностей начальником группы Соколовым вместе с его заместителями Григоровым и Мосиевским на учёт не ставилась, а оказалась разбазарена без оплаты. Григоров и Мосиевский, будучи в Маньчжурии, на иностранную валюту, изъятую ими в банке, приобретали себе вещи, незаконно израсходовали около 500 тыс. юаней на закупку продуктов и товаров для управления МГБ, списывая эти суммы на “оперативные нужды”» [76].

Номенклатурщики тащили всё в размерах, пропорциональных их положению в номенклатурной иерархии. Тащили, не обращая внимания на «чёрнь» – простых советских людей. Маршал СССР Г.К. Жуков, когда после окончания Великой Отечественной войны попал в опалу, 12 января 1948 года писал объяснительную записку в ЦК ВКП(б) на имя А.А. Жданова:

«Я признаю серьёзной ошибкой то, что много накупил для семьи и своих родственников материала, за который платил деньги, полученные мною как зарплату. Я купил в Лейпциге за наличный расчёт:

1) на пальто норки 160 шт.

2) на пальто обезьяны 50 шт.

3) на пальто котика (искусст.) 50-60 шт. и ещё что-то, не помню, для детей. За всё это я заплатил 30 тысяч марок.

Метров 500-600 было куплено фланели и обойного шёлку для обивки мебели и различных штор, т.к. дача, которую я получил во временное пользование от госбезопасности, не имела оборудования.

Кроме того, т. Власик просил меня купить для какого-то особого объекта метров 500. Но так как Власик был снят с работы, этот материал остался лежать на даче.

Мне сказали, что на даче и в других местах обнаружено более 4 тысяч метров различной мануфактуры, я такой цифры не знаю...

Картины и ковры, а также люстры действительно были взяты в брошенных особняках и замках и отправлены для оборудования дачи МГБ, которой я пользовался. 4 люстры были переданы в МГБ комендантом, 3 люстры даны на оборудование кабинета главкома. То же самое и с коврами. Ковры частично были использованы для служебных кабинетов, для дачи, часть для квартиры.

Я считал, что все это поступает в фонд МГБ, т.к. дача и квартира являются в ведении МГБ. Все это перевозилось и использовалось командой МГБ, которая меня обслуживает 6 лет. Я не знаю, бралось ли все это на учёт, т.к. я полтора года отсутствую и моя вина, что я не поинтересовался, где, что состоит на учёте.

Относительно золотых вещей и часов заявляю, что главное – это подарки от различных организаций, а различные кольца и другие дамские безделушки приобретены семьёй за длительный период и являются подарками подруг в день рождения и другие праздники, в том числе несколько ценностей, подаренных моей дочери дочерью Молотова Светланой. Остальные все эти вещи являются в большинстве из искусственного золота и не имеют никакой ценности.

...Серебряные ложки, ножи и вилки присланы были поляками в честь освобождения Варшавы, и на ящиках имеется надпись, свидетельствующая

о подарке. Часть тарелок и ещё что-то было прислано как подарок от солдат армии Горбатова. Все это валялось в кладовой, и я не думал на этом строить своё какое-то накопление. Я признаю себя очень виноватым в том, что не сдал все это ненужное мне барахло куда-либо на склад, надеясь на то, что оно никому не нужно.

О гобеленах я давал указание т. Агееву из МГБ сдать их куда-либо в музей, но он ушёл из команды, не сдав их...

Прошу оставить меня в партии. Я исправлю допущенные ошибки и не позволю замарать высокое звание члена ВКП(б)» [10, с. 591-593].

Но не только в трофеиных делах прославились номенклатурные во́жди. Во время Великой Отечественной войны, когда Ленинград находился в осаде фашистских и финских войск, там возник жуткий голод. В декабре 1941 года жители получали минимальный паёк в размере 250 граммов для рабочих и 125 граммов хлеба в сутки для остальных категорий. А в это время 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. Жданов жил на обкомовской даче на Каменном острове в Ленинграде и позволял себе есть к чаю сладкие булочки. Я сам слышал рассказ одного из жителей блокадного Ленинграда о том, что в декабре 1941 года в разгар голода он видел как в столовой партийного гнезда Ленинграда в Смольном разгружали из грузовиков туши баранов. И это – в то время, когда жители города умирали от голода, не получая ни капли жира и имея только кусок плохо пропечённого и низкокалорийного хлеба в 125 граммов! Открыты теперь и сведения о том, что в это время в блокадном Ленинграде работал кондитерский цех, обслуживающий номенклатурную верхушку осаждённого города. При желании сегодня можно даже увидеть фотографии этого цеха за работой в декабре 1941 года – там выпекают сладкие «ром-бабы»¹¹.

После жуткой трагедии Ленинградской блокады, когда сотни тысяч жителей города умерли от голода, Правительство СССР озабочилось о восстановлении нормальной жизни в Ленинграде, перечисляя денежные средства для восстановления разрушенного хозяйства и направляя значительные объёмы продовольствия в Ленинград, возглавлявшийся теми, кто в годы блокады отнюдь не голодал. Подпольные предприниматели, которые и в годы блокады совместно с номенклатурой занимались обменом продовольствия на драгоценности и предметы искусства у голодающего населения, не преминули воспользоваться этими ресурсами ещё раз.

«После снятия блокады жителям Ленинграда были предоставлены некоторые льготы: повышение нормы выдачи продуктов по карточкам, разнообразие их ассортимента, завоз в город дефицитных тогда промышлен-

---

¹¹ // <http://pavlovsk-spb.ru/primirenie-nad-voynoi/romovie-baby-golodnogo-leningrada.html>

ных товаров. Порядок въезда в город и прописка строго регламентировались большим количеством нужных и ненужных документов. Однако очень скоро стало заметно, что город наводнился никогда не проживавшими в нем людьми, а коренные ленинградцы получали отказы в прописке. Прописка 21 821 дома в 1946 году подтвердила, что 10 тысяч горожан проживало вообще без прописки...

Было установлено, что в городе действует преступная группа во главе с аферистом Карнаковым и должностными лицами из городской прокуратуры, суда, адвокатуры, ВТЭК, горжилотдела, ОБХСС, управления Ленинградской городской милиции, паспортного отдела, военных учреждений ЛенВО и др. ...

Карнаков организовал преступную группу из представителей правоохранительных органов и ряда государственных учреждений города. Сотрудники УМГБ выявили около семисот связей Карнакова и других лиц преступной группировки...

Первые оперативные данные свидетельствовали, что преступники опирались на большую группу коррупционеров из высокопоставленных чиновников, способных расправиться с любым человеком, обнаружившим их преступную деятельность...

Коррупционеры оказывали платные «услуги» по незаконной прописке, досрочному освобождению из мест заключения, предоставлению жилой площади, демобилизации из рядов Советской Армии, выдаче медицинских заключений об инвалидности и т.д. Они устраивали «сбор дани» с директоров промышленных предприятий, магазинов, баз, складов. При этом часть «дани» была в натуральном выражении в виде отрезов материи, промышленных, винно-водочных и табачных изделий, наборов дефицитных продуктов питания. В ходе следствия было установлено, что ряд работников прокуратуры и УМВД создавали фиктивные следственные дела с целью вымогательства. Всего по делу проходило 316 человек, в том числе 59 работников милиции, 47 – прокуратуры, суда и адвокатуры, 10 – горздравотдела и собеса, 7 – жилсистемы, 8 военнослужащих и 185 прочих (работники торговли, снабжения, баз, столовых, различных артелей и хозяйственники)...

Вновь назначенный начальник Ленинградского управления МГБ Д.Г. Родионов направил около трёхсот конфиденциальных спецсообщений министру госбезопасности В.С. Абакумову и, часто бывая в Москве, докладывал лично Сталину «обо всем происходящем в Ленинграде», в том числе и о связях партийно-советских руководителей Капустина, Попкова, Кузнецова и других с коррумпированными чиновниками...» [71].

Как видно, известное «Ленинградское дело», как один из последних политических процессов эпохи Сталина, имело в своём основании экономические корни – нелегальное предпринимательство и коррупцию.

И именно на этой экономической основе впоследствии родилось «политическое дело».

Но не стоит думать, что ленинградское номенклатурное дело было из разряда редких исключений. Новая волна номенклатурщиков, которая смела из власти люмпен-пролетариев, быстро переняла привычки, нормы и ценности времён диктатуры люмпен-пролетариата. Число примеров, подобных тому, что я привёл, велико.

Но с позиций нашего исследования важно одно – именно в годы Великой Отечественной войны произошёл перелом в форме диктатуры в СССР – диктатура люмпен-пролетариата сменилась диктатурой номенклатуры.

М.С. Восленский в своё время написал и опубликовал замечательную книгу «Номенклатура» (Восленский, 2005). Краткий вывод его книги – власть в СССР принадлежит партийно-советской номенклатуре, а не народу. Именно номенклатура управляла Советской страной, именно она формировала себе подобных, именно она определяла пути развития страны. Это – правящий класс. И как не согласиться с этим выводом? Он правильный. Но не полный. М.С. Восленский не ответил на главный вопрос: откуда взялась номенклатура? «Вождь революции Ленин изобрёл организацию профессиональных революционеров. Глава аппарата Сталин изобрёл номенклатуру» (Восленский, 2005, с. 82). Но если Сталин изобрёл номенклатуру, это означает, что не будь его – и история России после 1917 года была бы другой. А это всё же не так.

Люмпен-пролетарии в октябре 1917 года при поддержке большевиков и при их руководстве взяли в свои руки советскую власть в СССР, да и большевистскую партию они также заполнили. Если бы руководил страной не Сталин, а кто-то другой, они бы всё равно никуда не делись. И номенклатура как порождение люмпен-пролетариата всё равно бы возникла. В других формах, с некоторыми иными модификациями, но всё равно возникла бы.

Впрочем, очень близко к этому выводу М.С. Восленский подошёл чуть ниже: в начале 20-х годов XX века профессиональных революционеров было слишком мало, а вакантных должностей в новом бюрократическом аппарате было слишком много. Вот потому-то «в образовавшийся вакуум в различных звеньях власти рвалась лавина карьеристов. Для того, чтобы получить шансы на успех, требовалось в сущности немного: быть не дворянского и не буржуазного происхождения и вступить в уже победившую и прочно усевшуюся у власти правящую партию» (Восленский, 2005, с. 83). То есть сталинская номенклатура формировалась исключительно из карьеристов. Но понятие «карьерист» весьма расплывчено – карьеристы были, есть и будут в любом социальном слое. Это даже и не маргиналы в строгом смысле последнего понятия!

Номенклатура же – это порождение люмпен-пролетариата, плоть от плоти и кровь от крови его! Вот что не смог сформулировать М.С. Восленский. И только при таком представлении о происхождении правящего класса в нашей стране – стране Советов – понимание происходившего будет понятным.

Но как происходило формирование номенклатуры? Ведь и в США, и в Японии также есть чиновники, есть силовики... Почему там номенклатура как правящий класс не возникла, а у нас она возникла? Разберёмся в этом вопросе.

Люмпен-пролетарии, захватившие в октябре 1917 года власть по всей стране в свои руки, повторюсь ещё раз, были людьми без «социальных корней», не связанные нормами морали тех социумов, которые они покинули. Конечно, они несли мировоззрение своей социальной группы в люмпен-пролетариат; находясь в нём, они рефлекторно реагировали на происходящее так, как этому научились съязвальства в своём социуме. Это так, и, думаю, с этим никто спорить не будет. Но отношение к окружающему миру, роль человека в нём, понимание взаимосвязи между социальными группами, характерное для социума, из которого они вышли, ими отвергалось и презиралось. Именно поэтому-то они и порвали со своим социумом, став люмпен-пролетариями.

В определённой степени, будучи носителями части мировоззрения своего социума, они, тем не менее, создавали новые нормы, новые правила, новые социально-политические и общественно-экономические отношения, исходя из собственного довольно запутанного и сбивчивого мировоззрения – методом проб и ошибок, нащупывая путь к той идеальной модели социализма, теория которого была к тому времени разработана.

Главное – они сформировали нормы и ценности, следуя которым человек становился «номенклатурщиком».

М.С. Восленский определял номенклатуру как перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий орган, и, соответственно, перечень лиц, которые такие должности замещают или находятся в резерве для их замещения (Восленский, 2005). Это – не совсем чёткое определение того понятия, которым с лёгкой руки М.С. Восленского пользуются во всём мире, описывая советскую систему. Под указанное определение подпадают и царские сановники, поскольку тот же самий Николай II назначал министров, зачастую не спрашивая об этом премьер-министра. И проштрафившихся чиновников, снимая, царь переводил на другие должности. Поэтому определение Восленского всё же не полное.

Необходимо выделить отличительные черты советской номенклатуры, а тогда и более полное определение можно будет сформулировать.

Прежде всего, в номенклатуру попадал маргинал, обязательно порвавший со своим социальным окружением, т.е. люмпен. При царе люмпенам во власть вход был закрыт, а советская номенклатура формировалась исключительно из люмпенов.

Вторая важная черта советской номенклатуры заключается в том, что люди, попавшие в номенклатуру и добившиеся видного положения в ней, вовсе не проводят своих детей тем же путём – они устраивают их в другие социальные группы высшего уровня социальной иерархии. Действительно, сын Сталина Василий был военным лётчиком (советская непартийная элита), лётчиками были сын Хрущёва Леонид и сыновья Микояна Степан, Владимир и Алексей (сын Иван стал инженером конструктором). Дочь Молотова была научным сотрудником Института всеобщей истории, другой сын Хрущёва – Сергей стал крупным учёным-кибернетиком, Майя Каганович стала архитектором. Приёмный сын Ворошилова Пётр был конструктором в звании генерал-лейтенанта. Сын Андропова Игорь был дипломатом. Пожалуй, единственным исключением из этого правила стал сын К. Черненко Альберт, ребёнок от первого неудачного брака будущего генсека партии. Альберт пошёл по партийной линии, но не совсем удачно и завершил карьеру заместителем декана юридического факультета Томского государственного университета, размещённого в Новосибирске. Но в целом номенклатурные династии в СССР не наблюдались в отличие от чиновничих семейных кланов как в дореволюционной России, так и в других странах. И это понятно, номенклатура в СССР всегда существовала в форме патrimonиальной бюрократии, когда занятие должности определялось не соответствием занимаемой должности, а принадлежностью к патrimonиальной сети – отношением со стороны возглавляющего сеть патрона. Как только лояльность патрона убывает, номенклатурщик теряет занимаемую должность. Поэтому номенклатура не является устойчивой социальной группой и правильнее поэтому называть её люмпен-номенклатура. К тому же её установки и нормы непрерывно меняются во времени со сменой номенклатурных вождей и их менталитета, что и показывает исторический анализ. Поэтому принадлежность к партийно-советской элите номенклатурой рассматривалась как возможность социального лифта лично для себя с последующим устройством семьи в высших экономических и социальных слоях общества, находящихся на периферии патrimonиального влияния.

Третья важнейшая отличительная черта номенклатуры – её принадлежность к одной правящей партии. Эта принадлежность к одной партии вовсе не подразумевает строгого следования идеям, провозглашаемым партией. Это означает непременное следование всем партийным ритуалам –

произнесение правильных речей; совместное массовое одобрение или не-одобрение отдельных личностей или политических явлений; организация и проведение партийных мероприятий и др.

Четвёртая важна черта – наличие социальных связей между начальником, который принимает решение о назначении и самим назначенцем. Это могут быть семейные связи, это могут быть институтские связи или клановые отношения землячества и др. Это – включение человека в патrimonиальную бюрократическую сеть. В том случае, когда эти социальные связи рвутся, человек выбывает из числа номенклатуры.

Пятая важная черта номенклатуры – создание системы себе льгот и привилегий, которые номенклатурщики получают не по результатам своего труда, а по должности.

Итак, советская люмпен-номенклатура – это и социально разнородные лица из числа люмпенов, продвигающихся по социальному лифту, замещающие или находящиеся в резерве для замещения руководящих должностей, обеспеченных льготами и привилегиями, и подбираемые по принципу личной преданности руководителю вышестоящего органа и принадлежности к правящей партии.

Конечно, «в семье – не без урода», как гласит русская поговорка. И в милицию, и в КГБ, и в партийно-советские органы, и в руководители предприятий и учреждений попадали приличные люди, не без этого. Но масса, основной состав люмпен-номенклатуры определяется свойствами приведённого выше определения. К моменту смерти Сталина на смену диктатуре люмпен-пролетариата окончательно пришла диктатура партноменклатуры.

Чем отличалась советская люмпен-номенклатура от других бюрократий, так это двуличностью: принадлежность к номенклатуре рассматривалась как возможность пользоваться специальными льготами и привилегиями, повышенными заработками и материальным достатком, как способ социального лифта, но при одновременной искренней уверенности в собственной «непосильной» работе на благо народа и декларировании вслух приверженности к коммунистическим ценностям.

Чем отличалась советская люмпен-номенклатура от люмпен-пролетариев во власти? Люмпен-пролетарии были людьми, случайными во власти. Они попали в советскую власть, поскольку представители стабильных социальных слоёв в эту власть не верили и идти в неё не собирались. И именно это дало возможность люмпен-пролетариям захватить власть в стране и привнести в систему государственного управления не встречавшуюся никогда в истории (за исключением Великой французской революции) диктатуру люмпен-пролетариата. Люмпен-пролетарии в советской власти представляли собой многослойную и социально разобщённую группу людей, объединённых коммунистической идеей, воспринимаемой ими на тривиальном

уровне. Чаще всего с этой идеей они встречались впервые, попав во власть. Они, будучи разнородной массой, придерживались различных норм и ценностей, но в ходе закрепления во власти люмпен-пролетарии сбивались в различные патrimonиальные стаи с очень слабыми связями, которые легко разрушались в случае появления более мощной патrimonиальной сети.

Люмпен-номенклатура, в отличие от люмпен-пролетариев во власти, являлась социально более однородной. Нормы и ценности правящего слоя, которые наметились при диктатуре люмпен-пролетариата, были творчески обработаны и развиты приходящей на смену люмпен-пролетариату номенклатурой, и уже следование этим нормам и ценностям предопределяло возможность личности влиться в ряды номенклатуры.

Люмпен-номенклатура была иерархична. Первую ступень в ней занимала партноменклатура. Вторую ступень – советская номенклатура. Третью ступень этой иерархии занимали номенклатурные силовики. Четвёртую ступень – многочисленная хозяйственная номенклатура: руководители заводов, фабрик, главков, трестов и министерств.

В конце 80-х годов XX века писатель-юморист Михаил Задорнов в одном из своих выступлений, показанных по телевизору, сказал замечательные слова. Смысл их заключается в следующем. Посмотрите: кто во время учёбы из студентов, обучающихся в институтах и университетах, становился комсомольскими и профсоюзовыми активистами? Те – кто плохо учился, кому не интересна была выбранная специальность! Все другие становились врачами, инженерами, учёными, а эти – государственными деятелями.

«Так кто же нами правит? – вопрошал М. Задорнов. – Бывшие двоечники и самые большие бездельники?»

Он совершенно прав, поскольку обратил внимание на типичное зарождение люмпена в 70-е годы. А ведь точно такие же люмпены зарождались и среди колхозников, и среди молодых рабочих, но у последних было очевидное преимущество перед студенческими люмпенами – они жили в социальном классе, официально названном правящим, поэтому у люмпен-рабочих в партноменклатуру путь был более простым – через упрощённую процедуру вступления в КПСС. Прорвался из рабочих в партноменклатуру, сразу же получай высшее заочное образование! Принадлежность к партноменклатуре облегчит получение соответствующих «корочек». А далее – топай по светлой дорожке к своему личному коммунистическому светлому будущему!

Если обратить внимание на биографии членов Политбюро последних лет существования КПСС, то можно заметить в их биографии именно эти типичные ступеньки роста: средняя школа – люмпен-рабочий – комсомольский вожак – партийный руководитель местного масштаба, совмещающий

руководство с заочным обучением в пединституте, – партийный руководитель районного масштаба – руководитель областного или городского уровня – ЦК. А тех, кто умственно до ЦК не дотягивает или на партийной работе «чудит», с теми «жестоко» расправляются – делают председателями исполкомов или ещё хуже – председателями местных советов или директорами предприятий.

По факту номенклатура советских времён формировалась из той массы людей, которые по сути своей не являлись умственно высокоразвитыми – бывшие студенты, получившие «корочки» специалистов не за знания, а за общественную «деятельность», или не поступившие в институт личности, отслужившие армию и пришедшие на работу на завод, быстро «соскочившие» из рабочих в «общественники». Были среди них, конечно, исключения, ведь люмпен – это человек из маргиналов, недовольный своим окружением, человек пытливого ума, соображающий и сравнивающий явления, иначе бы он не хотел покинуть свой социум. Но в большинстве своём люмпены, шедшие во власть, были людьми среднего уровня умственного развития – мне в советские годы приходилось общаться с номенклатурой разного уровня, и у меня сложилось такое устойчивое личное мнение. Главное свойство любого люмпена, стремящегося в номенклатуру, – влиться в этот номенклатурный социум и придерживаться «правил игры». Вот каких принципов придерживается типичный номенклатурщик из люмпенов:

1) начальник всегда прав. Самый главный начальник – самый правый начальник. Поэтому его портрет обязательно должен быть на видном месте в твоём рабочем кабинете;

2) ты можешь думать, что угодно. Ты можешь в узком кругу своих же номенклатурщиков ругать макроэкономические особенности страны, но ни в коем случае не скатываясь на личности! На официальных мероприятиях ты должен хвалить макроэкономические особенности страны (если надо, то как раз те, что ругаешь в узком кругу) и хвалить отдельные начальственные личности из числа вышестоящих;

3) никакой самостоятельности! Любая инициатива, во-первых, должна быть согласована с общеидеологическими установками номенклатуры, а во-вторых, идти в русле идей вышестоящего начальства;

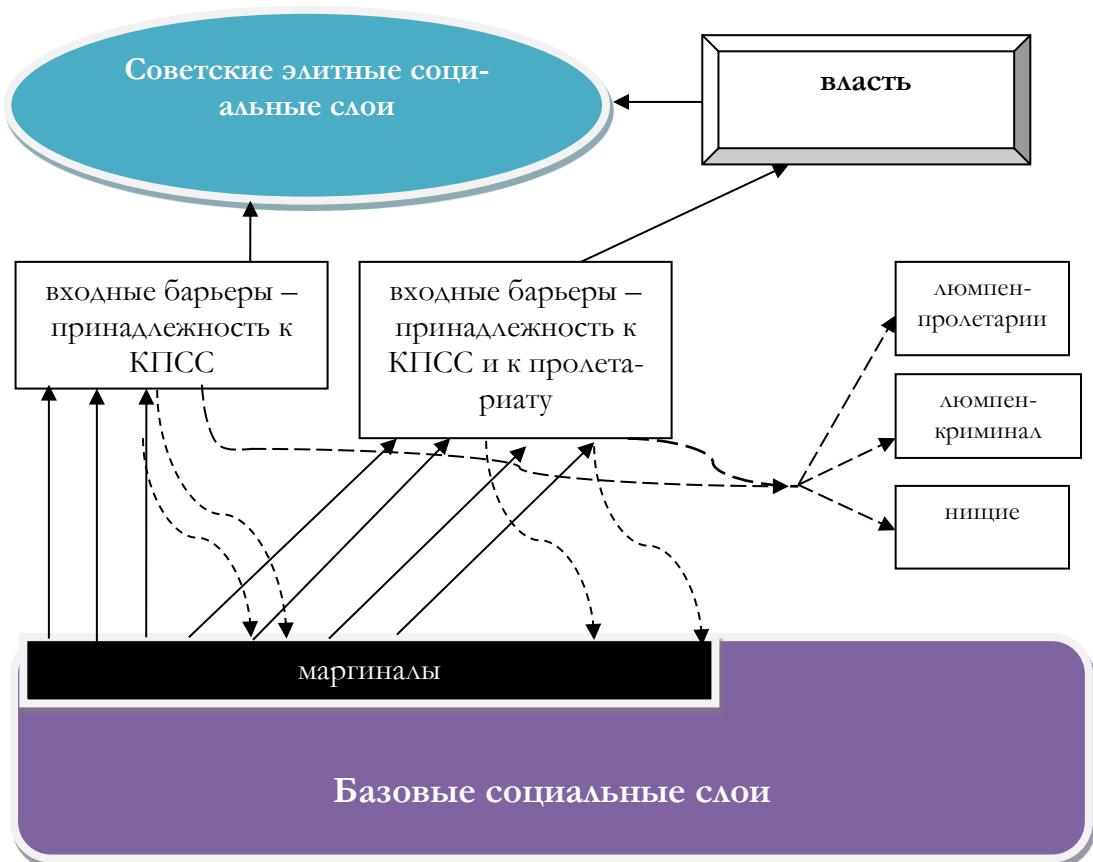
4) в личной жизни ты должен придерживаться норм и ценностей номенклатуры – пить водку, ходить в бани, брать взятки и подношения, сохранять видимость крепкой семейной жизни и тайно развратничать при этом;

5) ты должен быть беспощаден к врагам номенклатуры;

6) непрерывно обещать народу наступление светлого будущего;

7) все проблемы общества, в том числе и возникшие по твоей собственной вине, приписывай влиянию внешних и внутренних врагов.

Понятно, что номенклатурщики, являясь фактической властью в стране и пользуясь этой властью на собственное благо, крепко держатся друг за друга и боятся раскола внутри своего социума, поэтому чужих и по поведению, и повадкам из номенклатуры быстро изгоняют – они не преодолевают входные барьеры (рис. 4). Не обязательно изгонять провинившегося в ад, можно сослать и на почётные должности, находящиеся вне номенклатурного ряда или же на его обочине, – такой, возвращаясь в базовые социальные слои, становится маргиналом.

Рис. 4. Модель социальной динамики в Советской России на этапе диктатуры люмпен-номенклатуры

Возникает, кстати, закономерный вопрос: почему в СССР люмпен-номенклатура стала правящим классом в стране, а в ведущих странах капитализма, где есть и государственные служащие, и бюрократы, и силовики, они не сплотились в единую социальную группу типа номенклатуры? Почему они там не стали правящим социальным слоем?

Рассмотрим для ответа на этот вопрос довольно упрощённую модель того, как осуществляется государственное управление в странах с демократическим устройством.

Начнём со времён окончания Первой мировой войны. К этому моменту практически во всех крупных странах мира уже сформировался класс крупных капиталистов – Рокфеллеров, Дюпонов, Фордов и т.п. Война закончилась десоциализацией общества и формированием в этих странах большого количества маргиналов, люмпенов и люмпен-пролетариев. Социально-политическая обстановка была очень неустойчивой, тем более что пример бывшей царской России, ставшей теперь «страной рабочих и крестьян», очень многих из люмпенов нацеливал на такие же изменения в собственной стране. По всей Европе прокатились волны революций, восстаний и забастовок. Не спокойно было и в Америке. Для сохранения капиталов нужны были социальные и политические реформы, и они стали проводиться под давлением народных масс – как компромисс между желанием крупного капитала не расставаться с капиталом и со своими прибылями и желанием удовлетворить социально-экономические потребности масс. К тому же в Европе социалисты придерживались «ревизионистской» точки зрения, когда социализм сам придёт на смену капитализму и нужно создавать условия для сотрудничества классов.

Методом проб и ошибок капитал выяснил, что люмпен-пролетарии легко могут быть куплены за очень небольшие деньги и, возглавляя массы тружеников (объединившихся в форме профсоюзов, например), способны произносить пламенные речи, а в нужный момент действовать в интересах капитала. Для организации таких действий люмпен-пролетариата нужно было создать, помимо профсоюзов, ещё и крупные политические партии, что и было сделано. Под воздействием политической борьбы условия жизни рабочих начали улучшаться – был введён повсеместно восьмичасовой рабочий день, укрепилась роль профсоюзов, возникла многопартийная система. Легализованные многочисленные политические партии устремились к власти – демократия, да и только!

Крупный капитал активно участвовал в этом процессе через свои правительства и через созданные капиталом партии. Сегодня при внешней видимости многопартийности весьма эффективно повсеместно работает двухпартийная система.

Положим, для определённости, что в стране есть две крупные капиталистические сети:

- А) военно-промышленного комплекса и
- Б) комплекса гражданской продукции.

Под капиталистическими сетями будем понимать неформальные объединения капиталистов, связанных друг с другом не столько интересами бизнеса, сколько социальными связями – учились вместе в Гарварде или посещают одни и те же клубы, или ещё что-то такое же. Пусть первая капиталистическая сеть финансирует партию А, а вторая капиталистическая

сеть – партию Б. Когда у партии есть деньги, то можно на них содержать партийных функционеров, проплачивать рекламу партии, поддерживать нужный имидж партии, покупать прессу и выигрывать выборы. Это значит следующее – чем богаче капиталистическая сеть, содержащая партию, тем больше возможностей у этой партии победить на очередных выборах. А зачем побеждать на выборах? Вовсе не затем, чтобы проводить политическую или какую иную революцию. Власть в стране – это возможность распоряжаться бюджетом страны и её природными ресурсами. Не разворовывать его, как это делают в некоторых странах постсоветского пространства, нет! Всё открыто и прозрачно! Власть над бюджетом позволяет направлять денежные средства из него на разного рода государственные программы, выполнять которые будут фирмы тех самых капиталистов, содержащих победившую на выборах партию.

Поэтому, если к власти в стране приходит партия А, которую содержит капиталистическая сеть военно-промышленного комплекса страны, обязательно начнётся некоторая военная риторика и будет объявлена необходимость проведения маленькой победоносной войны, пусть даже «холодной». На её подготовку и ведение из бюджета будут направлены существенные средства, прибыли от освоения которых осядут в карманах участников капиталистической сети военно-промышленного капитала – хозяев партии А.

Капиталистической сети комплекса гражданской продукции становится завидно – её участники получают простые прибыли, а не сверхприбыли. Тогда они начинают проводить активную пацифистскую пропаганду через свою партию Б, которая приводит обществу ужасающие факты насилия военных над мирным населением той страны, где развязана маленькая победоносная война, снимаются антивоенные документальные и художественные фильмы, раздаются громкие крики о проблемах внутри страны и о том, что средства, которые выделяются из бюджета страны на военные нужды, необходимо перенаправить на развитие социальной сферы в своей стране и на помочь бедным африканским и азиатским странам.

Под воздействием этой пропаганды общество умиляется и на всеобщих выборах побеждает партия Б, которая начинает делить бюджет, направляя средства на финансирование социальных проектов и на «мир во всём мире». Сверхприбыли теперь начинают получать участники капиталистической сети комплекса гражданской продукции. Тогда капиталистам военно-промышленного комплекса опять становится завидно и они начинают активизировать борьбу за власть своей партии А, поддерживая или даже создавая очаги напряжённости в мире.

Игра в две конкурирующие партии – видимость свободы народного выбора в развитых капиталистических странах мира. Фактически же стра-

ной правит крупный капитал. Не народ и не победившая партия из люмпенов ставит на государственные должности людей, а капитал. Именно он нанимает на работу в правительство и в силовые структуры специально подготовленных для этого людей – людей с улицы с сомнительными социальными установками туда не берут. В правительство или в силовики не берут кого попало. Люмпенам туда вход заказан. Для того чтобы стать государственным чиновником, этому нужно учиться. Поэтому в капиталистических странах мира не номенклатура сама себя воспроизводит, а капиталисты нанимают на должности специалистов. Если вдруг кто из таких наёмников вознамерится проводить самостоятельную независимую политику, от того капиталисты быстро избавятся. По сути, меняются только руководители ключевых властных структур, а бюрократы на местах – клерки и мелкие чиновники, – они остаются, поскольку профессионально реализуют новые политические установки своих новых работодателей. Это – капиталистическая номенклатура, которая принципиально отличается от люмпенноменклатуры.

Ну, а что будет, если в номенклатурные чиновники проникнет кто-то «нечистый на руку»? Кто-то, желающий брать взятки или использовать служебное положение в личных целях? Сможет ли он создать такую же ситуацию, как в России – стране поголовной коррупции? Не сможет! И не получится у него это по простой причине – его на должность поставила партия, победившая на выборах в условиях конкуренции. И эта победа – не окончательная и бесповоротная. Борьба между партиями продолжается. Проигравшая партия внимательно следит за победившей партией и с радостью воспользуется её малейшими ошибками. Поэтому сама победившая на выборах партия заинтересована в чистоте своих рядов. И если в них затесался кто-то из люмпен-пролетариев и начинает вести себя соответственно, сама партия с позором изгонит его из своих рядов – конкуренция!

Поэтому если, например, полетел министр экономически развитой страны на служебном самолёте с официальным визитом, захватил в полу-пустой самолёт свою жену, чтобы та во время визита занялась шопингом, то СМИ быстро раздувают эту историю до общенационального скандала и министр подаёт в отставку! Конкуренция...

Из этого следует простой вывод: номенклатура как правящий класс возникает в условиях попытки построения социалистического общества, когда собственность на средства производства обобществляется и капитал не в состоянии управлять страной. Тогда государственная власть силами люмпенов превращается в единый и несокрушимый монолит, а конкуренция во взглядах и тем более в политике жестоко уничтожается этой властью – вплоть до физического устранения лиц, имеющих альтернативные взгляды.

7. БУЛЫЖНИК – ОРУЖИЕ ПРОЛЕТАРИАТА; ЛОЖЬ – ОРУЖИЕ ЛЮМПЕН-ПРОЛЕТАРИАТА

Конечно же, монолитная власть люмпен-пролетариев и в последующем люмпен-номенклатуры стоит на принуждении и страхе. Но этих факторов мало для того, чтобы удержать власть на десятилетия, нужно ещё что-то, что обеспечивало бы режиму долгие годы существования.

«Булыжник – оружие пролетариата» – знаменитая скульптура, выполненная в 1927 году советским скульптором И.Д. Шадром, хранящаяся ныне в Третьяковской галерее в Москве. Замечательная скульптура, очень динамичная и пластичная. «Пролетарию нечего терять, кроме цепей» – было написано в Манифесте Коммунистической партии Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, а потому, скинув цепи, пролетарий в борьбе с буржуа за светлое коммунистическое будущее хватается за булыжник, извлечённый им из мостовой. Ну, а у люмпен-пролетариата, захватившего власть в России в октябре 1917 года, у него – какое оружие? Он ведь не стоял на баррикадах и не сражался на фронтах Гражданской войны. Он или сидел в городах в органах советской власти, призывая сражаться с белыми до последней капли крови, или же занимался снабжением воюющей Красной армии, воруя для себя из того, что полагалось армии.

Как же и с помощью какого оружия он захватил власть в России?

Если внимательно ознакомиться с историей становления и реализации диктатуры люмпен-пролетариата, то можно понять, что этим основным оружием была ложь. Казалось бы – что тут такого? С самого раннего детства мы сталкиваемся с ложью. Нам рассказывают сказки про Серого Волка и Красную Шапочку; про трёх медведей, у которых есть изба, столы, стулья и постели; про Карлсона, у которого на спине есть моторчик, и он летает... Слушая сказки, мы верим в них и успокаиваемся, ложась спать. Живя в области детских фантазий, мы и сами начинаем сочинять всякие небылицы и рассказываем их друг другу и родителям.

Ложь окружает нас и в последующем – нечестный продавец расхваливает свой товар, плетя про него сказки, с тем, чтобы всучить нам его, – и мы покупаем. Толстый гаишник врёт нам, уверяя, что за такое превышение скорости, которое мы совершили, карой служит лишение прав, хотя за него следует только штраф в сто рублей, и мы, поддавшись этой лжи, отдаём гаишнику последние пять тысяч рублей, боясь лишиться прав...

Ничего удивительного нет в том, что и во взаимоотношениях любой власти и населения есть много всякой лжи. Главная цель лжи – исказить информацию так, чтобы она позволила лжецу добиться обманом некоторой заранее поставленной им цели, ведь человек принимает решение, используя имеющуюся у него информацию.

Для чего нужна ложь представителям власти? Для того чтобы удержать её в своих руках. Поэтому власть лгала всегда – с самого зарождения цивилизации.

Сначала цари утверждали, что они – сыны и дочери бога, а потому также священны, как и сам бог. Простой народ верил в это и всячески почитал своих монархов, пока вдруг не выяснилось, что вовсе это не «помазанники», а такие же простые люди, как и все окружающие. С ростом атеизма вера в незыблемость монархии снижалась, пока и вовсе не разрушилась.

Тогда, после того как вера в богов серьёзно пошатнулась, удержаться у власти можно было, внушая народу мысль о необыкновенной мудрости и выдающихся свойствах правителя. А когда на смену монархии и империи пришли разного рода республики и к власти стали приходить не отдельные личности, а конкурирующие группы личностей (политические партии), простой обман уже сменился на изощрённую политическую ложь, поскольку конкуренты легко обнаруживали грубый обман и громко заявляли об этом избирателям в конкурентной борьбе за власть. Поэтому политикам пришлось быть осторожными в использовании неправды – они уже предпочитали не лгать, а просто говорить не всю правду.

Действительно, в отличие от монархии республиканская форма правления подразумевает конкуренцию между гражданами за право обладать властью, пусть даже это право обладать властью относится не ко всем гражданам страны, а только к избранным из них – политическим деятелям, но это уже – демократия. Конкуренция, как известно, приводит к тому, что в её ходе выживает тот, кто обладает конкурентными преимуществами, более весомыми, чем у других. Применительно к борьбе за власть такими конкурентными преимуществами являются предвыборные обещания и информация о том, как эти предвыборные обещания выполняются после того, как победившая партия пришла к власти на выборах. Поэтому в условиях политической конкурентной борьбы любая промашка, любая ошибка, допущенная когда-либо одной из партий, тут же будут использованы противниками для победы в борьбе за власть. Поэтому в странах с развитым демократическим обществом открытая ложь со стороны политиков встречается редко – ведь хуже нет, чем быть пойманным на вранье перед избирателями. Поэтому там используются другие, более искусные и более изощрённые, виды лжи.

Современный политик – это искусный лжец. Он не говорит негодяю, что тот негодяй, если это нужно с политических позиций; на прямой вопрос, ответ на который ему не выгоден, он будет долго и красноречиво говорить, но смысл его ответа так и не станет никому ясен; он всегда будет скрывать своё истинное отношение к тому или иному явлению, демонстрируя выгодную ему точку зрения, а не собственную. Ждать полной правды

от политиков нельзя, части правды – можно. В каждом заявлении политика есть частица правды.

Закономерность очевидна – чем более конкурентной является структура власти в стране, тем меньше лжи используют власть имущие в своей политике. Чем больше политических партий и политических лидеров реально борются за власть, тем больше конкурирующих друг с другом СМИ в их распоряжении, тем больше различных точек зрения получает избиратель и тем меньше вранья используют в своей работе политики. Единственное, что могут себе позволить политики в такой ситуации, – неполное информирование о событии. Очевидно и обратное – монополизация власти, её концентрация в руках одной группы людей приводят к монополии власти на СМИ и на головы простого народа обрушивается из этих СМИ огромное количество всех видов лжи.

Именно это – монополия СМИ – и позволило люмпен-пролетариату так долго держаться у власти в СССР, трансформируясь в правящую группу – люмпен-номенклатуру.

Ложь большевики стали использовать с первых же дней захвата власти. Но делали они это вначале весьма осторожно – в политике существовала конкуренция и поэтому, совравши, можно было и власть потерять. Поскольку потребителем информации о власти в России того времени был в своём подавляющем большинстве простой народ – крестьяне и незначительный по масштабам рабочий класс, то большевики в своей пропаганде использовали простые дилеммы: эксплуататоры и эксплуатируемые; помещики и крестьяне; буржуи и рабочие; революция и контрреволюция. Бросая в массы зажигательные речи о государстве рабочих и крестьян, о советской власти, о мире на земле и др., они вовсе не лгали – они искренне верили в то, что под их руководством будет построено самое справедливое социалистическое общество на земле, что все люди на земле будут жить счастливо, что не будет ни бедных, ни богатых. Нужно только сделать мировую революцию – и всё!

Но были и те, кто сам стремился к власти (эсэры, например) или считали путь, предлагаемый большевиками, ошибочным (меньшевики, например). Поэтому они вели борьбу с большевиками, используя все доступные средства, в том числе и средства массовой информации. И такие возможности у них были. Если в 1860 году в России издавалось 13 ежедневных газет, то уже к 1914 году их было по стране 856, т.е. у жителя дореволюционной России была возможность получения альтернативной информации.

Большевики прекрасно понимали силу СМИ, а потому в первые же дни существования Советского правительства был принят Декрет о печати (27 октября (9 ноября) 1917 г.). В этом документе говорилось, что «буржуазная печать» (все газеты, не признавшие законности Октябрьского переворота) наносит вред новой власти и что поэтому все они были закрыты для «пресечения

потока грязи и клеветы» на новую власть. При этом оговаривалось, что «Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни» [12, с. 25].

По подсчётом исследователей, за период с октября 1917 по март 1918 года было закрыто 216 газет. Из них 128 были изданиями буржуазно-помещичьих кругов. За апрель-июль 1918 года было закрыто ещё 234 газеты, из которых 142 были меньшевистскими и эсеровскими. В марте-мае 1918 года на территории Советской Республики прекратили своё существование издания городских дум и земств [44]. Понятно, что на территориях, не подвластных большевикам, издавались небольшевистские газеты, а газеты большевистского толка там были запрещены.

В феврале 1918 года в России одновременно выходило 293 газеты, из них 60 большевистских, 1 большевистско-советская и 232 печатных органа Советов; 13 из них были центральные, 90 – губернские и областные и 190 – уездные и городские. Издавались они в 68 губерниях и 216 городах страны. Кто издавал эти газеты? Кто писал в них статьи и публиковал передовицы? Ну, конечно же, люмпен-пролетарии. Они, воспользовавшись революционным моментом, пошли в искусство и литературу, они же издавали советские и большевистские газеты и журналы. Всех, кто был не с ними, стали называть «контрреволюционерами», а их деятельность – «контрреволюционной». Сложное многофакторное и многоаспектное социально-политическое положение в России того времени они разделили на две части: революционную (всё, что связано с большевиками) и контрреволюционную. Восстание крестьян против продразвёрстки? – контрреволюция! Высказывания профессоров петроградского университета против советской власти и большевиков? – контрреволюция! Утаивание от ЧК накопленных за годы царской власти драгоценностей и золотых монет? – контрреволюция!

Любая неподконтрольная самостоятельная деятельность граждан вызывала подозрения: «С разрешения наркоматов и других центральных учреждений Республики открываются разного рода частные общества научного, технического, культурного и профессионального характера... Для примера возьмём Всероссийское общество агрономов... Согласно уставу общества... в него могут проникнуть люди, примыкающие по своему прошлому и идеологическому пониманию к враждебному нам классу – буржуазии... [на заседаниях общества] заметны определённые политические выпады против рабоче-крестьянской власти и её опоры – коммунистической партии, чувствуется, что контрреволюционные силы, до сих пор уничтоженные, придавленные и разгромленные, проснулись и поднимают голову, сплачиваются и выпрямляют свою линию... В Республике существуют ещё ряд других, как, например, охотнические, огородные, спортивные и т.д. и

т.д., под видом которых или, вернее, внутри которых скрываются определённые контрреволюционные силы...». Это – из докладной записки в секретно-оперативное управление ВЧК от начальника секретного отдела ВЧК Т.П. Самсонова от 16 декабря 1921 года [49, с. 21-23]. И позакрывали люмпен-пролетарии от власти все эти независимые от неё общества людей, интеллект которых был существенно выше интеллекта пришедших к власти люмпен-пролетариев.

Впрочем, и противники советской власти в те годы не скучились на обман. Те же самые белогвардейцы в своих агитациях допускали и искажения, и преднамеренную ложь.

Например, А.И. Спиридович – жандармский генерал царского правительства – в попытке доказать то, что Ленин был германским шпионом, приводит такой опус: «Отвечая на запрос (о полученных Лениным миллионах марок), министр Симонс заявил, что в архивах Министерства иностранных дел (Германии) нет документов, доказывающих уплату Ленину денег. Подобный ответ представителя правительства может лишь служить косвенным доказательством, что Ленину платили» [68, с. 254]. Как видно – вывод сделан с полным нарушением правил логики. Но автору очень хочется получить именно такой вывод, и он его получает!

А чего стоят многочисленные спекуляции белогвардейцев о том, что власть в большевистской России «захватили жиды»?! Действительно, по сравнению с царской Россией в органах власти Советской России оказалось непропорционально много евреев. Но это легко объясняется не «жидо-масонским заговором», а тем, что к концу XIX века в Российской империи существовала самая большая еврейская община мира (67% всего еврейского народа). Евреи оказались в составе России после раздела Польши, поскольку проживали на землях, которые отошли к России. Отношение русских царей к евреям всегда было негативным, начиная с Екатерины Второй и заканчивая Николаем Вторым [67]. Евреи при царизме были ограничены в своих правах, проживали в черте осёдлости – в пределах границы территории, за пределами которой им запрещалось постоянное жительство (за исключением нескольких категорий, в которые входили купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, отслужившие рекрутам, ремесленники, приписанные к ремесленным цехам, караимы). Были ограничены доли евреев среди медработников в армии, введена норма для евреев, поступающих в высшие учебные заведения, гимназии и прогимназии и т.п. Исаак Бабель, например, не смог из-за этого ограничения поступить в университет и учился в коммерческом училище.

Эти ограничения приводили к тому, что существенная часть еврейского населения, желавшая перейти в другой социум, не могла этого сделать. Поэтому количество маргиналов среди российских евреев всегда зашкаливало, а в ходе Первой мировой войны эта масса маргиналов легко

трансформировалась в люмпен-пролетариев. Так что вполне естественно, что к 1917 году среди люмпен-пролетариев, рванувшихся в советскую власть, евреев в процентном отношении было значительно больше, чем других национальностей. Евреи и возглавили большевистское восстание (Троцкий, Зиновьев, Каменев и др.), и были его активными участниками. Так что «заговора» не было, а было вполне естественное развитие исторических событий. Сколько евреев-маргиналов после победы большевиков, получив возможность стать членами общества, а не его изгоями, стали гордостью СССР? Только в среде художественной интеллигенции 20-х – 30-х годов XX века сразу же всплывают имена: И. Бабель, И. Ильф, И. Дунаевский, Л. Утёсов, Э. Багрицкий, А. Барто, В. Каверин, Л. Кассиль, О. Мандельштам и др. А сколько учёных, врачей, инженеров и архитекторов? Не было никакого заговора, очередная ложь была об этом – евреи просто реализовали освобождённую энергию бывших маргиналов, как и миллионы маргиналов других национальностей Российской империи.

А потребность во лжи у люмпен-пролетариев, захвативших власть в России, была весьма ощутимой. Дело в том, что люмпен-пролетарии, обладая элементарным представлением об окружающих их процессах, активно навязывали массам эти свои представления, «рядя их в одежды» пролетарской революции, свободы и справедливости. Во время Гражданской войны повсюду в Советской России возникали крестьянские бунты и восстания против продразвёрстки. Но, говоря народу о многочисленных восстаниях против советской власти, люмпен-пролетарии говорили и писали, что это всё – контрреволюционная деятельность кулаков и буржуинов, эсеров и меньшевиков: «Эти восстания несомненно являются только началом широкого мелкобуржуазного движения против пролетариата» [27, с. 24].

1 марта 1921 года моряки двух самых крупных линейных кораблей Кронштадта «Петропавловск» и «Севастополь» восстали, приняв на общем собрании резолюцию, в которой выдвигались политические и экономические требования, в частности:

«1) ...немедленно сделать перевыборы советов тайным голосованием...

2) Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов, левых социалистических партий.

3) Свободу собраний и профессиональных союзов и крестьянских объединений...

Резолюция принята бригадным собранием единогласно при 2 воздержавшихся» [27, с. 50-51].

Требования кронштадтцев почти полностью совпали с требованиями, выдвинутыми чуть ранее вождями Антоновского крестьянского восстания.

Как советская власть сообщила народу о восстании «красы и гордости революции» – матросов Кронштадта? Используя привычный приём дихотомии: плохие – хорошие. Но слова «контрреволюция» было уже мало, нужно было персонифицировать ответственность. И вот появилось Обращение Совета Труда и Обороны, подписанное Лениным и Троцким, в котором разъяснялось, что восстание было подготовлено французской контрразведкой, а во главе восстания стоит «бывший генерал Козловский с тремя офицерами, фамилии которых ещё не установлены» [27, с. 59-60]. И опять же – «...смысл последних событий объясняется вполне. За спиной эсеров и на этот раз стоял царский генерал» [27, с. 60]. Вот всё и связалось – империалисты, царский генерал и эсэры, все – враги новой власти. Через несколько дней в официальных сообщениях появились ещё и меньшевики как организаторы Кронштадтского восстания – лгать, так уж по полной программе с тем, чтобы на основе этой лжи уничтожить своих противников! Генерал Козловский никакого отношения к восстанию не имел, он просто волею обстоятельств оказался в Кронштадте и только после того, как мятеж вошёл в полную фазу, примкнул к восставшим, вовсе не являясь и после этого их руководителем, а только простым участником.

Это уже, как видим – открытая ложь – матросы-революционеры названы контрреволюционерами, а руководителя восстания «назначили» сами авторы этой лжи.

В Петрограде не весь народ верил этой лжи, многие рабочие были на стороне восставших, и большевикам стоило большого труда удержать власть в своих руках – и обманом, и силой. 7 марта забастовали Невский судостроительный завод, Арсенал и часть Обуховского завода. Забастовщики даже избрали для связи с Кронштадтом делегатов, которые, не добравшись до Кронштадта, были арестованы Губчека [27, с. 81-82]. Полностью изолировав восставший Кронштадт от окружающего мира, большевистское правительство сразу начало использовать все виды обмана для дискредитации восставших. 16 марта 1921 года в газете «Правда» по согласованию с В.И. Лениным было опубликовано интервью Л. Троцкого о событиях в Кронштадте, где он утверждал, что восстание – дело рук внешних сил (Антанты), а также «эс-эров» и меньшевиков [27, с. 210-211].

Ну а потом, после разгрома Кронштадтского восстания, официальную лживую версию подхватила масса люмпен-пролетариев от литературы и искусства, «творчески» развивая её. Правда о восстании простых матросов против большевиков была искажена, и в советские годы всегда говорилось только об эсэро-меньшевистском восстании, организованном царскими генералами при поддержке Антанты, а его подавление представлялось как очередная героическая страница Гражданской войны.

Прошло чуть более десяти лет с момента восстания, и Э. Багрицкий написал стихотворение («Смерть пионерки»), отрывки из которого были положены на музыку В. Юровским, и получилась песня:

«Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лёд».

Обман принял литературную форму, а потому так цепко впитался в подкорку всех советских людей! Эту песню и сегодня иногда исполняют на эстраде, а почему бы и нет?

Полностью взяв власть в свои руки после окончания Гражданской войны, большевики продолжили использовать обман как средство манипуляции людьми, причём это делалось и на высшем уровне, и на местах. В политической борьбе за власть обман использовали по отношению друг к другу и вожди Советской России – Троцкий, Сталин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин. В этой борьбе большинство использовало простой приём: передёргивание фраз. А после очередного изгнания с должности кого-нибудь из вождей в СМИ попадали официальные изложения произошедшего, лживые, естественно.

Как в этой борьбе победил И. Сталин – «самая выдающаяся посредственность бюрократии»? Посредством обмана, естественно! Любой человек принимает решение на основе имеющейся информации. Борис Бажанов, с 1923 по 1928 год являвшийся личным секретарём Сталина, вспоминал об этом выдающемся обмане так: «Я вхожу к Сталину с каким-то срочным делом как всегда, без доклада. Я застаю Сталина говорящим по телефону. То есть, не говорящим, а слушающим – он держит телефонную трубку и слушает. Не хочу его прервать, дело у меня срочное, вежливо жду, когда он кончит. Это длится некоторое время. Сталин слушает и ничего не говорит. Я стою и жду. Наконец я с удивлением замечаю, что на всех четырёх телефонных аппаратах, которые стоят на столе Сталина, трубка лежит, и он держит у уха трубку от какого-то непонятного и мне неизвестного телефона, шнур от которого идёт почему-то в ящик сталинского стола... Мне нужно всего несколько секунд, чтобы это заметить, и сообразить, что у Сталина в его письменном столе есть какая-то центральная станция, при помощи которой он может включиться и подслушать любой разговор, конечно, “вертушек”. Члены правительства, говорящие по “вертушкам”, все твёрдо уверены, что их подслушать нельзя – телефон автоматический. Говорят они поэтому совершенно откровенно, и так можно узнать все их секреты» [2]. Это был самый большой обман Сталина.

Если вы сядете играть в карты с опытным противником и будете не только знать все его карты, но и все ходы, которые он собирается делать,

вы, конечно же, будете выигрывать у него, каким бы гениальным не был ваш противник. Точно так же и Сталин – он подслушивал разговор своих противников и всегда знал их планы, а они его планы не знали. Сложно в такой ситуации не победить!

Нэп несколько ослабил советскую цензуру. Из множества новых деятелей искусства, пришедших в него через социум люмпен-пролетариев, появилась и выдающиеся личности, но основная масса деятелей от искусства была всё же весьма посредственной. Уже на излёте относительной свободы печати в 1926 году Борис Пильняк опубликовал потрясающую повесть – «Повесть непогашенной луны» в «Новом мире», в которой, по сути, излагалась версия о том, что сорокалетний Фрунзе при сердечной операции был зарезан хирургами – по указанию свыше. В продаже она была дня два, после чего её сразу же изъяли. А Пильняка впоследствии расстреляли (в 1938 году). Говорить и писать правду в 20-е годы было сложно, а уже в 30-е годы – смертельно опасно. Можно было писать только партийную версию о правде. Те, кто в этом преуспел, были приласканы властью, а те, кто этого не делал, становились изгоями.

К концу 20-х годов XX века Сталин и его приближённые люмпен-пролетарии окончательно взяли власть в свои руки. А поскольку интеллектуально они совсем не подходили для управления страной и ими совершалось множество экономических, социальных и другого рода государственных ошибок, они использовали враньё народу в полном объёме и не стесняясь: в ошибках виноваты враги, а в достижениях – вожди.

В основном ими стала использоваться ложь открытая. Официально и на всех уровнях считалось, что любые проблемы в стране вызваны вредительством, а главный вредитель – Троцкий. Попытка массовой индустриализации страны велась в спешке и руками людей малограмотных. Логистика великих строек была «из рук вон» как плоха! Желание сделать «в срок» и раньше срока приводило к массовому браку при строительстве, а потому при начале эксплуатации случались массовые аварии. Конечно же, основная вина в этом лежит на партии большевиков, которая вмешивалась во все дела и работу инженеров и требовала «выполнение плана любой ценой», а на руководящие должности ставила люмпен-пролетариев. Но разве люмпен-пролетарии, стоящие у власти, будут признаваться в этом? Конечно же, нет! Виноваты вредители-троцкисты. И вот уже появляется первое «дело» – Шахтинское, насквозь лживое, от начала и до конца.

В феврале 1928 года в Шахтинском районе Донбасса органами ГПУ по обвинению во вредительстве и саботаже была арестована большая группа руководителей и специалистов треста «Донуголь» и шахт. Не они первые и не они последние. Но вместо того, чтобы передать их дело в суд, руководящая верхушка страны начинает формировать из этого рядового

дела громкий политический процесс: «Считаю преждевременной передачу этого дела в руки судебных органов. В этом деле нити вдут в аппарат ВСНХ и Донугля, а с передачей дела в руки судебных органов мы много не сумеем узнать», – так считал председатель ВСНХ В.В. Куйбышев [78, с. 73]. Также считали и остальные члены сталинского правительства. И их легко понять – только что, 18 января 1928 года, Л.Д. Троцкий был силой доставлен на Ярославский вокзал Москвы и выслан в Алма-Ату. Этот факт сильно взбудоражил советское общество – Троцкий пользовался довольно большим авторитетом в Советской России, и потому в январе 1928 года в Москве, Ленинграде и на Украине появились листовки, призывающие рабочих требовать немедленного возвращения из ссылки и освобождения из-под ареста троцкистов. Власти нужен был «отвлекающий манёвр», громкое политическое дело, затмевающее по значимости высылку Троцкого в Алма-Ату. Поэтому возникла объективная необходимость в том, чтобы сфабриковать «Шахтинское дело». А под сурдинку можно будет потом оппозицию обвинить в организации этого вредительства и расправиться с троцкистами уже окончательно.

Тогда для придания «делу» большого масштаба в число обвиняемых включили руководителей угольной промышленности из ВСНХ. Открытые судебные слушания проводились в Москве в Доме Союзов с 18 мая по 6 июля 1928 года – всего лишь через четыре месяца после высылки Троцкого! Обвиняемым вменялась в вину не только вредительская деятельность, но и создание подпольной организации, установление конспиративной связи с зарубежными антисоветскими центрами. Понятно, что это была ложь. Но почему все обвиняемые признались в том, чего не совершали? Почему они на суде также поддерживали эту ложь?

Из книг А. Солженицына и В. Шаламова широко стало известно о тех пытках, которые применяли к арестованным на предварительном следствии. Но многие сопротивлялись. Их ломали – физически и духовно. Редко кто выдерживал и не сдавался. Но наряду с такими пытками следователи использовали и другое излюбленное оружие люмпен-пролетариата – ложь. Вот, например, что писал в Объяснительной записке член Московской коллегии защитников Н.К. Муравьев председателю президиума коллегии защитников В.Ф. Белякову о причинах отказа защищать подсудимых по делу «Об экономической контрреволюции в Донбассе» (май 1928 года):

«С первых же встреч с обвиняемыми меня поразило их крайне легкомысленное отношение к своему положению... Они совершенно не отдавали себе отчёта в своём положении. На мой вопрос, какого результата процесса они ждут для себя, один из обвиняемых (Матов) ответил, что ему, вероятно,

придётся посидеть несколько месяцев, прежде чем он вернётся “на производство”. Я счёл тяжёлым долгом защитника вывести их из этого заблуждения… Но со второго или третьего свидания они оба, весьма взволнованные, в особенности Матов, открылись мне, что их показания на дознании, подтверждённые – без опроса их по существу – следователю, не соответствуют действительности, что они их дали сперва вследствие того тяжёлого морального и физического состояния, в котором они находились, а потом – вследствие того, что они пришли к убеждению, что так именно нужно, чтобы они показывали, что этого от них требуют и ждут люди, которые лучше их знают, что нужно, и что в случае исполнения этого требования и удовлетворения этого ожидания они могут быть спокойны за свою судьбу и скоро будут возвращены на производство» [78, с. 746-747].

И далее пишет в объяснительной записке защитник о том, что на собрании защитников подсудимых выяснилось, что «почти все сознавшиеся обвиняемые признались своим защитникам, что они ложно оговорили себя и других; что почти все они боятся сказать правду, так как опасаются, что этой правде суд не поверит; что один из обвиняемых, не признавший себя виновным, добивался у защитника ответа, не нужно ли ему оговорить себя и других, чтобы получить снисхождение, как другие.

Таким образом, не принимая пока формальных решений, совещание выяснило: что ложный самооговор и оговоры других оказались в данном процессе общим явлением; что правдивость этих утверждений обвиняемых ни у кого из присутствовавших не вызывает сомнений; что лёгкость самооговоров и оговоров объяснялась ошибочным представлением обвиняемых о последствиях этих самооговоров для них самих и для лиц, ими оговорённых; что защита не должна скрывать от обвиняемых истинного положения вещей, но вместе с тем не может взять на себя слишком тяжёлой ответственности дать тот или другой совет обвиняемым относительно линии поведения на суде и должно предоставить этот выбор обвиняемым, сохраняя на суде в этом отношении вполне самостоятельное положение.

Среди этих выводов во всяком случае ОДИН не вызывал сомнений: впечатление ПРАВДИВОСТИ, сделанных обвиняемыми заявлений, получилось у ВСЕХ присутствовавших, наблюдения каждого были проверены и подтвердились наблюдениями всех остальных» [78, с. 749].

Сам Н.К. Муравьев в 1930 году был исключён из коллегии защитников и вплоть до своей смерти в 1936 году работал во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев, в котором возглавлял секцию старых политических защитников. Ему повезло – он умер естественной смертью…

Вот и ясна теперь причина самооговора людей на предварительном следствии этого процесса, вот и ясна причина того, почему на всех последующих громких «процессах» подсудимые так самозабвенно оговаривали себя и других и старательно играли те роли, на которые их назначили люмпен-пролетарии из НКВД, – им всем обещали, что после суда они «скоро будут возвращены на производство».

Мы знаем, что коллективизация страны привела СССР к массовому голоду, смертности от него и существенному снижению эффективности сельского хозяйства на многие десятилетия. И советские люди того времени также это знали и видели. Насильственное объединение крестьян в колхозы и обобществление их имущества, переход на новые неэффективные формы организации труда крестьян привели к итогу, о котором предупреждали замечательные советские экономисты того времени – В.А. Базаров, А.А. Богданов, В.Г. Громан, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов, А.В. Штерн и др. Значит, они и виноваты. И вот уже ГПУ сфабриковало новое «дело» – Трудовой крестьянской партии, в действительности никогда не существовавшей. И в эту партию следствие включило всех тех, кто протестовал против коллективизации, – выдающихся экономистов, в первую очередь.

После того, как под пытками все арестованные признались в своём «вредительстве» в сельском хозяйстве и «дело» было готово к суду, Сталин посыпает эти документы М. Горькому со словами: «Просьба – не принимать близко к сердцу содержимое этих документов и не волноваться. Герои документов не стоят того. К тому же есть на свете подлецы почище этих пакостников» (Власть и художественная интеллигенция, 2002, с. 142). И делает он это для того, чтобы возглавляемое Горьким писательское сообщество СССР поверило в обман и поддержало этот обман. Так и произошло. Писатели и журналисты клеймили позором участников этого несуществующего заговора.

Не отстали от писателей и экономисты, не подвергнутые репрессиям. Они тут же поспешили выпустить сборник материалов под названием «Кондратьевщина» [23]. В этом сборнике нет ни одного факта вредительства или иных преступлений, даже нет обоснования ошибочности научных взглядов осуждаемых учёных. Авторы сборника, эти люмпен-пролетарии, оказавшиеся в науке, с упоением на разные лады играют со словами о контрреволюционной организации, возглавлявшейся «Кондратьевым, Чаяновым, Громаном, Сухановым, Макаровым, Дояренко и некоторыми другими, что является показателем того, что остатки элементов мелкобуржуазных партий в современный ответственнейший и напряжённый момент социалистического строительства делают попытки буржуазно-помещичьей реставрации. В этой

организации объединились остатки эсеров, меньшевиков, кадетов. Эти элементы, будучи в своей основе как партия разбиты и вытолкнуты Октябрьской революцией, делают новые попытки организоваться в политическую партию, производят смехотворную попытку обработать “правительство”» [23, с. 5]. Или: «Кондратьевцы однако не против индустриализации страны “вообще”. Они против индустриализации социалистической, но всегда защищали индустриализацию кулаческого типа» [23, с. 49-50]. Или: «Затешить нас обратно в капиталистическое болото кондратьевщине не удалось, как бы толково она ни выполняла свою миссию» [23, с. 111].

На долгие годы имена и труды этих замечательных экономистов были вычеркнуты из памяти советских людей, а сами они – репрессированы.

Атаку на экономистов Сталин начал ещё в середине двадцатых годов. Известно, что на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 года много говорилось о том, как, по выражению Л.Б. Каменева, «мужичок регульнул нас», т.е. о просчётах в планах хлебозаготовок из урожая 1925 года. Эти планы оказались завышенными: «На 200 миллионов пудов нас поправили». В результате вложения из бюджета страны в промышленность снизились с 1,1 млрд руб. до 700-800 млн. Следовательно, плановики – вредители, и к ответу было призвано Центральное статистическое управление.

10 декабря 1925 года на Политбюро ЦК РКП(б) состоялось обсуждение вопроса «О работе ЦСУ в области хлебоффуражного баланса», в ходе которого подверглась критике деятельность П.И. Попова – крупного земского статистика, возглавлявшего ЦСУ с 1918 года. В принятом постановлении говорилось: «Признать, что ЦСУ и т. Поповым как его руководителем были допущены крупные ошибки при составлении хлебоффуражного баланса; сделавшие баланс недостаточным для суждения ни о товарности, ни об избытках и недостатках хлеба, ни об экономических отношениях основных слоёв крестьянства» [18, с. 6-7]. П.И. Попов был в тот же день отправлен в отставку, а ЦСУ с того момента стало работать с Политбюро по принципу «Чего изволите?», став очередным видом лжи – умело жонглируя цифрами, а зачастую – и привирая их. Кстати, в 1939-е годы вышло Постановление Экономического совета, утверждённое Политбюро, о прекращении с 11 сентября 1939 года публикации в печати любых данных о работе промышленности страны. Данные о работе и экономическом положении страны стали закрыты для публики – они стали печататься только в специализированных сборниках.

Первая пятилетка была провальной по многим показателям, особенно – по сельскому хозяйству, в результате чего разразился страшный голод в стране. Как об этом сказал стране её руководитель и сказал ли? Рассмотрим

параграф IV «Итоги пятилетки в четыре года в области сельского хозяйства» из доклада И.В. Сталина «Итоги первой пятилетки» на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 года [69, с. 23-28].

В документе неоднократно упоминается, что главной задачей пятилетки в области сельского хозяйства являлась задача создания крупных коллективных хозяйств. Почти половина текста документа посвящена обоснованию этого тезиса, в том числе и со ссылкой на авторитет Ленина, ставшего к тому времени «идеологическим Буддой» коммунистической партии. Многократное подчёркивание этого тезиса создавала впечатление сверхважности этой задачи.

Затем в документе несколько раз упоминается количество созданных партией крупных сельхозпредприятий: «Партия добилась создания за три года более 200 тысяч колхозов и 5 тысяч совхозов» [69, с. 25]. Создаётся впечатление гигантского роста, усиливаемое фразой о том, что плановые показатели были существенно перевыполнены: «...партия... действительно добилась в этой области величайшего успеха, ибо перевыполнила программу пятилетки по коллективизации втрое» [69, с. 27].

Сталин здесь воспользовался приёмом некорректной аргументации, называемым «подменой тезиса». Говоря о том, что до коллективизации сельское хозяйство страны заготовляло «500-600 миллионов пудов хлеба», Stalin говорит о «возможности» заготовлять «1200-1400 миллионов пудов зерна ежегодно» [69, с. 25]. Он говорит не о результатах, а о потенциальных возможностях. Очевидно, что результат и возможность получения результата не могут быть сравниваемы друг с другом. Поэтому в данном случае такое сравнение осуществляется преднамеренно с тем, чтобы у невнимательного (или малограмотного) читателя создать впечатление о существенном росте сельскохозяйственного производства. Этой же цели служит упоминание о расширении «посевных площадей на 21 миллион гектаров» [69, с. 25].

Так как народ голодал и видел голод, знал о неэффективности производства в колхозах и совхозах, Stalin был вынужден сознаться в их нерентабельности, но объяснил это такими причинами: «...они переживают в своём организационном строительстве, приблизительно, тот же период, какой переживали наши заводы и фабрики в 1920-21 гг. Понятно, что они не могут быть ещё рентабельными в своём большинстве» [69, с. 27]. Но через 2-3 года они станут рентабельными, как и большинство промышленных предприятий.

Таким образом, Stalin ни слова не сказал о многократном падении объёмов промышленного производства по результатам первой пятилетки,

об удручающем положении в сельском хозяйстве, повлекшем смерть от голода миллионов людей в России, на Украине и на Кавказе. Это время некоторые украинские националисты называют «голодомор», во всеуслышание заявляя, что это русские уничтожали украинцев. Ну да, самый главный русский – Иосиф Джугашвили – специально уничтожал украинцев, а заодно – жителей Поволжья и Северного Кавказа!

В речи «вождя», как видно, используется и обман другого рода – не-полное информирование о событиях.

К началу 30-х годов Сталин добился абсолютной власти. Теперь он одного за другим физически уничтожал тех «вождей», кто действительно делал революцию в отличие от него. Один из последних большевиков-ленинцев Н.И. Бухарин в 1938 году оказался врагом народа и «Процесс Бухарина» был одной из вершин сталинских репрессий, а сам Бухарин был расстрелян как враг, шпион и организатор многих политических убийств: «Следствие в настоящее время располагает неопровергимыми данными о том, что произведённое 30 августа 1918 года эсеровской террористкой Ф. Каплан злодейское покушение на жизнь В.И. Ленина явилось прямым результатом осуществления преступных замыслов “левых коммунистов” во главе с Бухариным», – так звучит лишь один абзац из многостраничного обвинительного заключения этого процесса [59, с. 65].

Сам процесс от его начала и до его конца – абсолютная ложь.

«Коба, зачем тебе была нужна моя смерть?» – написал, как считают некоторые историки, Бухарин Сталину перед расстрелом.

Как это – зачем? Бухарин, знавший Сталина более двадцати лет и одно время даже друживший с ним, так и не понял, что Сталин маниакально желал реализовать в жизнь простую схему: теоретиком революции был Ленин, а революцию делал Сталин, он же и является главным строителем социалистического общества! Ни Троцкий, ни Зиновьев, ни Каменев, ни Бухарин, а только он – И. Сталин, верный ученик великого Ленина. И пока живы были непосредственные участники тех событий, революционеры первого эшелона, они легко могли эту ложь опровергнуть – ведь они были непосредственными участниками и организаторами революции. Бухарин был последним из этой когорты. Расстреляли Бухарина, и ложь, придуманная Сталиным, стала официальной точкой зрения и её стали вбивать в головы простых советских граждан – художественными фильмами; повестями, рассказами и драмами; сборниками воспоминаний и т.п.

А затем ложь 30-х годов XX века трансформировалась в ложь времён Великой Отечественной войны. Каких только героев не нарисовали «инженеры человеческих душ»! Ложь о 28 героях-панфиловцах, сфабрикованная в ноябре 1941 года, – только один пример. «Свыше пятидесяти вражеских

танков двинулись на рубежи, занимаемые двадцатью девятью советскими гвардейцами из дивизии Панфилова... С малодушничал только один из двадцати девяти... только один поднял руки вверх... несколько гвардейцев одновременно, не сговариваясь, без команды, выстрелили в труса и предателя... оставшиеся 28 гвардейцев уничтожили 18 танков противника и сложили свои головы – все двадцать восемь. Погибли, но не пропустили врага...».

А политрук В.Г. Клочков, ободряя перед боем гвардейцев, сказал так: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва». Как эти слова долетели до корреспондентов? Не понятно, ведь все свидетели 28 героев-панфиловцев погибли!

Всё это – ложь. От начала и до конца. В ноябре 1947 года Военной прокуратурой Харьковского гарнизона был арестован и привлечён к уголовной ответственности за измену Родине И.Е. Добробабин. Согласно материалам дела, будучи на фронте, Добробабин добровольно сдался в плен немцам и весной 1942 года поступил к ним на службу. Оказалось, что он числится одним из главных участников этого героического боя, за что ему и присвоено звание Героя Советского Союза. После окончания войны Добробабин было скрылся от правосудия, но, узнав о том, что он – Герой Советского Союза, отправился в 1947 году за наградой. Началось следствие. Допросом Добробабина было установлено, что в районе Дубосекова он был легко ранен и пленён немцами, но никаких подвигов не совершал, и всё, что написано о нём как о герое-панфиловце, не соответствует действительности. Известны и ещё несколько «погибших» героев-панфиловцев, которые прошли через немецкий, а затем и советский плен (как узники концлагерей). Следствие установило, что подвига 28 панфиловцев не было, а в братской могиле героев-панфиловцев, которая находится на окраине села Нелидово, похоронено всего шесть бойцов Советской армии – и этот факт задокументирован.

Казалось бы, миф о 28 панфиловцах, полностью опровергнутый историей, должен был исчезнуть из медийного пространства. Но в конце 2016 года в посткоммунистической России на экранах кинотеатров появился художественный фильм «28 панфиловцев».

Римлянин Кассиан Лонгин Равилла ещё в первом веке нашей эры учил – для того, чтобы понять, что произошло, найди ответ на вопрос: «Кому выгодно?». Кому выгодно в современной России, которая, казалось бы, избавилась от лжи коммунистического прошлого, вновь прибегать ко лжи? Оставим пока что этот вопрос без ответа и вернёмся к той империи лжи, которая была создана люмпен-пролетариями.

После смерти Сталина грубая ложь со стороны люмпен-номенклатуры прекратилась. Ложь стала более тонкой. Открытая ложь допускалась

в исключительных случаях, как, например, с Солженицыным и Сахаровым, которых официально именовали клеветниками и лжецами.

Много писать о послесталинской лжи я не буду. Остановлюсь только на одном примере – завоевании Советским Союзом космоса.

Все мы гордимся тем, что именно наша страна вошла в мировую историю как страна, первая запустившая в космос спутник, человека, обитаемую станцию и т.п. Но как это происходило, нам не рассказывали. Не рассказывали, например, о том, что советские двигатели существенно уступали американским по мощности и мы не могли с такими двигателями осуществлять космическую программу. И только гений Королёва помог решить проблему – он предложил объединить все двигатели параллельно и создать «связку» двигателей. Тогда их совместной мощи хватило, чтобы соперничать с одним американским двигателем. Посмотрите на фотографии советских ракет – внизу как раз и представлена эта связка двигателей.

Молчали нам и о том, что космический корабль, например, Гагарина (и других космонавтов) не мог приземлиться безопасно для жизни космонавта, а потому Гагарин и другие космонавты «Востока» катапультировались с корабля на высоте около 7 км над землёй.

Вывод, который следует из всего, сказанного выше, очевиден – диктатура люмпен-пролетариата, а затем и люмпен-номенклатуры не может существовать без обмана. Она создаёт целые штаты лиц, организующих тотальный обман руководимого им населения страны. Джордж Оруэлл назвал такую организацию «Министерством правды».

8. ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВЕРОВАНИЯ

Но ложь большевиков преследовала не только цель искажения информации о реальной ситуации советской жизни для представления её в выгодном для власти свете. На таком обмане советская власть долго бы не продержалась, ведь советские люди жили в этих условиях и разницу между декларируемым и реальным видели все. Поэтому к началу 30-х годов сформировалась и другая цель советской пропаганды – формирование у советских людей (и не только!) новой коммунистической веры.

Под верой, по определению, понимается индивидуальный способ восприятия и фильтрации информации вне рациональной аргументации в соответствии с установками веры [17]. Главное здесь – вера без обоснования, бездоказательная. Почему вера нужна человеку, да потому, что наличие веры обеспечивает социальную, психологическую и информационную безопасность личности. В основе веры лежит инстинкт избегания психологического дискомфорта от сомнений, которые советская власть давала советскому человеку в изобилии. У человека, верующего во что-то, имеется уникальная возможность терпеть неурядицы и стойко переносить лишения ради того, во что он верит. Верующая личность, встречающая противоречивые вере факты, не будет их использовать для пересмотра веры – они будут отражаться в сознании личности параллельно вере, отнюдь не умаляя её.

Верование может быть и индивидуальным, но для личности, находящейся в социуме, оно распространяется в группе, а механизм контроля через групповое давление закрепляет и само верование, и стремление его сохранять. Вера – это результат внушения, а потому все годы существования советской власти её средства массовой информации занимались этим внушением.

Внушение веры складывается из личного отношения к вере и отношения к ней между социальными группами общества. Вера поддерживается культурами и нормами, которые реализуются соответствующими организациями (институтами).

Пример христианской веры и её влияния на жителей страны был перед глазами большевиков, а потому они начали борьбу с религией, параллельно формируя новую веру – в светлое коммунистическое будущее. Люмпен-пролетарии во власти, разрушая религию и церкви, занялись созданием новых институтов формирования и поддержки веры. Первым в этом ряду в январе 1921 года был создан научно-исследовательский Институт Маркса и Энгельса, вторым в декабре 1921 на правах отдела ЦК РКП(б) был создан Институт партии (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)), а затем ещё при жизни «вождя» был создан институт его

имени – Институт Ленина на правах отдела ЦК РКП(б) (28 сентября 1923 года). 3 ноября 1931 года решением Президиума ЦИК СССР все эти институты были объединены в Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ). При этом из прежнего состава сотрудников была сохранена только половина, остальную половину обновлённого Института заняли люди с «нужным» мировоззрением с соответствующими последствиями этого мировоззрения для центрального направления работы института, который впоследствии называли Институтом марксизма-ленинизма.

Этот институт формировал догмы коммунистической веры так, как велел ему ЦК, поскольку он занимался сбором и хранением документов К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, материалов об их жизни и деятельности, собирая и хранил документы о разных партийных деятелях и самое главное – издавал материалы и документы по истории КПСС, марксистско-ленинской теории, научному коммунизму, а также труды и биографии вождей. Он же формировал догмы официальной истории советской страны – символ коммунистической веры. И при необходимости замалчивал отдельные факты. Например, известно, что, обращаясь к собранию молодых социалистов в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодёжи 9(22) января 1917 года с докладом о революции 1905 года, Ленин говорил следующее:

«Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистской войны, муки дороживизны повсюду порождают революционное настроение, и господствующие классы – буржуазия, и их приказчики – правительства, все больше и больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода.

Подобно тому, как в России в 1905 году под руководством пролетариата началось народное восстание против царского правительства, с целью завоевания демократической республики, так ближайшие годы как раз в связи с этой хищнической войной приведут в Европе к народным восстаниям под руководством пролетариата против власти финансового капитала, против крупных банков, против капиталистов, и эти потрясения не могут закончиться иначе, как только экспроприацией буржуазии, победой социализма.

Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодёжь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции» [28, с. 327-328].

А в официальной биографии Ленина, подготовленной Институтом марксизма-ленинизма, об этом эпизоде пишется так, будто бы Ленин пред-

видел ближайшее наступление революции, поскольку говорил молодым социалистам: «Нас не должна обманывать теперешняя тишина в Европе. Европа чревата революцией» [33, с. 296]. Последняя фраза доклада, а именно: «...мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции», показывающая, что Ленин не ожидал революции в России, ими не приводилась.

К символам коммунистической веры принадлежали канонические портреты вождей и их скульптуры, а также шаблоны стандартных фраз из работ классиков марксизма-ленинизма, которые в виде плакатов висели во всех зданиях, школах и на улицах. В каждом городе советского человека встречал гипсовый памятник Ленину, чаще всего – на вокзальной площади. А в начальствующих кабинетах обязательно должен был висеть либо портрет Ленина, либо портрет Сталина, а ещё лучше – портреты их двоих.

В соответствии с символом коммунистической веры, которая уже определилась к началу 30-х годов XX века, Ленин был самым великим человеком всех времён и народов. Именно он принёс народам всей планеты правду, свободу и счастье. Но идеи Ленина искажаются всякими врагами народа, которые хотят восстановления монархии и работают на буржуазию. Единственный человек, который продолжает дело Ленина, – это Сталин, его верный друг и соратник. А трудности жизни в Советской стране вызваны происками врагов, с которыми ныне борется Сталин и партия под его мудрым руководством.

В рамках этого символа веры часть люмпен-пролетариата, возомнившая себя после Октябрьской революции художниками, поэтами и писателями, составила основу многочисленных союзов писателей, композиторов, театральных деятелей и др. Именно эти, малоталантливые, угодливые, деятели активно включились в «борьбу» с буржуазией и лгали о буржуинах простому народу в плакатах и в газетах, в театральных постановках и массовых мероприятиях. Они были на передовом плане борьбы за создание этой веры.

Лгали они самозабвенно, с выдумкой, а как же иначе? Речь ведь в 30-е годы шла не о хлебе насущном, а о самом физическом существовании. Если ты «пролетарий умственного труда», «инженер человеческих душ», то должен следовать за партией, вместе с партией и ещё лучше – в первых рядах партии. А это значит, что твоё искусство должно содействовать главной задаче партии, которая в те времена означала формирование такого образа коммунистического вождя любого уровня иерархии: мудрого, умного, доброго, скромного, отзывчивого, живущего исключительно для простого советского народа, но беспощадного к врагам народа. Он окружён врагами, над которыми всегда одерживает победу. Сталин – первый из них, а потому он самый мудрый, самый умный, самый добрый, самый скромный и далее – по списку коммунистических добродетелей.

Те, кто эту установку успешно реализовывал в своём «творчестве», были приласканы властью и получали большие премии, роскошные квартиры, дачи и автомобили. Так, артист Н.И. Боголюбов играл в кино Кирова и Ворошилова, а в театре создавал героические образы честных партийцев, за что и стал лауреатом Сталинской премии шесть раз! Лауреатом шести сталинских премий стал и И.П. Копалин – автор пропагандистских военно-документальных фильмов 40-х годов.

Лауреат пяти сталинских премий – другой документалист – В.Н. Беляев начал своё хождение по сталинским премиям с документального фильма «Линия Маннергейма» о советско-финской войне. По фильму получается, что финны только и делали, что мечтали о нападении на Советский Союз. Для этого они и построили оборонительную линию Маннергейма в ста километрах от советской границы, «планируя обрушить эту железобетонную мощь на нашу страну». Как можно железобетонные укрепления, построенные в ста километрах от границы, обрушить на СССР – об этом знали только авторы фильма. Но, как следует из фильма, гениальный Сталин предугадал эти замыслы и разбил финских захватчиков на их территории. В этом насквозь лживом и пафосном фильме есть и правда: морозы стояли сорокоградусные, а показанные в хронике советские солдаты в основном были одеты в осеннее обмундирование – кирзовы сапоги, красноармейки (будёновки) и железные каски, поскольку из-за беспомощности системы управления зимнее обмундирование до войска долго не доходило.

Известно, что финны в этой войне потеряли убитыми 26 тысяч человек и ранеными – 40 тысяч человек. Потери Советского Союза были большими: убитыми – 81 тысяча человек, пропавшими без вести – 14 тысяч человек (т.е. погибло 95 тысяч человек), ранено и обморожено 248 тысяч человек (в осеннем-то обмундировании да в сорокаградусный-то мороз!). Но, как следует из фильма сталинского лауреата В.Н. Беляева, захват финской территории советскими войсками сорвал замыслы тех империалистических стран, которые хотят развязать войну с СССР. Поэтому, как следует из фильма, молодец Сталин, что захватил территорию чужой страны – отодвинул границу с СССР на 140 километров. Кстати, точно так же сегодня считает и нынешний министр культуры России В. Мединский, доктор политических наук и член Высшего совета политической партии «Единая Россия».

Художник В.П. Епифанов – также пятикратный лауреат сталинских премий. И начал он их получать после написания картины «Незабываемая встреча» (взаимные приветствия Сталина и женщин, собравшихся в Большом Кремлёвском дворце на совещание жён хозяйственников и инженеров тяжёлой промышленности), на которой молодая женщина вручает цветы И. Сталину, а вокруг этой центральной композиции живописно расположились, радостно улыбаясь, Калинин, Молотов, Ворошилов, Будённый, Микоян...

А другую Сталинскую премию он получил за картину «Сталин, Ворошилов и Молотов у постели больного Горького». Правильно понял товарищ Епифанов установки партии и правительства!

Не найти в списке лауреатов Анну Ахматову или Бориса Пастернака, но зато С.П. Щипачёв получил Сталинскую премию в размере 100 000 рублей за поэму «Павлик Морозов». И как он мог её не получить, если в поэме звучат такие слова:

«Много обид он помнит,
Но было обидней всего,
Когда при матери дома
Отец кричал на него:

«Уйди, коммунист, зараза! –
За галстук хватал на груди. –
На этом ошейнике красном
Вздёрнут ещё, погоди!»

Написал бы Б. Пастернак роман «Семён Будённый» и стал бы лауреатом Сталинской премии. Нет же! Взял и написал «Доктор Живаго»! И подвергся ostrакизму Союзом писателей. Причём на съезде люмпен-писатели, осуждая Б. Пастернака, говорили с трибуны: «Я лично роман Пастернака не читал, но, как и все советские писатели, осуждаю его!». Кстати, в 2014 году после выхода кинофильма А. Звягинцева «Левиафан», который как раз и описывает нравы современной люмпен-номенклатуры в России, был проведён опрос россиян об их отношении к этому фильму. 70% опрошенных ответили, что сами они фильм не видели, но фильм осуждают. Не правда ли, интересная параллель?

Образ великого Сталина – верного ученика и сподвижника Ленина – создавался и вколачивался в головы людей, особенно молодёжи, которая познаёт мир по учебникам, художественной литературе, песням и фильмам. И «вбили» в мозги нового советского поколения сказку о добром Сталине, да так, что до сих пор в современной России существуют разные общества с названием типа «Наш Сталин», изучающие «наследие» вождя.

Проще всего обман ложится на незатуманенное сознание молодых людей, а потому массированная ложь обрушилась на мозги советских детей. Образ доброго дедушки Ленина лепили люмпены от искусства как в Москве, так и во всех республиках. Привирать было можно, но только если это облагораживало образ нового коммунистического «святого мученика». Советские поэты среди этих деятелей были первыми: В. Маяковский, М. Светлов, С. Михалков, Н. Тихонов, М. Исаковский, В. Инбер, Д. Бедный, С. Маршак и др. [72].

Например, А.Т. Твардовский пишет стихотворение «Ленин и печник» [75], где рассказывают о небылицы о жизни Ленина в Горках – идёт Ильич по полю один, да случайно зашёл на поле печника. Отругал печник Ленина. А потом через месяц-другой приходят военные за печником домой, забирают его молча из избы и везут в Горки, как оказалось – чинить печь. А старик уж и с жизнью рас прощался. Глядь, а там возле печи и сам Ленин сидит. Узнали они друг друга. А Ленин-то – добрый, поблагодарил печника за работу, да ещё чаю с ним попил... Известно, что Ленин не любил охраны и время от времени старался скрыться от охранников в тех же самых Горках, чтобы побывать немногому одному, но это ему практически никогда не удавалось. Вот, основываясь на этом факте, и родилась стихотворная сказка.

Борис Стругацкий в романе «Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики» так писал об этом: «Ты уже готов лизать им жопу, Алексаша! Ты созрел. Но ты не понимаешь, что этого ещё мало. Они любят, чтобы ты не просто лизал им жопу, они любят, чтобы ты делал это С НАСЛАЖДЕНИЕМ!» [73, с. 244]. Советские фантасты братья Стругацкие как никто другой знали, как можно было в СССР стать придворным писателем. Те, кто это делал, были приласканы властью. Другие вынуждены были делать это по принуждению, чтобы просто выжить. Так, стихи о Ленине писал и Б. Пастернак [72], но читать их невозможно, поскольку они были «вымучены» необходимостью, а не поэтическим вдохновением.

Старые большевики из люмпен-пролетариев шли впереди писателей и публиковали «воспоминания», опираясь на которые в дальнейшем реализовывала свои творческие усилия пишущая братия. Вот, Г. Кржижановский написал для детишек книжку «Шу-шу», а там и рассказ о том, как «в трудные, голодные годы Владимиру Ильичу часто присылали подарки. Иногда их приносили деревенские ходоки.

- Неудобно, знаете, отказаться, – с застенчивой улыбкой говорил он, – от души присылают, обижаются, когда отсылаю обратно.

Посылки Владимир Ильич обычно отправлял в детские дома или угощал товарищей тем, что ему присылали» [26, с. 26].

О важности кино для советской власти ещё при жизни говорил сам В.И. Ленин. И именно в кино символы коммунистического верования проявились наиболее ярко и доходчиво.

Вот, например, фильм «Ленин в Октябре» (1937 год, не цензурированная версия). Первые же кадры фильма. Едет Ленин на паровозе из Финляндии в Петроград делать революцию и говорит рабочему Василию, охранявшему его: «Первым делом – встреча со Сталиным». Враньё! Никакой роли Сталин в это время не играл в революционном Петрограде. Основные революционные действия осенью 1917 года осуществлял Петроградский Совет, возглавлявшийся Троцким. Но в фильме уже на следующий день Ленин встречается со Сталиным и «четыре часа продолжалась их встреча», – гласят жирные

титры на экране. И так по всему фильму – где Ленин, там его верным помощником и защитником выступает Сталин.

А сцена заседания большевистского ЦК, когда решался вопрос о вооружённом восстании? На фоне стоящих позади Ленина «апостолов» коммунистической власти Сталина, Дзержинского и Свердлова, возмущаясь против позиции Каменева и Зиновьева, которые предлагали дождаться созыва Учредительного собрания, Ленин почему-то приплетает к этой компании ещё и Троцкого, хотя именно Троцкий и делал до прихода Ленина в Смольный всё для скорейшего вооружённого захвата власти Петроградским Советом. А потом Ленин говорит буквально такие слова:

- И совершенно прав товарищ Сталин, говоря, что нам нельзя ждать! Предложения Троцкого и Каменева с Зиновьевым – это полный идиотизм. Или полная измена!

Опять обман – Сталин чаще всего молчал на таких заседаниях, а Троцкий не был заодно с Каменевым и Зиновьевым накануне Октябрьского восстания!

Все после заседания расходятся, только Ленин совещается со Сталиным, обнимая его напоследок. После этого Сталин допрашивает рабочего Василия о том, как устроен быт Ильича, тепло ли, сыт ли? И даёт указания беречь дорогого Ильича.

А когда через некоторое время Ленин добирается с Василием до Смольного, появляется на экране заставка: «И ленинский план вооружённого восстания начал осуществляться». Сразу за этим – кадр: в центре стол с картой, Сталин показывает пальцем на карту, явно давая указания, Дзержинский по телефону эти указания передаёт.

В Смольном Ленин то и дело ходит в обнимку со Сталиным или просто – везде появляется в его сопровождении.

И на трибуне Съезда в конце фильма, когда Ленин говорит о свершившейся революции, рядом с ним чуть позади и справа стоит Сталин – тень, верный ученик, соратник. После окончания речи Ленин, под шум бурных продолжительных аплодисментов, вытягивает вперёд в приветствии правую руку и замирает, слушая аплодисменты, и тут в кадр входит Сталин и становится слева позади от вождя. Так фильм и заканчивается – Ленин, а после него – Сталин.

Дешёвые, но эффектные приёмы. Ложь, конечно, но с их помощью у зрителя складывается полное ощущение того, что революцию делали Ленин и Сталин.

После «разоблачения культа личности» эти кадры были вырезаны из фильма.

А вот другой фильм – «Человек с ружьём» (1939 год, не цензурированная версия). Как в нём показаны Ленин и Сталин?

На питерском заводе, где ремонтируют бронепоезд, в сторожке у печурки сидят матрос с рабочим и едят отварную картошку в мундире. Открывается дверь и заходит Ленин с охранником, а за ними – Сталин:

- Вот привёз вам Ильича! – говорит Сталин рабочему и вместе с Лениным садится за стол есть картошку. А заодно они ведут беседу о ситуации на заводе, причём Сталин всегда уточняет вопросы и ответы Ленина, или утверждает их: «Правильно!», – верный ученик, да и только.

Или фильм «Незабываемый 1919 год». Он посвящён первому походу белогвардейцев на Петроград весной-летом 1919 года. И здесь сплошные «передёргивания» и обман.

Например, Ленин узнаёт о наступлении белогвардейцев на Петроград по телефону и о решении Смольного об эвакуации Петрограда. Руководил тогда большевиками Питера Г. Зиновьев, поэтому складывается впечатление о том, что именно Зиновьев хочет сдать Питер белым. Не было этого никогда. По свидетельству Троцкого, такой план зрел в голове у Ленина во время второго, осеннего, наступления на Петроград, но Троцкий отстоял ту точку зрения, что город нужно защищать. А во время первого наступления положение было куда спокойнее. И как дружно отмечают историки – именно партийные организации Питера сыграли решающую роль в защите города от белых.

Дальше – больше. Поговорив по телефону со Смольным, Ленин сокрушённо заявляет:

- Сталин, теперь только Сталин!

И точно – Сталин едет в Петроград и наводит там порядок, попутно разъезжая на бронепоезде, гоня взашей белых и не обращая никакого внимания на взрывы снарядов, ложащихся рядом с поездом. При этом он смело глядит вперёд, высунувшись из окна бронепоезда, даже не оглядываясь на ложившиеся рядом снаряды и не обращая внимания на свист пуль. Картина!

Пересказывать подобные опусы с многочисленным обманом и подтасовкой фактов нет смысла. Просто посмотрите кинокартину того времени – «Великий гражданин», «Первая конная», «Выборгская сторона», «Клятва», «Если завтра война» и т.д. Вся эта ложь про Сталина как нельзя лучше формировала веру в его непогрешимость.

А после «развенчания культа личности Сталина» все эти фильмы, художественные произведения и картины подверглись тщательному цензированию – видоизменялись символы веры: Ленин – мудрый, гениальный и величайший, принёс всему человечеству счастье и свободу, и советский народ строит новое коммунистическое общество с невиданными доселе благами для трудящихся. А Сталин? А Сталин допустил перегибы в ленинской политике, но благодаря мудрости коллективного ума Политбюро ЦК КПСС эти перегибы были в основном ликвидированы и строительство коммунистического общества продолжается ударными темпами, несмотря на отдельные недостатки.

9. ДИКТАТУРА ЛЮМПЕН-ПРОЛЕТАРИАТА КАК ВСЕОБЩЕЕ ЯВЛЕНИЕ ХХ ВЕКА

Сами большевики произошедшее в октябре 1917 года вначале называли переворотом. Затем – революцией, а ещё немного погодя – Великой Октябрьской Социалистической Революцией. По результатам того, что последовало за этим событием, это, конечно же, – революция, поскольку ломалось всё: экономика, гражданское устройство, социальные отношения и социальные нормы, военно-политическая система и др. Произошла революция, как бы ни хотелось некоторым деятелям сегодня произошедшее тогда назвать «переворотом».

Впервые в мировой истории к власти в стране пришли не те, в чьём распоряжении были основные капиталы страны, а «голодранцы», как люмпен-пролетариев справедливо называли бывшие царские вельможи. Страной стали править люди, не имевшие за душой никаких особых капиталов, а чаще всего – ни гроша. Более того, к власти пришли люди, понятия не имевшие об управлении, а потому правящие неэффективно и с ущербом для страны. Тем самым в истории человечества возникло новое небывалое явление. Ведь вся история человеческой цивилизации – это история правления крупных собственников или крупного капитала. И государственная власть всегда была нацелена на сохранение и развитие этого капитала. Государство выступало инструментом достижения этой цели – охраны капитала тех, кто правит страной. И вдруг – страной правят люди без гроша в кармане и без образования!

В 1922 году лишь 0,6 процента членов коммунистической партии в Советской России имели законченное высшее образование и только 6,4 процента – свидетельства об окончании средней школы. 92,7 процента состава партии были людьми слишком малограмотными, чтобы выполнять любую поручаемую им ЦК работу, а 4,7 процента были неграмотными в буквальном смысле слова [51].

Как я уже писал ранее, люди с примитивным мышлением, управлявшие страной, элементаризировали происходящие вокруг них процессы и, декларируя «Счастье народа» как главную свою цель, вполне себе сносно устраивали собственную жизнь и жизнь своим отпрыскам за счёт «осчастливленного ими народа».

Конец Первой мировой войны ознаменовался невиданной в истории мировой цивилизации «люмпенизацией» человечества. Оказавшись в своих семьях и домах, бывшие фронтовики после пережитого на войне уже не желали жить по-прежнему и требовали перемен. Они убедились, что государство, в котором они живут, есть орган защиты крупного капитала, а не жителей страны. Им хотелось лучшей доли, и пример Советской России как некоторого прообраза светлого будущего для трудающихся всего мира был

заразительным. Тогда-то по Европе и прокатилась волна демонстраций, забастовок и революций – в Германии, в Австро-Венгрии и в Османской империи люмпен-пролетарии пытались взять власть в свои руки, и кое-где им это удалось, но ненадолго – там была другая ситуация, отличная от российской. Я не буду уточнять – в чём были эти различия. Это выходит за рамки моего исследования. В то время Европа не пошла по российскому пути, а социалистической стала только Монголия (с 1921 года), где рабочих было ещё меньше, чем в царской России.

Наличие в мире страны, где у власти не находятся монархи или капиталисты, где экономика построена в соответствии с тем, что предлагали основы «научного социализма», непрерывно будоражило воображение и простых людей, и интеллигенции, а потому коммунистическая идеология начала шествие по всему миру. Мир тогда представлял собой информационное поле, на котором вели ожесточённую войну капиталисты развитых стран мира, социал-демократы разных мастей и партноменклатура СССР. Поскольку на карте мира существовало много стран, находившихся долгие годы под колониальным игом крупных капиталистических стран, желание избавиться от этой колониальной зависимости автоматически приводило некоторых из них к желанию идти по пути СССР. В Африке и Азии весь XX век происходили революции, и к власти в этих странах приходили различные группировки, называвшие себя «народными» партиями. Название не имеет особого значения, главное – форма государственного устройства, которую они избирали. Часть из этих стран, где основные капиталы не были национализированы, становилась при поддержке этих капиталов некой «калькой» европейских стран и США с наличием в них основных демократических институтов. Это были страны капиталистической ориентации.

В других странах, где основные капиталы принадлежали иностранным владельцам, после освобождения от колониальной зависимости в результате революции попадали под власть люмпен-пролетариев, которые национализировали эти капиталы. А после этого они формировали очередную страну «социалистической ориентации». Причём после захвата власти между революционерами чаще всего завязывались политические «разборки», в результате которых оставался в живых только один лидер, в последующем правящий страной единолично под внешней вывеской народности власти и революционных лозунгов (его враги и противники его власти автоматически становились контрреволюционерами). Такие страны провозглашали себя народно-демократическими и попадали «под крыльышко» СССР.

Вот как об этом пишет Пайпс. Если у Мао и даже у Пол Пота можно ещё, по крайней мере на ранних стадиях их политической карьеры, разглядеть социалистические идеалы, то во многих частях третьего мира, осо-

бенно в Африке, подобное увлечение идеями поразительным образом отсутствует. Здесь снедаемые честолюбием политики, минимально знакомые с учением коммунизма и его историей, взывают к Марксу и Ленину, добиваясь двух целей: чтобы проложить себе путь к личному обогащению и чтобы заслужить помощь коммунистического блока в борьбе с внутренними и внешними врагами [51].

Классический пример такого мошеннического обращения к марксизму преподнёс эфиопский диктатор Менгисту Хайле Мариам, который в период с 1974 по 1991 год превратил свою страну в полнейшего советского сателлита. Член группы армейских офицеров, недовольных медленным продвижением по службе, майор Менгисту принял участие в перевороте, который в сентябре 1974 года отстранил от власти почтенного эфиопского императора Хайле Селассие. Власть перешла в руки комитета, который назывался Дерг и в котором Менгисту играл видную роль. Вскоре внутри Дерга начались распри, и три месяца спустя Менгисту устроил военный переворот, поставивший его у власти. Он объявил Эфиопию социалистической страной, быстро оправдав эту заявку национализацией банков и страховых компаний. В марте 1975-го он отменил частную собственность на землю и принудительно объединил крестьян в коммуны, скроенные по рецептам Мао с соответствующими последствиями для экономики страны.

В ряде латиноамериканских стран, в Колумбии например, «марксизм» служил и служит тому, чтобы прикрывать слоем респектабельности вооружённые банды (так называемые Революционные вооружённые силы Колумбии и армию национального освобождения), которые сочетают террор, похищения людей и вымогательство с наркоторговлей. По имеющимся оценкам, считая с 1964 года действия этих двух группировок унесли жизни 120 тысяч колумбийцев и заставили два миллиона человек покинуть своё жилье [51].

Пайпс, правда, из всего этого делает вывод о том, что во всём виновата «коммунистическая идеология» и с её смертью всё закончится. Но тут он ошибается. Коммунистическая идеология и в СССР была только «широмой», скрывавшей власть люмпен-пролетариев. А уж на примере «стран третьего мира» это особенно наглядно видно – не коммунизм как идеология водил руками людей, делавших революции и перевороты! Не высокоразвитые идеологи формировали и составляли новые правительства и новые режимы, а люмпен-пролетарии.

Были варианты и со смешанной формой правления, когда иностранные капиталы были национализированы, но собственные капиталы крупных местных собственников остались в руках их владельцев и потому люмпен-пролетарии, если и пришли к власти, то собственной диктатуры установить не смогли – им пришлось искать компромисс с крупным капиталом.

Это – страны, которые называли себя «неприсоединившимися». Пользуясь своим «политическим нейтралитетом», такие страны «отщипывали» для себя разные блага – как от США, так и от СССР.

Таким образом, именно Октябрьская революция дала миру новую форму правления – правление люмпен-пролетариата, когда наперекор всей многотысячной истории человечества страной владели не те, у кого в руках были основные личные капиталы, а люди безродные и безденежные. Эта форма в XX веке стала весьма популярной, и таких стран с течением времени становилось всё больше и больше – Китай, Куба, Египет, Вьетнам, Нигерия, Сомали, Ангола, Ливия, Северная Корея… Если отбросить в сторону несущественные с позиций данного исследования черты власти каждой из этих стран, то можно заметить главную черту – власть люмпен-пролетариев при национализации основных капиталов в стране. Действительно, первое, что делали люмпены, захватившие власть, – отнимали капиталы у их владельцев и делали капиталы общенародными, распоряжаясь ими от лица народа.

Опять же легко просматривается другая тенденция – формирование в рядах люмпен-пролетариев, пришедших к власти, особой касты – номенклатуры, которая и удерживала (или до сих пор удерживает) власть в стране, повторяя чаще всего путь советской партноменклатуры и распоряжаясь бюджетом страны и его капиталами.

В отличие от СССР, где в качестве доктрины был выбран марксизм, во многих других странах диктатуры люмпен-пролетариата, были приняты другие национальные доктрины. Общее в них было одно – целью развития страны провозглашался рост благосостояния народа. А форма этого роста была различна – рыночная экономика, смешанная экономика, плановая экономика… – не важно, объединяло их то, что существенная часть средств производства национализировалась, становилась общенародной собственностью, а группа революционеров (а в отдельных случаях – национальная или этническая группа), пришедшая к власти, настолько прочно овладевала этой властью, что начинала через малый промежуток времени подавлять любую конкуренцию себе, в том числе и с помощью жестоких репрессий.

Ещё одна тенденция просматривается в странах с диктатурой люмпен-пролетариев. Это – наличие некоторой «всенародной» политической партии, партии, которая от имени народа узурпирует власть в стране. Такие партии являются школами люмпен-пролетариев и других люмпенов для последующего поступления во власть (всенародную, естественно!). В этой партийной школе они учатся демагогии и вхождению в патrimonиальную партийную сеть. Из такой партии впоследствии формируется устойчивая социальная группа – номенклатура, которая цементирует

свою власть в стране. Но, конечно же, и поведение правящей партии, и поведение номенклатуры полностью определяется тем, кто стоит у власти в стране, – её лидером.

В некоторых из таких стран лидеры занимались людоедством, в других – развитием собственной промышленности и образования. Всё зависело от личности того, кто оказывался «у руля власти». Если власть переходила к пламенному революционеру, то весь народ и даже все люмпен-пролетарии у власти претерпевали лишения во имя будущей счастливой жизни; если же власть оказывалась у сластолюбца, то он погружался в роскошь и негу, а люмпен-пролетарии, пришедшие к власти вместе с ним, беззастенчиво воровали и погружались в прелести жизни уровнем пониже – в соответствии с занимаемым чином. Обнищание народа никого не интересовало, народу просто соврут о внешних и внутренних врагах, он и успокоится.

В такой ситуации всё определяется лидером люмпен-пролетариата, стоящим у власти. Если он позволяет своей номенклатуре жить, как и положено власти имущим, его поддерживают, боготворят и создают коллективным разумом номенклатуры светлый образ мудрого вождя народа. Практически повсеместно такой лидер страны посмертно передаёт власть либо своему ближайшему сподвижнику, либо своему ближайшему родственнику, иногда обставляя это демократической ширмой некоторого волеизъявления. Если, конечно, успевал при жизни отдать соответствующие распоряжения ближнему кругу. Примеры передачи власти своим наследникам? Сколько угодно: семья Ким Ир Сена, семья Алиевых, семья Асада, семья Кастро...

Поскольку ложь – главное оружие люмпен-номенклатуры, то в странах с диктатурой люмпен-пролетариата всегда происходил быстрый захват основных СМИ в руки номенклатуры (национализация СМИ), с последующей контролируемой передачей лживой информации народу через эти ручные СМИ и формированием у массы собственного населения новых символов веры. Не случайно в случае смерти очередного партноменклатурного вождя весь народ искренне горюет и оплакивает его – номенклатурные СМИ внушают массам сказку о великой мудрости вождя и его непомерной любви к управляемому им народу. Схема простая и эффективная – массированная ложь, формирующая у народа веру в непогрешимость лидера страны, стоящего у власти, и в скорое пришествие светлого будущего, несмотря на происки врагов.

Советологи капиталистических стран мира, не разобравшись в сути советской власти, обрадовались падению СССР, предполагая, что вся суть того, что они ненавидели, была в коммунистической идеологии. Они думали примерно так: рухнет коммунистическая идеология, и противостояния двух систем не будет. «В декабре 1991 года после неудавшегося путча

твёрдолобых коммунистов, стремившихся предотвратить распад СССР, Ельцин, ранее в том же году избранный президентом Российской республики, объявил Россию суверенным государством, так что распад Советского Союза становился свершившимся фактом. Одним из своих первых указов он поставил коммунистическую партию вне закона. Новое правительство ввело демократию и свободный рынок. Номенклатура, которая могла повернуть события вспять, была подкуплена предоставленной ей возможностью стать владелицей значительной части государственной собственности. Стремительность развития событий продемонстрировала хрупкость империи, выглядевшей нерушимой; её распад напомнил крушение царской империи тремя четвертями столетия ранее. В обоих случаях жёсткость режима и отсутствие тесной связи с народом оставило его в час испытаний без поддержки. Коммунизм в России просто изжил себя» [51].

Да не изжил он себя! Китай вот при коммунистах стал первой экономической державой мира, обогнав по ВВП США, о чём так мечтал в своё время Никита Хрущёв. Эйфория советологов по поводу краха коммунистической идеологии была напрасной – в 1991 году была уничтожена только не оправдавшая надежд концепция построения бесклассового социалистического общества, да и только. А в мире так и осталось противостояние двух форм государственной власти – власти крупного капитала и власти люмпен-пролетариата.

Уничтожение СССР не привело мир к так ожидаемому капиталистами спокойствию. Диктатура люмпен-пролетариата как новая форма государственной власти к концу жизни СССР стала всеобщей тенденцией в мире XX века, и сегодня эта форма правления существует и существует с капиталистической демократией. Но диктатура люмпен-пролетариата – это очень разнообразная форма государственной власти, поскольку полностью определяется личностью её номенклатурного лидера.

В монархиях смена власти была понятна и предсказуема: «Король умер. Да здравствует король!». Новый король (или император) был из семьи умершего правителя – ему доставалась вся собственность предыдущего монарха; он воспитывался в том же окружении, что и предыдущий монарх; он, разве что, менял фаворитов, а вся система государственной власти оставалась неизменной на радость владельцам земли и капиталов.

В развитых капиталистических странах мира, где власть принадлежит конкурирующим друг с другом финансово-промышленным группам, всё стабильно (капитал не любит нестабильности) – в них есть конституция и отлаженные механизмы контроля за её соблюдением. Там если какой-нибудь министр зарвался (утащил домой с государственного фуршета бутерброд с колбасой), его тотчас же отправляют в отставку – власть в стране принадлежит капиталу, а не министру, поэтому будь любезен – соблюдай

установленные правила. Все представители власти – от министра до президента – должны жить по гласным и негласным правилам, установленным крупным капиталом, и в интересах крупного же капитала. Сам крупный капитал при этой форме правления не любит появляться во власти и непосредственно управлять страной. Он предпочитает её покупать – это спокойнее, дешевле и надёжнее для сохранности и преумножения своего капитала.

А вот в странах, где правит номенклатура, составленная из люмпенов, всё очень неустойчиво. Власть люмпен-номенклатуры не определяется принадлежащим ей имуществом. Она определяется её возможностью и способностью не пустить к управлению государственными ресурсами вместо себя других. В советское время такая возможность и стабильность определялась принадлежностью к коммунистической партии. Но благополучие и сам факт существования люмпен-номенклатуры полностью зависит от формального лидера – главы государства.

А лидер, поставленный на власть номенклатурой, со временем теряет представление о реальности и перестаёт адекватно воспринимать себя и своё окружение. Вначале он прогрессивен и соответствует чаяниям номенклатуры и народа, результатом его деятельности становится некоторый экономический подъём. Вслед за подъёмом наступает стабильность, когда лидер исчерпал себя для народа, но всё ещё благодетельствует для номенклатуры. А затем наступает кризис, когда лидер и для номенклатуры себя исчерпал, поскольку становится авторитарным. А авторитаризм – угроза для существования каждого из партноменклатуры, поскольку здесь нужно не только демонстрировать лояльность к лидеру, но и предупреждать его желания, а это свойственно даже не всем из ближнего окружения. Наступивший кризис разрешается самыми различными способами, вплоть до государственных переворотов.

10. РАСПАД СССР И РОЛЬ ЛЮМПЕН-НОМЕНКЛАТУРЫ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

Бытует устойчивое мнение, что с распадом СССР, с уничтожением КПСС исчезла и номенклатура, и её власть. Но это – поверхностный взгляд на произошедшее. И если следовать ему, то совсем не понятными становятся процессы, происходящие сегодня в России. Поэтому рассмотрим произошедшее в СССР с позиций того механизма социальной динамики, которая открывается через взаимосвязь «маргинат–люмпен–обыватель».

Ельцин вышел из КПСС (когда его выгнали из партийной номенклатуры, но оставили в советской номенклатуре, номенклатуре пониже рангом) и сразу же начал борьбу с привилегиями. Даже записался в районной поликлинике и проехался однажды в троллейбусе! Борец с привилегиями! И он победил эти привилегии – у других, когда стал президентом России, когда подписал документы о прекращении существования СССР. И присвоил эти привилегии самому себе и своему ближайшему окружению.

А номенклатура? Куда она делась? С позором бежала из власти в простые рабочие и крестьяне? Номенклатурщики из силовых ведомств пошли фермерами, а вместо них во власть народ нанял новых честных и морально устойчивых людей? Нет. В реальности было совсем не так. Все остались на своих местах, только форма власти и её название изменились.

Изначально люмпен-номенклатура была оторвана от народа. Она не стеснялась между собой называть народ «быдлом» и относилась к нему соответственно. Партийная номенклатура запрещала предпринимательство – оно было идеологически чуждо марксизму-ленинизму, а сама погрязла в воровстве и коррупции. Льготы и привилегии, которые во всём мире приравниваются к косвенным доходам гражданина, делали люмпен-номенклатуру самыми богатыми гражданами страны, но ей этого было мало. Самые изворотливые из номенклатуры создавали устойчивые группировки по присвоению бюджетных средств. В эти группировки входили советские и партийные работники, работники прокуратуры и милиции, представители КГБ.

Приведу только один пример – в 70-е – 80-е годы XX века в Узбекистане непрерывно увеличивался сбор хлопка-сырца. На излёте советской власти Узбекистан «собрал и сдал Родине» 6 миллионов тонн хлопка, а это была основная сельскохозяйственная культура республики. В условиях планового хозяйства СССР на выращивание и сбор такого количества хлопка выделялись по утверждённым нормам из госбюджета соответствующие многомиллионные денежные средства. Проверка, проведённая по инициативе Ю. Андропова, показала, что на самом деле было собрано не более 4 миллионов тонн хлопка, а всё остальное – приписки. Если для «выращивания» двух миллионов тонн хлопка не пахались земли, не сажались

зёрна, не пропалывались поля, не опылялись с воздуха самолётами плантации для борьбы с вредителями, не собирался вручную и машинами хлопок, он не транспортировался и не складировался, то куда девались выделяемые на это из бюджета денежные средства? Где оказались эти 30% огромных бюджетных средств? Очевидно, что они оседали в карманах узбекской и московской люмпен-номенклатуры. А поскольку в ходе массовых приписок время от времени с ними сталкивались и честные люди, которые, возмущаясь увиденным, пытались обращаться в правоохранительные органы с криками о необходимости прекращения воровства, для их нейтрализации «хлопковая мафия» вовлекала в свою деятельность и уголовников, и силовиков.

В ходе вышеупомянутого расследования были арестованы первые секретари обкомов КПСС ряда областей Узбекистана и «сошки помельче», под следствием были секретари ЦК Компартии Узбекистана и министры. В ходе обысков в гаражах этих «верных сынов партии» находили бидоны из-под молока, полностью забитые советскими деньгами – миллионы рублей, лежавшие без дела, в то время, когда средняя зарплата в СССР составляла 170 рублей в месяц!

Если кто-то считает, что так себя вела партноменклатура только в Узбекистане, он глубоко ошибается – ситуация массового воровства бюджетных средств была характерна для всего СССР, для всех структур государственной власти. Например, Сочинско-краснодарское дело – серия уголовных дел о коррупции и злоупотреблениях в г. Сочи (Краснодарский край), расследование которых проводилось в начале 1980-х годов. В ходе расследования этого дела более 5 000 чиновников были уволены со своих постов и исключены из рядов КПСС и около 1 500 человек были осуждены и получили наказания по уголовным делам. За многочисленные факты коррупции был снят с работы 1-й секретарь Краснодарского крайкома КПСС С. Медунов.

И всё это наблюдалось не только в последние годы жизни советской власти – так было с самого начала существования диктатуры люмпен-пролетариата, а затем – диктатуры номенклатуры.

До сих пор бытует мнение о неподкупной честности чекистов – все воровали, а они пытались навести порядок. Не так это было! Ведомство это закрытое, наружу информацию не выдаёт. У «чекистов» всегда было много возможностей для личного обогащения – от контроля за контрабандой (в том числе наркотиков) до присвоения средств, выделяемых на финансирование секретных агентов (например, в секретные агенты оформлялись собственные тёщи). Про милицию и говорить не приходится – взятки, «крышевание» цеховиков и т.п. были типичными способами личного обогащения. Правда, для силовиков это не было всеобщим увлечением во времена Советского Союза – коммунистическая идеология всё же связывала им

руки и не позволяла всем силовикам опуститься на уровень откровенного бандитизма.

К исходу жизни Советского Союза партноменклатура полностью и окончательно «переродилась». Её мировоззрение трансформировалось так, что никто из её рядов не верил в скорое пришествие коммунизма. Продолжая общеидеологическую риторику о строительстве коммунистического общества на базе развитого социализма, номенклатура ориентировалась на реализацию собственных материальных интересов. Получилось в итоге так, что, участвуя в присвоении бюджетных средств, обладая большими нелегально накопленными капиталами, партноменклатура не имела возможности эти капиталы пустить в дело. Единственной возможностью для них было использование капиталов в нелегальном бизнесе – номенклатура сращивалась с криминалом, с цеховиками или организовывала подпольное производство на государственных предприятиях. Но этого было мало – воспользоваться капиталом для собственного блага было сложно – в обществе нельзя было в открытую демонстрировать своё богатство, покупать яхты, роскошные автомобили и строить особняки – особенно партийным и советским руководителям. Номенклатуре как воздух нужен был вывод капиталов в легальный оборот. И вот тогда люмпен-номенклатура поддержала во время появившуюся идею о «Перестройке», открывшую лазейку для легализации капиталов через первые кооперативы.

Номенклатура, как и любой другой социальный слой, всегда была неоднородна. Она формировалась за счёт люмпенов, это так, но люмпены – это люди с различными ценностями, поскольку отрываются от разных социальных слоёв. Поэтому и часть партноменклатуры из образованных «свято» верила в идеалы перестройки, как верил в неё и её автор – М.С. Горбачёв. Но другая её часть восприняла «Перестройку» как направление, которое будет способствовать легализации накопленных ею капиталов. Да вот беда! М.С. Горбачёв затеял не только либерализацию экономики через молодёжные предприятия и кооперативы, а и смену самой структуры власти. Он посмел поднять руку на «святая святых» – на сами принципы существования номенклатуры. Ведь как проходили «всенародные выборы» в СССР до М. Горбачёва? Партийное руководство утверждало списки кандидатов – по одному человеку на место, их «выдвигали» рабочие коллективы на всеобщих собраниях единогласным открытым голосованием, регистрировали, а в день выборов народ приходил на избирательные участки, получал на руки бюллетень с фамилией одного кандидата и опускал этот бюллетень в урну для голосования. Советскую власть для демонстрации её «всенародности» номенклатура «разбавляла» действительно уважаемыми людьми – знаменитыми артистами, спортсменами, трактористами, учёными и врачами. И эти безальтернативно выбираемые

люди также безальтернативно послушно голосовали за решения, предлагаемые им, как «советской власти», люмпен-номенклатурой.

Горбачёв придумал другое – кандидатов в Советы народных депутатов выдвигает не только номенклатура, но и сам народ. Первые демократические выборы в СССР, прошедшие при Горбачёве, как раз и показали люмпен-номенклатуре, что она проигрывает народу на выборах. В Советы всех уровней на альтернативной основе были выбраны, наряду с представителями и ставленниками партноменклатуры, честные люди, искренне желавшие изменить ситуацию в стране. Впервые за все годы советской власти в стране к власти мог прийти народ. И это далеко не всех устраивало.

К началу 90-х годов в СССР в люмпен-номенклатуре было несколько её разновидностей, которые можно свести к трём типам.

Первый тип номенклатурщиков из люмпенов состоял из людей, жаждавших власти и привилегий, но не занимавшихся личным обогащением. Им вполне хватало и того, что им доставалось от номенклатурной кормушки, и того, что они удовлетворяли свои амбиции в реализации властных полномочий.

Их, по моим оценкам, было большинство. Они не верили в идеалы коммунизма, но прекрасно понимали, что, прикрываясь этими идеалами, они остаются у власти, а принадлежность к власти даёт им такие льготы и привилегии, что они автоматически становились очень обеспеченными людьми общества. Эти люди были не в состоянии сами что-либо придумать в области стратегии развития общества, но они умели красиво говорить и быстро и эффектно «прогибаться» перед начальством, решая тактические задачи в русле всеобщей стратегии развития, сформулированной вышестоящим начальством. Оставим за ними название «номенклатурщики». Они, конечно же, были люмпенами, поскольку отрывались от своих корней, но рассматривали номенклатуру как социум, к которому мечтают принадлежать. Эти люмпен-номенклатурщики чувствовали, что при М.С. Горбачёве им становится всё более неуютно и что они могут в ближайшее время лишиться своих льгот и привилегий. Они были против М.С. Горбачёва (скрывая это) и хотели вернуть страну назад.

Второй тип номенклатурщиков – это люмпены, пришедшие во власть по соображениям корысти. Они брали взятки, организовывали устойчивые межведомственные группировки по хищению государственной собственности, занимались валютными операциями, и именно их капиталы к концу 80-х годов XX века требовали свободы. Это были предприниматели, которым было тесно в реальной советской экономике, и они использовали свою принадлежность к люмпен-номенклатуре как способ реализации своих предпринимательских интересов. Это – номенклатурные предприниматели. Им было тесно в рамках той экономической парадигмы плановой зарегулированной экономики, которая существовала в советском социализме. Они

хотели экономической свободы, а Горбачёв не решался им её дать в полном объёме. Они были недовольны и хотели перемен.

Третий тип номенклатурщиков – исчезающе малый по своей численности, – это та группа людей, которая искренне верила в коммунистические идеалы и искренне старалась изменить жизнь в стране в соответствии с этими идеалами. Это – номенклатурные идеалисты. М.С. Горбачёв, затеявший «пестройку», делал всё от него зависящее, чтобы в партийные функционеры включались именно такие люди. Это были те маргиналы из советской интеллигенции, которые поверили в возможность перемен и пошли в КПСС для реализации этих демократических перемен. Они не стали люмпенами, хотя и ушли из школ, институтов и заводов на партийно-хозяйственные должности. Они не рвали со своим социумом, а несли его интересы во власть. Этот горбачёвский набор и «всколыхнул» общество. Именно эти молодые идеалисты явились той силой, опинаясь на которую генеральный секретарь пытался провести демократизацию общества и отнять власть у люмпен-номенклатуры. Они жаждали быстрых перемен, а перемены были постепенными. Их недовольство Горбачёвым также нарастало.

Итак, все три социальные группы в правящей номенклатуре к концу 80-х годов XX века были недовольны действиями М.С. Горбачёва.

А тут ещё, к несчастью для страны, в середине 80-х годов XX века Правительством СССР была провозглашена борьба с пьянством и алкоголизмом. Эта борьба, как это и водится у люмпен-номенклатуры, велась с «перегибами» – массово, бездумно и с размахом. Сокращалось не только производство водки, но и другого алкоголя, вырубались виноградники, уничтожалось виноделие. Так, например, в Узбекистане ещё в начале XX века усилиями Р.Р. Шредера, основателя научного сельского хозяйства в Узбекистане, а также первого в Центрально-Азиатском регионе НИИ садоводства, виноградарства и виноделия, были выращены замечательные виноградники, на базе которых производились выдающиеся узбекские вина – «Хинагул», «Боян-Ширей», различного рода «Мусаласы» и т.п. Все виноградники во время борьбы с алкоголизмом там были вырублены, а виноделие в республике уничтожено на корню. До сих пор Узбекистан не может оправиться от нанесённого тогда ущерба. Вина, которые в нём производятся сегодня, спустя десятилетия, очень невысокого качества.

Но не только уничтожением культуры виноделия во многих регионах СССР повинна антиалкогольная компания, объявленная М.С. Горбачёвым и реализованная люмпен-номенклатурой. Её действиями был нанесён сокрушительный удар по экономике страны. Как шутили советские экономисты того времени, бюджет СССР был «пьяным», поскольку более четверти его доходов составляли акцизы с вино-водочных изделий. Сократив объёмы производства и продаж вино-водочных изделий, борцы с пьянством и

алкоголизмом сократили и бюджетные поступления – возник бюджетный дефицит.

Но была и другая, ещё более страшная, сторона этого процесса. Те деньги, которые советский народ нёс ранее в продовольственные магазины и отдавал за вино-водочные изделия, оставались теперь у него на руках, поскольку объём продаваемых вино-водочных изделий существенно сократился. В условиях твёрдых и неизменных цен на все товары свободные деньги бросились на охоту за товарами, которые советская промышленность и так производила не очень много, дефицит – это характерное состояние нерыночного распределения товаров. В результате такой «охоты» с прилавков советских магазинов стало постепенно исчезать всё. Люди мешками впрок закупали сахар, мыло, спички и др. Возник небывалый за последние десятилетия существования СССР дефицит товаров потребительского спроса.

Для того чтобы сохранить ситуацию социальной стабильности, люмпен-номенклатура организовала продажу этих товаров, и прежде всего мясных продуктов, по предприятиям. Свёртками весом по два килограмма (кто же перевешивал?) мясные кости в перемешку с обрезками мяса, обёрнутые в бумагу и перевязанные шпагатом, продавали несколько раз в месяц на предприятиях и в организациях рабочим и служащим по всему Советскому Союзу. Такие понятия, как «тонкий край», «грудинка», «вырезка», остались лишь на плакатах в мясных отделах магазинах, где вместо мяса на прилавке ещё красовались банки с фруктовым соком. Но скоро и они исчезли.

Повсеместно появились талоны на сахар, на мыло, на зубную пасту, на растительное и сливочное масло и, конечно же, на водку. Народ скупал всё – плохую обувь, плохую одежду, скалки и стулья... Для того чтобы защитить местного жителя от тех, кто «понаехал», продавать товары в магазинах стали только по паспортам, сверяя прописку.

К началу 1991 года страна переживала экономический кризис: объёмы производства стали уменьшаться, а на руках у жителей была огромная масса денежных средств, которые не были обеспечены товарной массой. При этом народу уже дали свободу слова и каждый человек мог в открытую ругать и советскую власть, и генерального секретаря ЦК КПСС. Все ждали перемен, а Горбачёв не знал, что делать. Каждый предлагал ему какие-то решения: один – всё перестроить за 500 дней, другой – всё перестроить за три года...

В Политбюро возникали группировки, по-разному оценивающие и ситуацию, и её развитие. Словом – «верхи уже не могли жить по-старому»...

Реальную силу при этом стали набирать демократизированные М. Горбачёвым Советы народных депутатов. Смертельная угроза нависла над люмпен-номенклатурой. Нужно было что-то делать. Ситуация усугубилась

ещё и тем, что совершенно неожиданно для всех партноменклатурщик до мозга костей, бывший первый секретарь Свердловского обкома КПСС Б. Ельцин оказался символом народного протesta против люмпен-номенклатуры.

Траектория его стремительного партийно-номенклатурного роста была прервана 21 октября 1987 г. на Пленуме ЦК КПСС. В народе зашептали о его «мученичестве». Так что же такого сказал на Пленуме Ельцин и почему в глазах простых советских людей он стал «мучеником» за справедливость? Обратимся к стенограмме этого Пленума, которая была опубликована задолго после произошедших событий. Вот что тогда (с сокращениями) говорил этот человек¹²:

«...Я должен сказать, что... ничего не изменилось с точки зрения стиля работы Секретариата Центрального Комитета партии, стиля работы товарища Лигачёва....

В то время, когда партия сейчас должна как раз взять именно революционный путь и действовать по-революционному. Такого революционного духа, такого революционного напора, я бы сказал, партийного товарищества по отношению к партийным комитетам на местах, ко многим товарищам не чувствуется... Я думаю, что то, что было сказано на съезде в отношении перестройки за 2-3 года – 2 года прошло или почти проходит, сейчас снова указывается на то, что опять 2-3 года, - это очень дезориентирует людей, дезориентирует партию, дезориентирует все массы, поскольку мы, зная настроения людей, сейчас чувствуем волнообразный характер отношения к перестройке. Сначала был сильнейший энтузиазм – подъём. И он всё время шёл на высоком накале и высоком подъёме, включая январский Пленум Центрального Комитета партии. Затем, после июньского Пленума ЦК, стала вера какая-то падать у людей, и это нас очень и очень беспокоит...

Я должен сказать, что уроки, которые прошли за 70 лет, – тяжёлые уроки. Были победы, о чём было сказано Михаилом Сергеевичем, но были и уроки. Уроки тяжёлых, тяжёлых поражений. Поражения эти складывались постепенно, они складывались благодаря тому, что не было коллегиальности, благодаря тому, что были группы, благодаря тому, что была власть партийная отдана в одни-единственные руки, благодаря тому, что он, один человек, был ограждён абсолютно от всякой критики.

Меня, например, очень тревожит – у нас нет ещё в составе Политбюро такой обстановки, в последнее время обозначился определённый рост, я бы сказал, славословия от некоторых членов Политбюро, от некоторых постоянных членов Политбюро в адрес Генерального секретаря. Считаю, что как раз вот сейчас это просто недопустимо...

---

¹² http://www.constitution20.ru/system/documents/documents/000/000/443/original/_Стенографический_отчёт_Пленума_ЦК_КПСС_21_октября_1987_г._-_1989.pdf?1423416770

И последнее. (Пауза.)

Видимо, у меня не получается в работе в составе Политбюро. По разным причинам, видимо, и опыт, и другие, может быть, и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачёва, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены Политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии».

И всё!

М.С. Горбачёв на всякий случай подытожил сумбурное выступление Б. Ельцина:

«Хочу повторить основные моменты заявления. Первое. Товарищ Ельцин сказал, что надо серьёзно активизировать деятельность партии и начинать это следует с Центрального Комитета КПСС, конкретно с Секретариата ЦК. Замечания в этой связи были высказаны Егору Кузьмичу Лигачёву.

Второе. Ставится вопрос о темпах перестройки. Утверждается, что назывались сроки перестройки два-три года. Отмечается, что такие сроки ошибочны, это дезориентирует людей, ведёт ещё больше к сумятице в обществе, в партии. Положение чревато такими последствиями, которые могут погубить дело.

Третье. Уроки мы извлекаем из прошлого, но, видимо, с точки зрения товарища Ельцина, не до конца, поскольку не созданы механизмы в партии, на уровне ЦК и Политбюро, которые бы исключали повторение серьёзных ошибок.

И, наконец, о возможности продолжить свою работу в прежнем качестве. Товарищ Ельцин считает, что дальше он не может работать в составе Политбюро, хотя, по его мнению, вопрос о работе первым секретарём горкома партии решит уже не ЦК, а городской комитет.

Что-то тут у нас получается новое. Может, речь идёт об отделении московской парторганизации? Или товарищ Ельцин решил на Пленуме поставить вопрос о своём выходе из состава Политбюро, а первым секретарём МГК КПСС решил остаться...»

Началось обсуждение высказываний Ельцина, и все выступавшие поддержали Ельцина, а некоторые даже объясняли это его личными политическими амбициями. После такого дружного осуждения Ельцин выступил с покаянием: «То, что я подвёл Центральный Комитет и Московскую городскую организацию, выступив сегодня, – это ошибка... я повторяю то, что сказал: прошу освободить и от кандидата в члены Политбюро, соответственно и от руководства Московской городской партийной организацией».

И в этот момент М.С. Горбачёв допустил ошибку, стоившую ему должности, а нам – страны под названием СССР. Он предложил Пленуму: «Я вношу такое предложение... Пленум ЦК КПСС признает выступление товарища Ельцина политически ошибочным. Не расшифровывать, по каким вопросам и что. Оно по всем пунктам политически ошибочно».

Так и решили. В газетах появилось сообщение о «признании выступления товарища Ельцина политически ошибочным» и о снятии его с партийных должностей с переводом на руководство Госстроем. Но что это было за выступление, о чём оно, о какой политической ошибке говорится – никто не знал. И тогда поползли слухи...

Первый слух, с которым я столкнулся буквально через день-другой после опубликования решений Пленума, – это то, что Ельцин выступил против Раисы Горбачёвой, жены генсека. Это была незаурядная женщина, не ставшая «тенью» первого лица государства, как это было до того (и после того), а всегда бывавшая рядом с мужем и активно помогавшая ему. Это было необычно и многих раздражало. Поэтому говорили даже, что Р. Горбачёва присутствовала на этом заседании Политбюро и Ельцин предложил ей выйти из зала. Второй слух, который появился вслед за первым, – что Ельцин предложил разогнать старых членов Политбюро и набрать в него новых и молодых. Слухи множились, обсуждались.

В конце 90-х по телевизору было показано интервью с бывшим редактором «Московской правды» и в последующем при Ельцине – министром печати Михаилом Полтораниным, который заявил примерно следующее. Через месяц после проведения этого исторического Пленума он участвовал в каком-то совещании главных редакторов газет СССР. Коллеги из регионов ему как редактору газеты, учредителем которой являлся Московский горком КПСС (возглавлявшийся Ельциным), стали задавать вопросы: что же такого Ельцин наговорил на Пленуме? Тогда Полторанин позвонил Ельцину и предложил ему раздать этим редакторам текст не фактической и бледной речи, а текст гневно-обличительный, революционный, который якобы и был произнесён Ельциным на Пленуме. Ельцин, понимая, что ничем не рискует, согласился. Тогда Полторанин «состряпал» речь, отпечатал её на машинке, а затем эту подделку его помощники откопировали. И раздали редакторам. Редакторы развезли эту «речь Ельцина» по всему Союзу, стали распространять и копировать. В результате пошла «речь Ельцина» гулять по стране. Так, благодаря очередному обману Ельцин из партноменклатурщика превратился в борца с партноменклатурой...

В этой «речи», которой никогда не было, говорилось о простых тружениках, вынужденных «стоять в очереди за сосисками, в которых крахмала больше, чем мяса», о засилье бюрократии в стране, о коррупции. Была там и резкая критика военных действий в Афганистане. И ведёт себя наш

герой по-геройски, одёргивая всесильного Е. Лигачева: «Не надо т. Лигачев кричать и поучать меня. Не надо. Нет, я не мальчишка».

Люмпен-номенклатура в это время понимала, что власть из её рук переходит в руки всё более и более становящихся народными Советов. И остановить этот процесс можно только одним способом – «свалить» Горбачёва. Поэтому Ельцин для люмпен-номенклатуры оказался очень кстати – тем более что он «до мозга костей» свой, все это знали. Вокруг этого «борца» стали собираться наиболее активные из номенклатурщиков, в том числе и номенклатурные идеалисты. Именно в это время Ельцин и стал «борцом», набирая политические очки в глазах жаждущей перемен публики.

И вот наступила развязка. Горбачёв уехал в Форос, а его товарищи по Политбюро попытались устроить его смещение с должности: «Горбачёв мой друг. Но он болен, а потому я исполняю обязанности президента», – заявил Г. Янаев, не в состоянии удержать дрожь в руках от страха за содеянное. Номенклатурщики первого типа, которых было большинство и в интересах которых переворот и осуществлялся, дружно поддержали ГКЧП с его призывами повернуть всё назад.

Но не рассчитали эти люмпен-номенклатурщики, что в их среде есть и те, кто хотел легализовать свои капиталы и совсем не хотел возвращаться назад, – номенклатурные предприниматели. Не учли они и того, что в их среде были и люди «горбачёвского призыва», которые рвались вперёд к новому осмыслению коммунистических идеалов, – номенклатурные идеалисты. Не учли и того, что не вся власть, но её существенная часть уже перешла к Советам, которые вовсе не собирались поддерживать ГКЧП. Более того – Горбачёв дал свободу слова, освободив СМИ от обязанностей лгать, и некоторые независимые СМИ выступили против путча («Эхо Москвы», например). Поэтому ГКЧП получил отпор – как со стороны части номенклатуры, так и со стороны народа.

Ситуация оказалось непростой. Практически все первые секретари компартий республик СССР, за исключением, пожалуй, только Н. Назарбаева, высказались в поддержку ГКЧП, первые секретари обкомов и горкомов КПСС сделали то же самое. А вот некоторые Советы отказались делать это, да и простой народ, «вкусивший» прелестей свободы, не собирался выполнять роль послушного стада.

Не получилось! Люмпен-номенклатурщики проиграли. Выдающуюся роль в этом сыграл Ельцин, тут ему нужно отдать должное. Но я нисколько не сомневаюсь в том, что даже если бы Ельцин прогнулся, как это сделали другие номенклатурщики, то через некоторое время всё равно произошло бы неизбежное – крах партноменклатуры. Не менее выдающуюся роль в срыве переворота сыграл и Верховный Совет РСФСР.

КПСС была запрещена на территории России – Б.Н. Ельцину она была уже не нужна, он стал номенклатурщиком высшего уровня. То же самое произошло в других республиках СССР. Бывшие первые секретари республиканских компартий, по совместительству ставшие либо президентами республик, либо председателями верховных советов своих республик, срочно откращивались не только от ГКЧП, но и от своего недавнего партийного прошлого. Президент Украины Л.М. Кравчук, например, долгие годы возглавлявший в ЦК Компартии Украины идеологическую работу («да здравствует братская дружба народов СССР!»), срочно стал националистом, объявил о независимости Украины и тем самым – себя от СССР и ответственности за только что проявленную трусость при поддержке ГКЧП.

То же самое сделали и все другие номенклатурщики. Объявив это, они, как и Ельцин, вдруг почувствовали свободу. Нет над ними никаких уз ни ЦК, ни партийной дисциплины. Их личные номенклатурные мечтания сбылись! Но не в форме занятия должности Генерального секретаря ЦК КПСС, а в форме Президента независимой страны. Зачем им в таких условиях СССР? Не нужно им никакого СССР! Каждый из них у себя в своей независимой республике – и царь, и бог! Именно поэтому никто (кроме опять же того же Н. Назарбаева) особо и не возражал, когда троица президентов России, Белоруссии и Украины в Беловежской пуще подписала документы о прекращении действия договора об СССР – всем высшим номенклатурщикам (за исключением высшей советской номенклатуры) это было выгодно. Но к тому моменту, когда подписывалось Беловежское соглашение, союзная люмпен-номенклатура уже бежала на должности в российских органах власти.

Возражали против развала СССР разве что номенклатурщики-идеалисты «горбачёвского призыва» – они «правил игры» в номенклатуре не знали, да и играть в эти игры не умели. Но все их протесты, митинги и сорбания, выступления в газетах и т.п. были безрезультатными. Их лидер М.С. Горбачёв был сломлен предательством своих товарищей по Политбюро, да и ельцинские «пинки» Горбачёву добавили переломов. Он перестал быть лидером. Он сник. Номенклатурщики-идеалисты «горбачёвского призыва» остались ещё в Советах, где продолжили слабое сопротивление номенклатурной реакции.

Но что же произошло с основной массой люмпен-номенклатуры и двумя другими её типами – «горбачёвским набором» и номенклатурными предпринимателями?

Люмпен-номенклатура дружно пошла под знамёна новых лидеров. Она не покинула своих кресел и кабинетов. Она только поменяла названия на табличках своих кабинетов. В России все они повесили над своими рабочими

столами портреты Ельцина, на Украине – Кравчука, в Узбекистане – Каримова... Коммунистическая идеология братства народов и равенства была ими тут же заменена новой идеологией – национальным самосознанием, кое-где переросшим в национализм. «Возвращение» к историческим корням вызвало очевидную ориентацию номенклатурщиков на возвращение к религии. И вот уже бывшие первые партийные и комсомольские секретари, ещё совсем недавно истово преследовавшие все религии, в одночасье становятся прилежными прихожанами религиозных общин – христианских, мусульманских, буддийских... Нет, они не стали религиозными. Они не верили в религию – точно так же как ранее не верили в коммунистические идеалы. Они принадлежность к религии демонстрировали народу. Ну а основная масса люмпен-номенклатурщиков устремилась за ними в те же самые храмы, мечети и дацаны, только на задние ряды.

Номенклатурщики из предпринимателей, накопившие к 1991 году достаточные капиталы, легализовали их и стали бизнесменами, владельцами новых банков и финансово-промышленных групп. Они не высовывались и не высовываются, предпочитая оставлять славу «самых богатых людей» всяkim Потаниным, Абрамовичам и Березовским. Кто знает – какой собственностью в результате приватизации обладает проводивший её А. Чубайс? Никто не знает. Как никто не знает и о капиталах тех самых номенклатурных предпринимателей, имена которых могут появиться на свет только в списках владельцев офшорных компаний или зарубежной недвижимости.

Советской номенклатуре и хозяйственной номенклатуре тоже досталось – они материализовали свои партийно-хозяйственные связи в виде жирных кусков бывшей государственной собственности. Большая часть из них свои акции успешно продала и теперь вкушает прелести жизни в благополучной Европе, скупив там в курортных местах домики, дома и домища, а свободные средства вложив в ценные бумаги европейских компаний.

Я не буду рассматривать все республики СССР, понимая, что в той или иной мере там происходили схожие процессы, поэтому остановлюсь только на примере России. Диалектика дальнейшего развития России предопределилась противоречием двух сил – номенклатурных идеалистов «горбачёвского призыва», которые взяли власть в Советах, и люмпен-номенклатуры, выразителем интересов которой стал Ельцин.

Номенклатурные идеалисты были проникнуты идеями народовластия и стремились к такому обустройству страны, при котором она развивалась бы гармонично в интересах каждого её гражданина. Этот путь для неё был неизвестен, и как его найти – никто не знал.

Люмпен-номенклатура, в отличие от них, точно знала, чего хотела – прибрать государственную собственность, финансы и власть в стране к своим рукам.

Это противостояние выразилось в борьбе Президента России Б. Ельцина с председателем Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатовым, а на уровне регионов – между главами администраций и председателями местных Советов. В распоряжении люмпен-номенклатуры были все ресурсы: финансовые, людские и силовые, а в распоряжении Советов – только легитимная власть. К тому же в Советах работали люди разных мнений, разного уровня развития, разного мировоззрения. Поэтому они не были столь монолитны и едины, как люмпен-номенклатурщики. Были среди них и представители люмпен-номенклатуры. На местах Советы не укрепляли свою власть, а занимались тем, что осуществляли масштабные переименования – улице «Советской», например, возвращали прежнее старорежимное название – «Боголюбская», а городу «Новокомсомольск», построенному на месте старой деревни, давали название этой деревни – «Старобольшаковск» и т.п. И делалось это в спорах и сомнениях, в обличениях и с пламенными речами на трибунах.

А в это время независимые СМИ постепенно «прибирались» к рукам люмпен-номенклатуры, а те из них, кто сопротивлялся, подавлялся новыми инструментами – не идеологическими, как ранее, а экономическими. Как в дальнейшем назвал это В. Путин – «спор хозяйствующих субъектов».

К 1993 году новая номенклатура настолько окрепла, что уже могла подавить любое сопротивление своей власти. Она нуждалась только в прикрытии своей власти ширмой народовластия, а само народовластие, элементы которого представляли действующие Советы, ей было уже в тягость – мешало властствовать. К тому же номенклатурные предприниматели, легализовавшие свои капиталы в коммерческих банках, стремились материализовать их – им нужно было прибрать к своим рукам производственные мощности, которые оставались в государственной собственности. И им Советы мешали – в них « первую скрипку » играли номенклатурные идеалисты. Именно они инициировали принятие Закона о приватизации государственной собственности ещё 3 июля 1991 года № 1531-1. Этот закон гласил, что приватизация проводится в соответствии с Госпрограммой приватизации, а она вносится Советом Министров РСФСР и утверждается Верховным Советом РСФСР – без одобрения Советов государственная собственность не могла перейти в руки номенклатурных предпринимателей.

Нужно было последнее усилие, чтобы вновь и уже окончательно вернуть в руки люмпен-номенклатуры власть в стране, а номенклатурным предпринимателям присвоить государственную собственность и легализовать свои капиталы. Для этого нужно было одно – устранить Советы, мешающие это делать. И тогда Ельцин 21 сентября 1993 года издал указ № 1400 о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного совета, чем, конечно же, нарушил действовавшую тогда Конституцию. Ну, мало ли что

не нарушали и до этого люмпен-номенклатурщики? Всё, что мешало им лично, легко нарушали. Сталинская Конституция же нарушалась с самого первого дня её принятия!? Так чем Ельцин лучше? Верховный совет попытался было сопротивляться, но быстро был подавлен военной силой. А на местах областные и городские Советы дружно самораспустились. Люмпен-номенклатура вернула себе власть.

Но ведь нельзя было просто – взять и уничтожить Советы! Нужно было народу дать что-то взамен, нужно было и всему миру показать, что Россия идёт в сторону демократии, а не в обратном направлении. Для этого, возвращаясь к историческим корням, деятели из ельцинского окружения придумали новую форму «народной власти» – Государственную Думу. Её полномочия, конечно, урезали по сравнению с полномочиями Советов, а чтобы и вовсе заблокировать возможности нового органа народовластия сопротивляться, создали Совет Федерации из самих себя – из руководителей региональной люмпен-номенклатуры.

Победители тут же объявили выборы в Думу (бывшие руководители Верховного совета из «горбачёвского набора» в это время сидели в тюрьме и участвовать в выборах не могли), а также голосование за Конституцию, в которой эта Дума и объявлялась. На момент выборов 1993 года в России было всего зарегистрировано 106 170 835 избирателей. Из них в голосовании приняли участие 58 187 755 человек (54%). За принятие ельцинской Конституции проголосовало 32 937 630 человек, т.е. 31% от числа зарегистрированных избирателей. Иначе говоря, действующая сегодня Конституция России была принята менее чем третью голосов жителей России. Главный лозунг агитаторов за новую Конституцию звучал так: «Как же жить без Конституции?».

Голосование по выборам в Госдуму оказалось протестным. Люмпен-номенклатура, не предвидя этого, в эйфории от победы над Советами, устроила даже телевизионное шоу под названием «Встреча Нового политического года», в котором в прямом эфире подводили итоги голосования по стране. Было очень интересно следить за постепенным вытягиванием лиц перепуганных ведущих этого шоу, когда на смену радужным представлениям о безоговорочной победе «демократических сил» (Гайдар, Чубайс и Ко), приходили реальные данные о победе на выборах ЛДПР и коммунистов. Номенклатура потерпела фиаско, но не поражение. Это не помешало ей решить свои задачи. Власть всё равно осталась у неё – демократические институты страны были подорваны.

Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 года № 2288 отменились многие предыдущие законы, а в часть из них вносились принципиальные изменения, в том числе и в Закон о приватизации. В нём теперь говорилось о том, что приватизация проводится в соответствии с

Госпрограммой приватизации. Но теперь эта программа не утверждается органом народовластия. Более того, «Инициатива в проведении приватизации государственных и муниципальных предприятий может исходить от Госкомимущества России, его территориальных агентств, комитетов по управлению имуществом». Всё! Люмпен-номенклатура получила в свои руки возможность распоряжаться самым лакомым куском (после государственного бюджета) – государственной собственностью.

Не буду повторять историю приватизации в России – об этом написано много книг и статей. Понятно, что вернувшая себе всю полноту власти после гибели Советов люмпен-номенклатура сделала это в собственных интересах – народ остался с пустыми руками. Помимо скрытого мошенничества при приватизации, люмпен-номенклатура осуществила и открытое мошенничество в виде залоговых аукционов. Об этом так, например, сказал много позже В. Потанин:

«Аукцион не был мошенничеством, но он был ярким примером исключительной силы лоббизма. Как и вся приватизация, он был несправедливым и по факту привёл к социальному расслоению. Но что сделали залоговые аукционы? Они создали в России класс крупных собственников. Только после этого стало приемлемо владение крупными предприятиями, после этого стали собственниками владельцы крупнейших металлургических, угольных, транспортных компаний и так далее. Это пробило брешь в обороне “красных директоров” заводов. Это была борьба нового бизнеса с “красными директорами”. Все просто забыли, как эти люди управляли ЮКОСом, “Норникелем”, “Сибнефтью”. Люди месяцами не получали зарплату, предприятия не платили налоги. Это было ужасно, и нужно было это приватизировать. Единственное, о чем мы спорим, это то, насколько это было справедливо, конкурентно и так далее. Знаете, что я вам скажу? Какая была страна, какие были правила, так и приватизировали. Залоговый аукцион – это попытка устроить конкурентную борьбу за крупную собственность, но она была в руках не у государства. Мы её не у государства выкупали. Мы её у “красных директоров” отбирали»¹³.

Конечно, это – попытка выдать желаемое за действительное. В момент проведения залоговых аукционов, когда «люди месяцами не получали зарплату», конъюнктура мирового рынка сырья ухудшилась – предприятия минерально-сырьевого комплекса, как и другие предприятия, сидели без денег. Баррель нефти в 90-е годы стоил так:

1992 год – 22,0 долларов,
1993 год – 19,0 долларов,
1994 год – 17,7 долларов,

---

¹³ <http://m.forbes.ru/article.php?id=83751>

1995 год – 18,7 долларов,
1996 год – 21,7 долларов,
1997 год – 20,2 долларов,
1998 год – 13,6 долларов (год дефолта в России),
1999 год – 18,4 долларов.

Где уж тут «красным директорам» жировать? Так и оставались бы люди и при новых собственниках без зарплат, если бы к началу двухтысячных цена на нефть и другое сырье не «полезла» стремительно вверх. А кому в стране стало легче от того, что в ней появились «крупные собственники»? Только самим крупным собственникам!

Но главное в приведённом интервью другое – признание в том, что приватизация была «несправедливой». Ну а когда действия люмпен-номенклатуры были справедливыми? Никогда! Первичны – собственные интересы, а вторичны – интересы страны. В итоге уже к концу 90-х всё вернулось «на круги своя» – бюджет, льготы и привилегии, «телефонное право» как результат искажения правового пространства, всё – как было при КПСС, только без КПСС и, что для страны ещё хуже, без системы контроля. А без контроля, как известно, нет эффективного управления. Придуманная номенклатурой «система контроля» в виде «независимой судебной ветви власти» контролирующим органом не является. Судебная система современной России, как и в советские годы, являясь порождением номенклатуры, служит в интересах номенклатуры. Номенклатуру – не трогает, а по отношению ко всем остальным – демонстрирует всю строгость закона.

И не надо идти далеко за примерами. Ну, кто же из жителей современной России сомневался в том, чем закончится дело о хищениях в Министерстве обороны? Всем было ясно, что бывший министр обороны А. Сердюков и его подельница Васильева не пострадают. А что будет с сельским алкоголиком, который разобьёт стекло в здании местной администрации и утащит из его помещения на продажу, например, мягкое кресло? Всем ясно, что года на три его посадят.

Итак, к концу 90-х годов люмпен-номенклатура вновь вернула себе власть над ресурсами страны. Ельцин сделал своё дело, Ельцин должен был уйти. Нужно было срочно найти ему преемника, и его нашли.

11. WHO IS MR. PUTIN?

- Who is mr. Putin? – вопрошали иностранцы, когда вдруг ни с того, ни с сего человек, мало кому известный, возглавил крупнейшую страну мира. Действительно: «Who?». На всероссийском уровне и даже на уровне Санкт-Петербурга этот человек вовсе никому не был известен. И вдруг...

А дело было так.

Приватизация основных «лакомых кусочков» народной собственности уже шла полным ходом и близилась к завершению, ростки демократии люмпен-номенклатурой были в целом задушены, а СМИ на местах и в центре почти полностью перешли под её контроль. Средства госбюджета опять начали растаскиваться номенклатурой, а льготы и привилегии для неё расширялись. Можно было бы сказать, что люмпен-номенклатура уже полностью решила свои проблемы, но...

Алкоголизм президента Ельцина, ставший очевидным и в России, и во всём мире, начал подрывать устои люмпен-номенклатуры. То пьяный Президент России в Германии отнимает дирижёрскую палочку у дирижёра и начинает размахивать ею перед опешившими оркестрантами, то полчаса в Рейкьявике премьер министр Ирландии ждёт у трапа президентского самолёта, когда выйдет прибывший с визитом президент Ельцин, а тот валяется пьяный в салоне самолёта...

Номенклатура, сколь бы она не была предана любому руководителю, начала роптать. Стало очевидным, что Ельцина нужно отправлять в отставку. Но былое единства у номенклатуры уже не было – так сложилось к концу XX века, что пережитые номенклатурой 90-е годы сильно потрепали её сплочённые ряды. Более того, отсутствие единой идеологии «распылило» этот социальный слой. Не было лозунгов, прикрываясь которыми можно было бы властвовать. Не случайно в конце XX века Ельцин всё призывал номенклатуру: «Дайте мне национальную идею!». Но единственное, что могли предложить ему люмпены во власти – это заменить духовность духовенством, а вместо партсобраний всем чиновничим табором собираться в церквях по церковным праздникам. Но единства всё равно не получилось: «Кто верит в Магомеда, кто в Аллаха, кто в Иисуса. Кто ни во что не верит, даже в чёрта, назло всем...» – пел по другому поводу Владимир Высоцкий, но эти его строки оказались верны и в данном случае.

Люмпен-номенклатура и ранее не была монолитом – она всегда представляла собой группировки лиц, которые в той или иной степени были преданы вышестоящему патрону. Патроны были разные, и группировки были различными. И если в советские годы эти группировки всё же структурировались по принципу демократического централизма и объединялись

по принципу следования идеологическим установкам партии, то после запрета КПСС эти две связующие их нити оборвались. Люмпен-номенклатура расслаивалась по принципу земляческих кланов, а некоторые её лидеры вовсе были не прочь сделать с Россией то, что ранее было сделано с СССР, – уж очень не хотелось им иметь над собой даже подобие контроля.

Демократическая риторика за ненадобностью постепенно сходила на «нет».

Наиболее яркие «демократы» начала 90-х, такие как Г. Попов, А. Собчак, И. Хакамада и Б. Немцов, а уж тем более Е. Гайдар и А. Чубайс у народа стойко ассоциировались с теми несчастьями, которые высыпались на головы россиян, – с безработицей, с нищетой и с беззакониями, с грабежом в виде приватизации и с разгулом криминала. В среде люмпен-номенклатуры кое-кто ещё по инерции поддерживал демократические лозунги, но большая часть других перешла на антидемократическую риторику («развалили тут всё!»), поддерживая ностальгию народа по «сильной руке» и по бывшим успехам Советского Союза.

Сложился политический кризис. Понимая, что дни ельцинской группировки сочтены, люмпен-номенклатура высшего уровня вовсе не собиралась отдавать инициативу в руки народа или его отдельных групп – ждать, пока, наконец, Ельцину будет объявлен импичмент, она не собиралась. Нужно было срочно найти замену Ельцину, а потому начался активный и практически не скрываемый от народа поиск преемника: Черномырдин, Немцов, Кириенко, Примаков, Степашин… Чехарда с премьер-министрами – это как раз и был поиск преемника методом проб и ошибок.

А тут произошло в экономике знаковое событие.

Поскольку производство в России повсеместно сокращалось, то и доходы бюджета стремительно уменьшались. Для того чтобы не допустить социального взрыва, правительство активно занималось заимствованием денежных средств у банков. Возьмёт правительство в начале года у банков взаймы денег, а в обмен отдаст бумажку, где написано, что к концу года предъявитель сей бумажки получит сумму, в два раза большую номинала (100% годовых). Подходит к концу очередной год, приносят банкиры эти бумажки в правительство, а оно в обмен на эту бумажку выписывает другую – о том, что к концу следующего года отдаст ещё в два раза больше денег. Банкиры возврата средств не требуют, а наоборот – несут ещё деньги в обмен на новые бумажки. Бумажки эти назывались «ГКО», и раздачей этих бумажек в обмен на деньги активно занималось российское правительство 90-х годов.

Коммерческие банки, которые давали правительству деньги взаймы, не брали эти деньги из воздуха, а использовали те средства, которые им

приносили простые российские вкладчики – народ, который хоть как-то пытался сохранить стремительно обесценивающиеся средства, и предприниматели, открывшие счета в банках. Так что не банки финансировали российское правительство, а народ.

В августе 1998 года появился на сцене новый премьер-министр А. Киринко, который, ознакомившись с состоянием финансов, объявил дефолт, т.е. отказался платить по долгам правительства. Понятно, что часть наиболее приближённых к номенклатуре банкиров вовремя продала бумажки ГКО на рынке ценных бумаг и избежала краха, но многие крупные игроки на финансовом рынке, не имевшие своих лазутчиков в правительстве (Империал, Менатеп, Инкомбанк и др.) разорились. Точнее – своих денег лишились все вкладчики этих банков (простые граждане страны и коммерческие предприятия), а владельцы банков в процессе их ликвидации свои активы спасли, да и работу в других банках или коммерческих предприятиях нашли.

Совершенно неожиданно этот очередной грабёж населения имел для страны положительное значение – курс рубля по отношению к доллару упал в три-четыре раза. Это значило, что зарубежные и отечественные товары, которые стоили перед дефолтом примерно одинаково в рублях, за пару месяцев стали стоить по-разному: иностранные товары в российских магазинах подорожали в три-четыре раза по сравнению с отечественными товарами из-за роста стоимости иностранной валюты. Потребители, что вполне естественно, переключились с приобретения высококачественных и дорогих зарубежных товаров на не очень качественные, но существенно более дешёвые отечественные аналоги. Спрос на товары отечественного производства увеличился, и вслед за ним сдвинулась с мёртвой точки и вся отечественная экономика, остановившая падение и впервые показавшая рост производства. Для любителей статистики привожу эти данные.

Реальный объём произведённого ВВП в среднегодовых ценах 1995 года составил:

- в 1995 году 1428,5 трлн рублей,
- в 1996 году 1377 трлн рублей,
- в 1997 году 1396 трлн рублей,
- в 1998 году 1321,4 трлн рублей,
- в 1999 году 1405,3 трлн рублей,
- в 2000 году 1546,5 трлн рублей.

Экономика России к концу правления Ельцина оказалась на подъёме, бюджет страны стал возрастать. А тут случилось ещё одно «чудо». Мировая цена на нефть все 90-е годы держалась на уровне не выше 20 долл. за баррель. А в 1998 году она упала до 13,6 долл. за баррель, что, возможно, и

повлияло на решение Кириенко объявить дефолт – нефтедолларов в казне вовсе не было.

Но уже в 1999 году мировая цена нефти выросла до 18,4 долл. за баррель (рост на 35%), а в 2000-м году выросла аж до 28,2 долл. за баррель – более чем в два раза по сравнению с годом дефолта! И далее стоимость нефти уверенно росла. Доходы бюджета России стали пополняться и за счёт этого источника.

Итак, к концу правления Ельцина сложились две положительные тенденции – рост отечественного производства, вызванный обесценением российского рубля и удорожанием иностранной валюты, и рост цен на нефть и газ, вследствие чего начали расти доходы бюджета – он из дефицитного стал постепенно превращаться в профицитный.

Сам Ельцин не успел воспользоваться этими двумя факторами и заявить, мол, реформы, проводимые под моим руководством, наконец-то дали плоды. Не в состоянии был. И этим предстояло воспользоваться его преемнику, кто бы им ни был.

Мне не интересен процесс поиска преемника Ельцина, который сегодня смаивают многие политологи, мол, Березовский предложил этого, а Юмашев предложил другого... Важно иное – никто сегодня не скрывает тот факт, что в «демократической» России люмпен-номенклатура искала, кого бы посадить на «tron». Не народ искал, и даже не его депутаты или партии, в той или иной степени представляющие отдельные слои народа, а именно верхушка люмпен-номенклатуры. Ну чем не подтверждение того, что она опять начала править страной в полном объёме?

И люмпен-номенклатура методом проб и ошибок нашла кандидатуру, устраивающую её, – В.В. Путин возглавил Российское правительство в момент «критического обострения ситуации на Северном Кавказе». 7 августа 1999 года группа чеченских боевиков численностью около тысячи человек оказалась на территории Дагестана, а 9 августа Ельцин отправил С. Степашина в отставку и назначил премьер-министром В.В. Путина. Внешне это вполне могло выглядеть так, что президент оказался недоволен С. Степашином, «прозевавшим» начало этой очередной войны на Кавказе, и пришёл к выводу: его следует заменить человеком более решительным и твёрдым. И новый премьер-министр всем показал, что он куда более твёрдый и решительный: всех, говорит, бандитов будем «мочить в сортире». «Мочит» до сих пор, но сейчас не об этом.

Когда Ельцин 31 декабря 1999 года сделал всему человечеству новогодний подарок, а и. о. президента В.В. Путин грустно смотрел вслед уходящему в бесконечность «первому президенту России», все задали вопрос: «А кто такой – мистер Путин?» И не находили ответа. Никто его и не знал –

не был замечен новый руководитель России в какой-либо государственной или политической деятельности до этого. Ясно было одно – он устраивал Ельцина и его приближённых.

После того, как В.В. Путин был посажен в кресло президента страны, сразу же началась со стороны люмпен-номенклатуры обработка простого народа. Как сейчас помню показанные по телевизору восторженные лица народных артисток, которые заявляли о своём восхищении тем, как В.В. Путин ходит, как он голову держит, как говорит – не спотыкаясь и не заикаясь. Ну просто прелесть какая, особенно после Ельцина!

Народу исподволь ненавязчиво внушали, что со сменой президента произошло не всё просто так. Ведь новый-то президент – из КГБ. А КГБ про всех всё знает. Вот он сейчас и наведёт порядок в стране, накажет всех этих воров и мздоимцев! Кое-кто из региональной люмпен-номенклатуры, у кого «рыльце в пушку», заволновался. Но первое, что сказал новый президент России: «...пересмотря итогов приватизации не будет». И всё стало окончательно ясно – люмпен-номенклатура поставила руководить страной своего человека, человека, который у неё ничего не отнимет. Именно такой и нужен был! Никого не гонит, разрешает пользоваться бюджетными средствами, а то, что в Москву привёл своих питерцев, так это нормально, не случайно в то время многозначительно говорили: «Питерский ветер сдувает свердловскую пыль!», намекая на замену сибиряков питерцами.

Люмпен-номенклатура, потерявшая было ориентиры во времена ельцинских лихолетий, воспарила духом. Вся номенклатура, как и полагается, повесила портреты Путина в своих кабинетах, а неустойчивые в своём мировоззрении деятели искусств стали слагать оды во славу спасителя отечества, появились даже песни его имени, а в магазинах появилась в продаже водка «Путинка». Странно, исходя из логики вещей, водка должна была называться «Ельцинка» в честь главного алкоголика страны, а популярностью стала пользоваться водка с названием президента, который ни разу не позволил заподозрить себя в пристрастии к этому напитку. Номенклатурные игры, понимаешь!

Прошёл год-другой, В. Путин утвердился в кресле президента. Но оказалось, что, помимо многочисленных славословий в его адрес, есть ещё в России журналисты, которые осмеливаются открыто выступать против него! С чего бы это? Ведь он – благодетель, при нём государственный бюджет стал наполняться невиданными темпами (цена на топливно-энергетические ресурсы стала расти невероятными темпами), производство начало развиваться, а тут есть всякие... Мешают проводить политику на укрепление, развитие и удвоение ВВП.

И стал президент с помощью угодливой люмпен-номенклатуры «мочить» независимые СМИ – начал с команды телевизионщиков НТВ (они ведь в ночь, когда Ельцин ушёл и поставил вместо себя президентом Путина, поломав программу, показали по телевизору фильм «Калигула», явно намекая на что-то). Разгром НТВ вызвал митинги протesta простых людей, которые понимали, что за удушением свободы слова последует и удушение свободы как таковой, но митинги протesta прошли, а НТВ оказался в руках люмпен-номенклатуры. Затем команду Киселёва, перешедшую с НТВ на ТВС, начали «мочить» и на этом канале и так до тех пор, пока всё центральное телевидение не оказалось зачищенным от неподконтрольных люмпен-номенклатуре журналистов.

Понятно, что делалось это другими руками, президент лишь, улыбаясь, разводил руками – «споры хозяйствующих субъектов», мол, ничего поделать не могу! Разгул демократии!

Альтернативное мнение на главных телевизионных каналах страны прекратило своё существование. Теперь по всем основным телевизионным каналам, которые смотрит 90% россиян, представлена только одна точка зрения – люмпен-номенклатуры. Аналогичные процессы прошли и на региональном уровне – региональная люмпен-номенклатура начала контролировать основные СМИ, зачищая неугодных журналистов подкупами, угрозами или убийствами при невыясненных обстоятельствах. Зачистив мультимедийное пространство, российская номенклатура не стала выдумывать ничего нового. Она просто использовала опыт времён диктатуры люмпен-пролетариата по формированию у россиян с помощью СМИ нового символа веры. Его краткое изложение таково.

Пришёл к власти в России «благодетель» – умный, смелый, решительный. При этом он близок к народу, ведь не случайно из уст «благодетеля» так и высказывают просторечные выражения и присказки. Он – за простой народ. Но между ним и простым народом находится большая прослойка министров, губернаторов, их заместителей и иных чиновников, которые воруют из бюджета и разоряют Россию. И много дел у «благодетеля» – за всеми не усмотришь. Но когда он всё-таки замечает непорядок и обнаруживает мздоимцев, то активно борется с ними. Именно потому, что он один такой «благодетель» и сил на всё у него не хватает, то и есть в России многочисленные проблемы. И возникают эти проблемы из-за внутренней коррупции, с которой борется «благодетель», и из-за нерадивости многих чиновников. А тут ещё и внешние враги, устрашившись роста величия России, достают нас своими происками. Но это им не поможет, поскольку «благодетель» с ними со всеми борется и постепенно «поднимает Россию с колен».

Внушив народу эту новую веру, российская люмпен-номенклатура поняла, что теперь – самое время для того, чтобы разделаться с возможными противниками. Реальную силу, которая могла противодействовать люмпен-номенклатуре, представляли не карликовые политические партии, а народившийся в ходе ельцинских реформ крупный капитал в лице его крупных собственников – из числа номенклатурных предпринимателей. Они обладали теперь такими деньгами, что могли купить на них любого чиновника, судью и прокурора. Сами олигархи поверили в это и всячески демонстрировали люмпен-номенклатуре – «кто в доме хозяин». Поторопились. Хозяином в доме оставалась по-прежнему люмпен-номенклатура – в её руках законы, бюджет, силовики.

Самый богатый человек России начала XXI века М. Ходорковский, удачно действовавший на залоговых аукционах, позволил себе бросить открытый вызов люмпен-номенклатуре. Он стал спонсировать КПРФ и «Яблоко», пытаясь следовать западному примеру – создавать из спонсируемых партий своё лобби в парламенте. Но не тут-то было. Люмпен-номенклатура ему намекнула, что он должен вернуться в отеческое лоно и продолжать «делиться» с ней, а не с оппозицией. Ходорковский намёка не понял. Тогда против него было возбуждено уголовное дело. Тут бы Ходорковскому всё бросить и прибежать с покаянными речами в Кремль, поделился бы с кем надо средствами, «нажитыми непосильным трудом», так нет! Заявил прессе, что, мол, кое-кто себе слишком многое позволяет. И номенклатурная машина наскочила на него всеми своими многотысячными и лошадиными силами. По обвинению в хищении и неуплате налогов он был арестован 25 октября 2003 года. Я лично согласен с тем, что преступлений, которые совершил М. Ходорковский, более чем достаточно для того, чтобы навсегда его оставить за решёткой. Но точно такие же преступления совершали и другие олигархи России! А их не сажают – люмпен-номенклатура выбрала одного, чтобы другим неповадно было. И точно! Другим стало неповадно! Теперь все олигархи послушно «пляшут под дуду» правящей номенклатуры.

К началу правления Путина люмпен-номенклатура не была структурирована по вертикали – она была структурирована по кланам. Руководители сильных региональных люмпен-номенклатурных патrimonиальных кланов (Ю. Лужков, М. Шаймиев и др.) постепенно подминали под себя люмпен-номенклатуру других более слабых регионов. Люмпен-номенклатура федерального центра понимала угрозу, исходящую для неё от такого распыления сил, а потому В. Путин начал «выстраивать вертикаль власти», а попросту говоря – ломать власть региональных лидеров.

Ближайшие выборы в Госдуму 7 декабря 2003 года теперь проходили под полным контролем монолитной люмпен-номенклатуры. Предыдущие

выборы 1999 года показали разношёрстность номенклатуры – в Госдуму прошли шесть партий: КПРФ, «Единство», «Отечество – вся Россия», Союз правых сил, ЛДПР и «Яблоко». Теперь номенклатура вспомнила славные былые времена и под руководством нового лидера создала единую партию, вновь став партноменклатурой.

На момент выборов 2003 года люмпен-номенклатура не только объединилась в партию, но в её руках оказались практически все центральные и местные СМИ, государственный бюджет, административный ресурс и финансы корпораций. Никто из крупных собственников не финансировал оппозицию, испуганный примером Ходорковского, но зато их деньги «рекой потекли» в номенклатурную партию «Единая Россия». Логика проходящих выборов в 2003 году была простой: КПРФ – свои, их трогать не нужно, так же как и ЛДПР. А вот «Яблоко» и СПС, не являясь номенклатурным произведением, хотя и не представляли смертельной угрозы, но как «заноза» мешали существованию люмпен-номенклатуры – в ней много было номенклатурных идеалистов, а это были идейные враги. Операцию провели в нескольких направлениях. Агрессивная контрпропаганда и создание альтернативной партии под названием «Родина». Эта «партия» отобрала голоса у яблочников, которые порядочно надоели народу своим занудством, и прошла в Госдуму. Всё! Там она и растворилась. «Мавр сделал своё дело, мавр должен уйти». Где она, ау?

Итак, с 2003 года законодательная ветвь власти страны вновь, как и в советские годы, предстала монолитом партноменклатуры. То же самое произошло и на региональных уровнях.

Люмпен-номенклатура воцарилась вновь, припав в едином порыве к новому повелителю. А для того, чтобы придать своей власти «народный оттенок», партноменклатура устраивает всякие показушные акции, например, в «ряды своей партии», властивющей в Госдуме, вкрапляет, как и прежде в советские годы, яркие пятна – народных артистов, выдающихся спортсменов и знаменитых врачей. Для той же цели был создан новый орган с непонятными полномочиями – Государственный совет.

Возродить комсомол не получилось. Попытался было Кремль создать «Наших», да как-то не пошло у них. Тогда начались поиски чего-то подобного, но с другим названием, например «Молодёжная гвардия». Тоже не впечатляет. Но поиски продолжаются, а наиболее талантливые из «Наших» и «Гвардейцев» пополняют «Единую Россию». Наблюдаем мы и другие номенклатурные игры, например создание «Народного фронта». Против кого фронт? Не понятно, но главное – фронт!

То, что Путин пришёл в Россию навсегда, это понятно. Он должностности президента сам никогда не уйдёт, а ручные законодатели для этого и

Конституцию, если надо, подправят. Хорошо ли это пожизненное президентство В. Путина или плохо? Если представить себе, что пришёл бы к власти такой бандит и головорез, как Иосиф Джугашвили, то Путин – это хорошо. Если представить себе, что мог прийти реформатор и могильщик партноменклатуры типа М.С. Горбачёва, то Путин – это плохо.

Но главное – всё же не в том, плох или хорош Путин. Главное – в другом. Стрелы возмущения народа, обманутого на выборах в Госдуму 4 декабря 2011 года в результате неприкрытых подтасовок результатов выборов и приписок несуществующих голосов себе партноменклатурой, были направлены против Путина. «Путина – в отставку», – заявили митингующие. В определённой части они, конечно, правы. Сегодня Россия переживает один из самых плохих вариантов власти партноменклатуры, архитектором которого является именно В. Путин. Но даже если представить себе невозможное – Путин уйдёт с должности президента, партноменклатура поставит другого – Медведева, Иванова, Петрова, Сидорова…

Зло современной России не в В. Путине, а в том, что власть принадлежит люмпен-номенклатуре, которая пока ещё не осуществляет диктатуру по-ленински, но вполне к этому движется.

12. ЛЮМПЕН-НОМЕНКЛАТУРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ – СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО

Чем отличается политический строй современной России от политического строя Советской России? Абсолютное большинство отвечающих на этот вопрос скажет, что это совершенно разные страны с совершенно разными политическим, экономическим и социальным устройствами. Экономическое и социальное устройство, конечно, изменилось, а вот по поводу политического устройства я готов поспорить. Изменилась внешняя форма устройства, но суть власти не поменялась. В 2001 году 60% чиновников федерального уровня являлись выходцами из советской номенклатуры [86]. Как они могли способствовать изменениям? Никак!

Действительно, раньше была «страна Советов», а теперь – «страна Дум». Раньше была КПСС, а теперь – «ЕР». Раньше была цензура и ругать власть можно было только на кухне, да ещё и вполголоса. А теперь можно ругать власть и в открытую, и на кухне, и даже в СМИ, а вместо цензуры в СМИ появилась самоцензура. Те СМИ, в которых можно ругать власть, ограничены аудиторией в 10% от общего числа жителей страны, и потому для власти подобные рассуждения в этих СМИ не страшны – 90% послушно будут верить власти, которой принадлежат государственные СМИ.

Но вот, пожалуй, и все отличия политического устройства современной России от России Советской. Как не было в стране власти народа, так и до сих пор нет.

Модель социальной динамики изменилась, но не принципиально, а в частностях. И эти частности кроются во входных барьерах. Если раньше входные барьеры определялись, помимо показателей личной преданности к руководителю и принадлежности к патrimonиальной чиновничьей сети, ещё и обязательным членством в КПСС, а также принадлежностью к рабочему классу или хотя бы временному пребыванию на рабочей должности, то сегодня барьеры другие.

Нет в качестве барьера критерия принадлежности к рабочему классу.

Нет теперь и барьера в виде принадлежности к КПСС. Но этот барьер теперь заменился другим – принадлежностью к номенклатурной партии «Единая Россия»: принадлежность к этой партии позволяет добиться больших успехов в карьерном росте.

А вот показатели личной преданности к руководителю и принадлежности к патrimonиальной чиновничьей сети вышли сегодня на первый план в пути преодоления входных барьеров во власть, а оттуда – в элитные слои общества (рис. 5).

Власть в России формируется за счёт маргиналов, превращающихся в люмпен-номенклатуру. В целом современную российскую люмпен-номенклатуру можно представить в таком структурном виде.

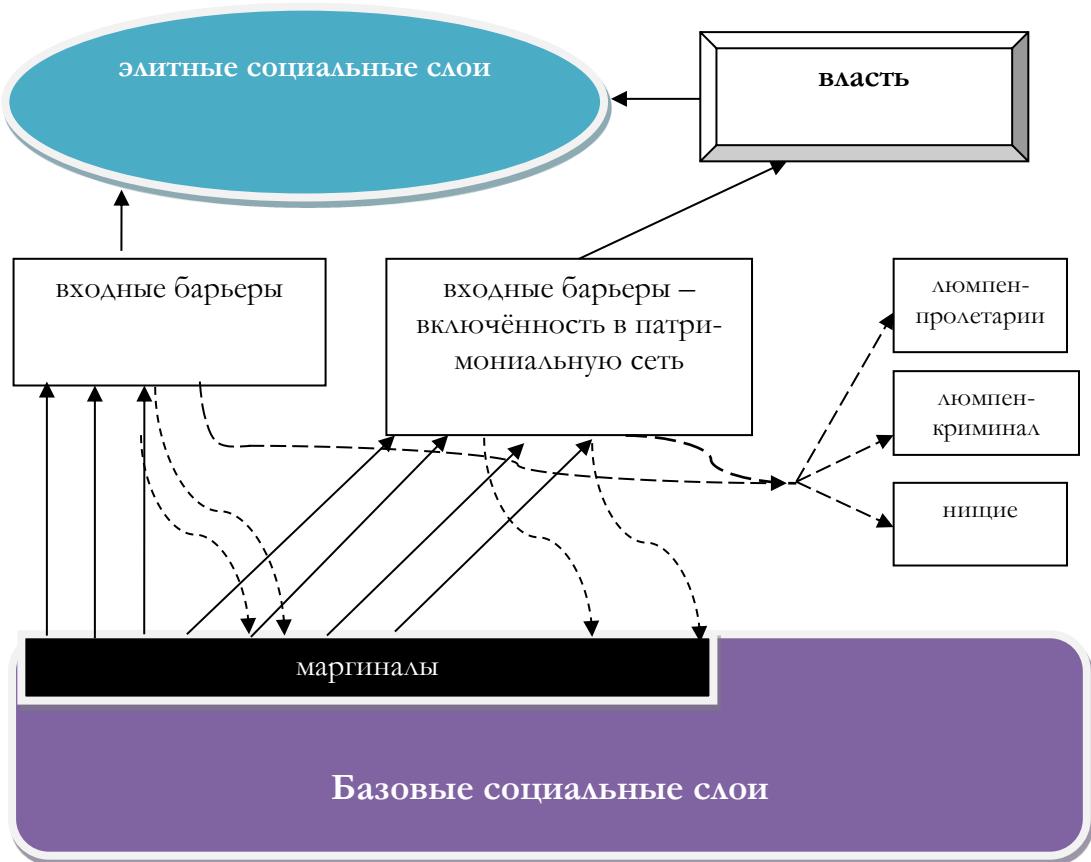

Рис. 5. Модель социальной динамики современной России

Возглавляют и руководят и страной, и в целом номенклатурой те, кто принимает в стране политические решения, а именно партноменклатура, объединившаяся сегодня вокруг политической партии, называемой «Единая Россия». В партноменклатуру входят руководители государственных структур всех уровней иерархии – от президента и председателя правительства до главы администрации города, с обязательным членством в «Единой России». Для видимости демократии не все номенклатурщики аппарата управления входят в эту партию, но такие послушно выполняют указания «партии». Поэтому в целом это не меняет ситуацию – они такие же партноменклатурщики. Партноменклатура – высший уровень управления страной. Принадлежащих к ней не очень много, числом, может быть, около двух-трёх сотен.

Партноменклатура, удерживающая в своих руках власть, набирает исполнителей – замов и начальников структурных подразделений (министерств, ведомств, госкомитетов и т.п.), желательно принадлежащих к партии, но не обязательно. Задачи этих замов и начальников – работать, в отличие от руководителей, которые заседают на многочисленных собраниях, говорят правильные с позиций партии слова и дают руководящие указания, которые и реализуют замы и прочие начальники.

Для реализации «мудрых» указаний партноменклатуры в отделы и в департаменты набирают рядовых исполнителей, которые, чаще всего, к партии власти не имеют никакого отношения, являясь рядовыми исполнителями воли начальства. Особенно рьяные карьеристы из них вступают в ряды правящей партии и параллельно с партийной карьерой двигаются по чиновничьей лестнице, устремляясь в партноменклатуру. Всё это – государственная номенклатура (госнomenклатура), работающая в так называемой «исполнительной» ветви власти. Принадлежащих к госнomenклатуре в стране очень много.

Следующая «независимая» ветвь власти, захваченная люмпен-номенклатурой, – это законодательная власть. С конца 80-х до 1993 года она независимой и была, но после расстрела Ельциным Верховного Совета РСФСР Советы дружно самораспустились и их на всех уровнях иерархии заменили различного рода Думами, которые контролируются партноменклатурой и в которых сегодня большинство мест по всей России принадлежит ей в лице членов партии «Единая Россия». Законодательная власть подчиняется у нас исполнительной, а не наоборот, как это следует из Конституции. Именно так и было во все годы советской власти, так оно есть и в современной России.

Главная ценность этих Дум с позиций партноменклатуры – в утверждении бюджета, т.е. в распределении бюджетных средств по тем статьям расхода, которые позволяют номенклатуре обогащаться. Поскольку это – ключевая функция, партноменклатура никогда не отдаст этот орган в руки народа и его представителей. Ради этого она устраивает массовые подтасовки результатов выборов в Думы, что, например, и произошло на выборах в Госдуму в 2011 году.

Законодательная власть «де facto» включена в социум, называемый «номенклатурой», а потому является её частью (закноменклатура).

Многочисленные нарушения в ходе выборов в российские Думы разных уровней, конечно, могли бы пресекаться судебными властями, но поскольку судебная власть в стране сегодня также является частью номенклатуры и контролируется ею, эти нарушения остаются без наказания. То самое «телефонное право», против которого выступали в 80-е годы XX столетия демократы первой волны и шедший за ним народ, «тихим сапом» вернулось восвояси – по телефонному звонку из кабинета партноменклатуры судебная власть готова «замять» любое преступление, совершённое личностями из партноменклатуры. Судебная власть материально зависит от партноменклатуры, а потому подконтрольна партноменклатуре и выполняет её заказы. Не случайно нарицательным в современной России стало название «Басманное правосудие», отражающее типичную ситуацию – суд Басманного района Москвы послушно выполняет любой заказ партноменклатуры.

Этот отросток и важный инструмент существующей власти является «судебной номенклатурой» (судноменклатурой).

Блок, обычно не включаемый в ветви власти, но являющийся важнейшей её частью, – это государственные силовики: работники милиции (ныне полиции), работники тайной полиции (ныне ФСБ), прокуратуры, следственного комитета, МЧС, армии и иных силовых структур. Формируется этот орган реализации государственной власти, точнее – его руководящий состав, партноменклатурой: занятие ключевых должностей в ней является важнейшим номенклатурным вопросом и все кадровые назначения производятся по согласованию с партноменклатурой, а часто и непосредственно ею. Поэтому эту ветвь государственной власти смело можно отнести к части люмпен-номенклатуры (силноменклатура).

Итак, для того, чтобы понять ситуацию, сложившуюся в современной России, необходимо разобраться со всеми этими составными частями номенклатуры:

- 1) партноменклатурой,
- 2) госноменклатурой,
- 3) закноменклатурой,
- 4) судноменклатурой,
- 5) силноменклатурой.

Первой в этом списке и первой по значимости является партноменклатура. Определим её. Партноменклатура – это та часть работников государственного аппарата, которая сформировала партию власти (сегодня её название – «Единая Россия», завтра возможно другое название), является её активными участниками и, используя которую, сохраняет свою власть в стране. В отличие от других номенклатурщиков, партноменклатурщики открыто признаются в своей необъятной любви к вождю; напоказ разделяют те ценности, которые декларирует вождь (раньше играли в теннис; теперь занимаются горными лыжами, рыбачат и одеваются в военную форму, посещая различные военные мероприятия), и, улавливая любые желания вождя, стремятся их определить. Поскольку сегодня цементирующим составом партноменклатуры является «Единая Россия», все они «измазаны» этим раствором.

Раньше номенклатурная партия имела другие названия – ВКП(б), КПСС, «Наш дом», «Отечество», «Вся Россия», «Единство»... Теперь вот – «Единая Россия». Формирование этой партии было не очень простым. Во времена Ельцина номенклатура, которая, по определению, многослойна, потеряла связывающую всех спайку, которой выступала коммунистическая идеология. Поэтому, несмотря на наличие очевидного руководителя страны, вождя из него не получилось – не за что было ему поклоняться, он не олицетворял для номенклатуры верх идеологической пирамиды, поскольку пирамиды не было. Многослойность номенклатуры породила многослойность

различных «политических» движений и приходяще-уходящих партий. К тому моменту, когда к власти пришёл Путин, эта многослойность достигла своего пика – иерархия подчинённости номенклатурщиков в виде централизма не существовала. Поэтому когда возникла проблема поиска преемника дряхлеющему Президенту, на поверхность под взгляд Ельцина время от времени высакивала то одна, то другая кандидатура, выталкиваемая разными слоями номенклатуры.

Первым делом после назначения его Ельциным новый президент Путин стал наводить порядок среди люмпен-номенклатуры – никакой многослойности он не допускал. И делалось это под лозунгом «укрепления вертикали власти». Слишком самостоятельные чиновники отстранялись от должности, все остальные по привычке подтянулись и «сделали стойку смирно». Довольно быстро во всех слоях партноменклатуры и во всех локальных группировках были сломаны социальные границы между ними. Чиновники вновь единой массой объединялись в вертикаль власти. Для этого Путин даже отменил выборность губернаторов – теперь он их всех назначал (видимость выборов кандидатов в губернаторы местными Думами не должна никого смущать). Тогда все чиновники повесили в своих кабинетах портреты Путина: гражданские чиновники – портреты Путина в галстуках; военные – портреты Путина в камуфляже; моряки – портреты Путина в морском кителе и с биноклем и т.п. Вертикаль власти была построена за пару лет.

Это не означает, что люмпен-номенклатура стала представлять собой некий монолит и эффективно работающий механизм, пришедший на смену анархическому состоянию системы управления страной времён деградации Ельцина. Всегда были, есть и будут группировки – люмпен-номенклатурщики «сбиваются» в социальные патrimonиальные сети, когда вокруг некоторого сильного чиновниччьего патрона собираются люди, так или иначе связанные с ним социальными отношениями. «Собираются» эти номенклатурщики чаще всего самим патроном. Эта ситуация отнюдь не является характеристикой исключительно советской партноменклатуры или российской. Так власть формировалась всегда, это было и в Древнем Риме, это есть и теперь в разных странах. Сложные взаимоотношения между группировками и приводили всегда к разного рода дворцовым переворотам или к снятию с должности генерального или не очень генерального партийного секретаря.

Группировки существуют и в современной российской партноменклатуре. Другое дело, что эти группировки Путин подчинил своей власти, выступления против него – это преступление против партии и против страны.

Основным инструментом сплочения номенклатуры стала единственная номенклатурная партия – «Единая Россия», как эмоционально про неё

заметил А. Навальный: «партия жуликов и воров». Не будем использовать это его определение, а воспользуемся наиболее распространённым сокращённым наименованием: «Ед. Ро. – Едро».

Сравним, прежде всего, идеологические основы «Единой России» (далее по тексту – Едро) и КПСС.

КПСС заявляла о желании построить в стране коммунистическое общество. «Передовой отряд» строителей этого общества – коммунисты. Коммунистом может стать только человек, соблюдающий Моральный кодекс строителя коммунизма, кодекс, аналогичный десяти библейским заповедям (не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего и т.п.). Все силы страны были направлены на строительство сначала социализма, а затем – коммунизма. Тот, кто противодействует этой цели, – враг.

Едро ничего строить в России не собирается. К разряду стратегических может быть отнесено разве что Программное обращение Едра, утверждённое XII Съездом 24.09.2011, состоящее из лозунгов и некоторых невыполнимых обещаний, например, «в ближайшие 5 лет мы обеспечим практически полную независимость страны по всем основным видам продовольствия». 5 лет истекли 24.09.2016 года. Где обещанная продовольственная независимость? Даже запрет ввоза сельхозпродукции из Европы не помог!

Как следует из Устава Едра, её основная задача – «обеспечение соответствия государственной политики, решений, принимаемых органами государственной власти РФ и субъектов РФ, органами местного самоуправления, интересам большинства населения Российской Федерации». Ну а методы выявления «интересов большинства населения» Едро позаимствовало у КПСС – сначала нужно это мнение сформировать с помощью ручных СМИ и символов веры, а затем это мнение и реализовать.

Членами КПСС могли быть далеко не все. Приоритет отдавался рабочим, поскольку «пролетариат – могильщик капитализма» и самый передовой отряд трудящихся в мире. Представители других слоёв и классов принимались в партию по разнарядке. Сам приём в КПСС представлял собой бюрократическую процедуру, обставленную многочисленными ритуальными действиями типа всеобщего обсуждения кандидатов на открытом партийном собрании. Кандидат в члены КПСС должен был отвечать набору моральных качеств, декларируемых как обязательные для КПСС и отражённые в Моральном кодексе строителя коммунизма.

Членами же Едра «могут быть граждане РФ, достигшие восемнадцатилетнего возраста, разделяющие её цели и задачи, соблюдающие её Устав, принимающие участие в её деятельности». Никаких ограничений, никаких моральных норм, разве что в соответствии с п. 5.2.9 Устава члены Едра не

должны «совершать действий, дискредитирующих Партию». Это значит так – если проворовался и об этом узнали все, значит, партию ты дискредитировал, а потому из партии исключаешься. Не пойман – не вор. Если воруешь и тебя не посадили – можешь оставаться партийцем.

Итак: у КПСС была стратегия развития, подчинённая единой цели – строительству коммунизма; у Едра нет ни цели, ни стратегии. В КПСС принимали тех, кто демонстрировал свою моральную партийную стойкость. В Едре этого не нужно делать – можно делать всё, что угодно, только иметь в виду, что если зарвёшься и это станет достоянием общества, из партии тебя исключат. Очень удобно – номенклатура отбросила «фиговый листок» моральных принципов и всяких «светлых образов». Всё по-деловому, по-рыночному: играешь по неписанным правилам – включаешься в номенклатуру, растёшь по административной лестнице; не включаешься в игры – остаёшься простым участником игры, статистом.

Ещё одна принципиальная разница заключается в размерах сравниваемых партий. КПСС была единственной партией с многомиллионным членством (19 миллионов человек по состоянию на 1986 год); в Едре по состоянию на 2010 год – чуть более 2 млн человек. Для справки: на данный момент в России на федеральном, региональном и муниципальном уровнях в органах с исполнительно-распорядительными функциями работает почти один миллион человек. Дополнительный миллион Едро набирает из числа руководителей госучреждений и руководителей коммерческих предприятий, которые идут в политику для защиты своего бизнеса от уголовного и государственного рэкета. Так что электорат этой партии понятен.

Ельцин пытался было создать некий аналог двухпартийной системы США, у него не получилось – даже основная номенклатурная партия никак не собиралась. Путину это удалось. Партию разделили на две части. Основная часть – Едро, вторая часть, «оппозиционная», – «Справедливая Россия». Первая часть любит Путина, а вторая часть любит Путина ещё сильнее. А Путин демонстрирует ответные чувства только по отношению к Едру. «Не справедливо!» – считает, ревнуя, «Справедливая Россия» и потому называет себя «оппозиционной партией».

Ещё несколько лет назад «Справедливая Россия» не позиционировала себя как некоторая оппозиция, она была официальной составной частью партноменклатуры – С. Миронов, руководитель партии, даже был «спикером» Совета Федерации. Любопытно, что руководитель «оппозиционной» партии был выдвинут в Совет Федерации именно закноменклатурой Санкт-Петербурга в лице её большинства – «Единой России». Хорошая оппозиция, не правда ли? Это политическое «двоежёнство» вводило в заблуждение не только простых людей, но и саму партноменклатуру на местах. Спохватившись, высшая партноменклатура исправила ситуацию, и сегодня

Кремль активно создаёт видимость того, что «Справедливая Россия» – это оппозиционная партия.

Народ, поверивший было в это и желающий изменений, голосуя против «Единой России», начал отдавать голоса «оппозиции» – «Справедливой России». Но популярность последней падает, народ начал понимать «подставу». Так что «двуихпартийная система» по аналогии с американской системой создана, но не работает, уж слишком «близнецы-братья» эти две политические партии!

Партноменклатуре, не желающей упускать инициативу из своих рук, стало необходимым придумать иную форму управления теми, кто интуитивно не верит ни одной из этих партий, а Путину верит. Нужен был другой формат, другая трибуна, где могли бы выплескиваться недовольства и там же гаситься. По этому поводу партноменклатурой было придумано новое объединение, названное ею «Народный фронт». Зачем всему народу выступать единым фронтом и в каком направлении? Ответа нет и не может быть. Да никто и неставил себе никакой иной цели при создании этого объединения, кроме той, что я озвучил выше, – «Народный фронт» служит «громоотводом» для тех маргиналов, кто недоволен партиями власти, да и к тому же служит таким своеобразным фильтром для тех из них, кто стал люмпеном и направился в путь в партноменклатуру. Люмпены ведь есть всегда, при любом строе, и ими нужно управлять. Ну не хочет часть люмпенов позориться принадлежностью к двум партиям власти, а бороться с несправедливостью, реализовывать свои стремления к изменению ситуации к лучшему им хочется. Вот вам для этого – не «Яблоко», – а вполне управляемый «Народный фронт», главный в котором тот же Путин. Поактивничал в нём, продемонстрировал номенклатуре свою способность под гнётом льгот и привилегий прогнуться перед властью – добро пожаловать в партноменклатуру! Показал, что не прогибаешься – оставайся одиночным борцом в рядах «Народного фронта», только не ходи в другие партии и свою партию не организовывай. Именно в этом смысл «Народного фронта».

Всегда во все времена Советского Союза важным источником партноменклатуры была молодёжь: «Комсомол – кузница партийных кадров». Именно там люмпен-молодёжь отрабатывала навыки идеологизированной работы с громкими коммунистическими фразами и зажигательными призывами к ударному труду, с организованными идеологическими массовыми мероприятиями, песнями и плясками (в рамках дозволенного старшими товарищами из КПСС). Комсомольские активисты при этом потихонечку «подкармливались» номенклатурными льготами – в университетах проставлением экзаменов и зачётов, на заводах – освобождением от физического труда, в армии – освобождением от несения службы, а в среде

«освобождённых» комсомольских работников – всем набором номенклатурных льгот и привилегий.

В 90-е годы в молодёжной политике у номенклатуры случился «пропал» – поскольку не было главной номенклатурной партии, то и молодёжки не получалось. Молодым свойственны нигилизм, упрощённое понимание мира, утрированное восприятие зла и добра, сильное желание изменить мир к лучшему и вера в то, что это сделать довольно просто. То есть у молодёжи есть все условия для того, чтобы стать люмпенами – оторваться от своего социального слоя. В 90-е годы, когда рушились все социальные устои и формировались новые социальные отношения, люмпенов было особенно много, в том числе и среди молодёжи. Некоторая её часть попалась в ловушки, которые им расставил криминалитет, поскольку единственным осколком от советской системы государственной работы с юношеством оставались спортивные секции, где молодёжь и могла реализовать свою энергию и потребности в самовыражении. Именно оттуда – из различных секций силовых единоборств – криминальные сообщества вербовали молодёжь на роли боевиков низшего уровня. Другая часть молодых и активных уехала в Европу и в Америку на ПМЖ. Ещё одна часть попыталась пойти в бизнес, и многим это удалось. Часть молодёжи бросилась в разные политические партии.

Социальные отношения к концу 90-х устоялись, количество люмпен-молодёжи сократилось. Когда в Кремле занялись серьёзным партийным строительством, его архитекторы осознали необходимость создания управляемой молодёжной организации, которая бы выступала как кузница кадров для партноменклатуры и впитала в себя люмпенов из молодых.

Сначала создали некоторую организацию под названием «Идущие вместе». Эта организация скорее создала себе в обществе отрицательный образ, нежели положительный, но задача была выполнена – партноменклатура смогла создать организацию, концентрирующую в своих рядах люмпен-молодёжь и направляющую энергию молодых на дело партийного строительства. Опыт работы этой молодёжки понадобился для формирования новой структуры – на смену «Идущим вместе» пришла более «гладкая» организация, а именно «Наши». Официально её создание объявили как желание объединить антифашистские силы молодёжи «в канун 60-летия победы России в Великой Отечественной войне».

Параллельно этой якобы независимой структуре создавалась и официальная молодёжка партии власти – «Молодая гвардия». Сначала в том же самом 2000 году у партии «Единство» (затем – партии «Единая Россия») возникло «Молодёжное единство» как молодёжное крыло партии. А 15-16 ноября 2005 года «Молодёжное единство» было преобразовано в «Молодую Гвардию Единой России».

Итак, сегодня партноменклатура полностью восстановила утраченную было в 90-е годы структуру, а именно – есть у неё официальная политическая партия и партия запасная, а также две «подготовительные школы» для подрастающего поколения партийцев – «Наши» и «Молодая гвардия». Есть и «курсы повышения квалификации» в виде «Народного фронта».

Если теперь сравнить власть партноменклатуры бывшего СССР и власть партноменклатуры современной России, то можно и ответить на вопрос: какая из этих двух властей для управляемого ею народа была лучше?

Для ответа на него вспомним, что в СССР партноменклатура пользовалась льготами и привилегиями, частично участвовала в хищении бюджетных средств, но бюджет при этом всё-таки направлялся на социально-экономическое развитие страны, формирование социалистического общества. Так велела главная цель КПСС – построение коммунизма. К тому же личное и публичное обогащение номенклатурщика расценивалось как аморальное поведение, отрыв от коллектива, личная нескромность. В строгой партноменклатурной иерархии действовало правило – чем больше возможностей у номенклатурщика, тем больше льгот и привилегий ему гарантировалось государством. Потребность в денежных средствах при этом оказывалась минимальной – основные потребности номенклатурщика и его семьи удовлетворялись за государственный счёт (еда, одежда, услуги, медицинское обслуживание, отдых и развлечения и т.п.). Высокие зарплаты, конечно, были, но тратить их было некуда. Особого смысла воровать и получать взятки также не было – эти деньги легализовать было невозможно. Конечно же, среди партноменклатуры были и взяточники, и воры, но всё-таки они не составляли большинство.

Сегодняшняя партноменклатура, прошедшая через ельцинские лихолетия развала системы льгот и привилегий, всё же смогла вернуть себе те же льготы и привилегии, в несколько усечённом размере, нежели ранее. Но всё, что производит общество и отдаёт в бюджет страны в виде налогов и иных сборов, не направляется уже в полном объёме на цели социально-экономического развития государства. Из бюджета, конечно же, финансируются государственно важные мероприятия, иначе с развалом государства и сама партноменклатура лишится власти и источника доходов. А вот с позиций развития страны финансируются в основном те мероприятия, которые позволяют партноменклатуре обогатиться – сегодня можно легализовать любые преступным путём нажитые доходы, в том числе и за счёт «вывода капитала» за границу. Поэтому бюджетные средства, выделяемые на громко заявляемые социально значимые государственные программы, оказываются растасканными жуликами из номенклатуры. Механизм прост – кровать для больницы, закупаемая в рамках государственной Программы, в процессе транспортировки от производителя до больницы увеличивается

в цене в два-три раза за счёт многочисленных цепочек лжефирм, созданных при непосредственном участии люмпен-номенклатуры. А иногда кровать и вовсе до больницы не доходит – на бумаге есть, а фактически – нет.

«Коррупция!» – удивлённо разводят руками наши президенты и премьер-министры. Пришёл на смену Путину президентом Медведев и сразу же заявил: «Я буду бороться с коррупцией!». Пришёл ему на смену Путин и сразу же заявил: «Теперь я буду бороться с коррупцией». И так далее – до бесконечности, как переходящее Красное знамя, – сменяющие друг друга Президенты будут бороться с коррупцией, во главе которой находится возглавляемая ими партноменклатура страны.

Итак, с позиций развития страны власть партноменклатуры СССР последних лет давала большие социально-экономические результаты и при меньших затратах, чем даёт сегодня стране власть партноменклатуры России. А отношение результатов к затратам в экономике называется эффективностью. Тогда вывод однозначен:

сегодняшняя власть партноменклатуры России существенно менее эффективна, чем прошлая советская власть времён застоя 70-х – 80-х годов XX века.

И пусть никого не смущает, что в СССР был всегда хронический дефицит товаров, а сегодня в магазинах его изобилие. Дефицит товаров – это результаты работы нерыночного распределения товаров. Под эффективностью власти я понимаю именно отношение тех результатов, которые получаются от использования бюджетных средств, к размеру этих затраченных средств. В СССР многие проекты были неэффективны из-за неправильного определения направлений вложения средств (многочисленные долгострои, например) и упрощённого понимания системы потребностей советского человека. В современной же России основная часть проектов неэффективна не только из-за той же самой причины, но и из-за массового воровства бюджетных средств всей чиновничьей массой.

Портрет советской партноменклатуры блестяще описал М.С. Восленский (Восленский, 2005). Обобщая, можно сказать, что советский партноменклатурщик представлял собой человека со средним уровнем интеллекта, с хорошо подвешенным языком; умевшего говорить стандартные фразы из набора коммунистической фразеологии; с удовольствием пользовавшегося многочисленными льготами и привилегиями, которые зачастую сам себе и создавал; без зазрения совести бравший подарки и приношения, в том числе и взятки (но в разумных пределах), считавший себя человеком, а народ – быдлом, а потому абсолютно уверенный в том, что действующий закон представляет собой гибкий инструмент, который в определённых пределах к нему очень даже лоялен, но к быдлу – суров. Он не очень умело распоряжался государственным бюджетом того уровня, который был в его подчинении.

Советский партноменклатурщик вёл образ жизни, официальная часть которой демонстрировала беспредельную любовь к народу, скромность в быту и преданность партии, а неофициальная и малоизвестная – жизнь барчука с элементами морального разложения.

А что же представляет собой современная российская партноменклатура? Ничто человеческое ей не чуждо, поэтому она вобрала в себя все черты советской партноменклатуры, но обогатила их новым содержанием, вытекающим из отсутствия идеологического стержня и общественного контроля над властью в стране.

Желания любого человека безграничны в пределах его возможностей, а эти возможности обусловлены наличием денежных средств. Поскольку партноменклатура находится у «кормушки» – распределяет и осваивает средства государственного бюджета (и иные государственные ресурсы), то она беззастенчиво запускает свои грязные лапы в чан этой кормушки. Эта цель – бесконтрольный доступ к бюджету, наравне с необходимостью легализации накопленных денежных средств и была главной целью советской партноменклатуры в процессе развала СССР и формирования новой экономики России. Именно во времена ельцинских лихолетий была сломана система контроля, которая худо-бедно, но следила за сохранностью государственных средств и ресурсов. Сегодня фактически контроль за действиями партноменклатуры осуществляют только сама партноменклатура – вышестоящий номенклатурщик контролирует нижестоящего. Судебная же власть и силовые структуры сегодня подконтрольны партноменклатуре, а потому они осуществляют свои контролирующие функции только с санкций и в объёмах, которые указывает им партноменклатура.

Осудить и наказать партноменклатурщика районного уровня соответствующие органы могут только с санкции вышестоящей партноменклатуры (муниципалитета, города или области); наказать партноменклатурщика городского уровня можно только с санкции партноменклатуры уровня губернатора или Федерации (если город – федерального подчинения); наказать партноменклатурщика губернского уровня можно только с санкции партноменклатуры федерального уровня. Ну а что касается партноменклатуры федерального уровня, то она практически не наказуема – разве что может стать жертвой внутриклановых «разборок», как, например, стал жертвой таких разборок бывший министр обороны РФ А. Сердюков. И то назвать его «жертвой», сравнивая ущерб, нанесённый стране его действиями с понесённым «наказанием», всё-таки нельзя.

Если нижестоящий партноменклатурщик выполняет волю вышестоящего партноменклатурщика, то ему позволяет делать всё и распоряжаться государственными средствами и ресурсами в личных интересах так, как заблагорассудится, но в рамках, определённых сферой интересов занимаемой

должности. Сформулированный ещё гоголевским Городничим принцип: «Не по чину берёшь!», свято блюдётся современной партноменклатурой – брать можно только по чину. Нижестоящий партноменклатурщик осуществляет хищения государственных средств не только по своей инициативе, но довольно часто и по прямому указанию и в интересах вышестоящего партноменклатурщика. Поэтому подобные хищения и воровство со стороны власти ненаказуемы.

«Разоблачения» преступлений современной партноменклатуры происходят в основном по трём причинам:

1) партноменклатурщик всё же «зарвался», и его воровство превышает разумные пределы – он нарушил принцип, сформулированный властью ещё в 90-е годы: «Делиться надо!»;

2) вышестоящий начальник «зарвался» и «потянул» за собой всех нижестоящих, участвовавших в воровстве. При этом нижестоящие и менее виновные будут наказаны сильнее, чем вышестоящие и более виновные;

3) произошло какое-либо чрезвычайное событие, вызвавшее широкий общественный резонанс такого уровня, что замалчивать его уже нельзя, например, когда построенный на бюджетные средства мост развалился на глазах у всех, поскольку вместо цемента с песком при его строительстве использовали только песок.

Приступая к описанию портрета современного российского партноменклатурщика, я буду говорить о типовом портрете, опираясь на опыт личных встреч и опубликованные в СМИ данные. Возможно, в современной России есть и партноменклатурщики, которые взяток не берут, государственные средства в свой карман не тащат, а только пользуются «заслуженными» льготами и привилегиями, но меня не интересуют исключения из правила, меня интересует правило.

В помощь себе я использовал простой приём – помимо информации из газет я в поисковой системе Интернета набирал словосочетание «глава района (муниципалитета, города, области) незаконно» и получил в сумме больше двух миллионов откликов. Конечно, материалы в сети повторяются, факты дублируются, часть из них даже говорит о борьбе чиновников с незаконными действиями других лиц. Но даже если представить себе, что реальные факты о беззаконии чиновников в этой совокупности откликов составляют только сотую часть, то это означает, что в Интернете размещены десятки тысяч фактов о противозаконных действиях партноменклатуры. А сколько её преступлений так и не вскрыто?

Прежде всего, партноменклатурщик устанавливает себе, любимому, высокий должностной оклад – такой, что его ежемесячный заработок в десятки раз превышает средний заработок жителей руководимого им региона. Поскольку этих средств ему мало, то он всяческим образом организует себе

и своим любимчикам дополнительные выплаты из бюджета, зачастую – незаконные.

Всю подведомственную ему территорию партноменклатурщик рассматривает как собственную вотчину, а потому что-либо, понравившееся ему в этой вотчине, он смело берёт в свою собственность – нарушая и законы, и правила морали. Он совершает рейдерские захваты чужой собственности или приватизирует заповедные участки земли и охотничьих угодий.

Вообще, для современной партноменклатуры весьма характерным является такой принцип, которого не было у бывшей советской партноменклатуры, – использование служебного положения в личных целях через организацию бизнеса ближайшими родственниками. И действительно, как только партноменклатурщик становится каким-нибудь главой, так сразу же у его жены (мужа, сына, дочери, племянника и далее – по списку) вдруг открываются выдающиеся предпринимательские способности и он начинает зарабатывать на государственных подрядах огромные деньги. Самым ярким примером служит бизнес жены мэра Москвы Е. Батуриной, которая контролировала треть рынка жилой недвижимости столицы [48]. Её общий доход за счёт предпринимательской деятельности оказался в 1 183 раза больше дохода мужа.

Да что тут говорить?! Когда в России разразился скандал с неблаговидными махинациями и полукриминальным бизнесом, которым занимались сыновья Генерального прокурора России Ю. Чайки¹⁴, Президент России В. Путин во всеуслышание заявил: «Сам прокурор бизнесом не занимается. В чём проблемы?». Тем самым он показал всей России схему того, как партноменклатуре можно прикарманивать средства.

Что характерно – как только партноменклатурщик уходит с должности, его бизнес, которым руководила жена (или другие родственники), сразу начинает «хиреть» и на смену этим неудачникам приходят новые предприниматели, которые оказываются в родственных отношениях с новым партноменклатурщиком, занявшим вакантную должность. Но что делать современному партноменклатурщику, если по разным семейным причинам он не может заниматься бизнесом на вверенной ему территории через своих родственников? Он может организовать бизнес и сам, но это противоречит закону, может быть наказуемо, а потому – опасно. Использовать подставные лица – ещё более опасно, ведь нет никакой гарантии, что после снятия с должности партноменклатурщика накопленные «непосильным трудом» средства не останутся у этого подставного лица. Значит, нужно использовать своё положение для поддержки бизнеса других лиц, беря себе

---

¹⁴ <https://fbk.info/blog/post/129/>

заранее оговорённый процент за эту поддержку. Официально такое получение денег называется «взятка», и это – наиболее распространённое явление в российской действительности, называемое «коррупцией».

В погоне за «большими деньгами» партноменклатурщики преступают не только писанные законы, но и все морально-нравственные законы. Ну и, конечно же, проводят свой досуг таким же образом – охотятся в заповедниках, убивая животных, занесённых в «Красную книгу», рыбачат в период нереста и запрета рыбалки и т.п.

Первый безнаказанный опыт получения взяток, подключения к разворовыванию бюджетных средств своих родственников, нарушения природоохранных и иных законов порождает у партноменклатурщика уверенность в том, что он может себе позволить всё, что он – хозяин своей вотчины. Эта безнаказанность приводит к тому, что некоторые партноменклатурщики переступают тонкую грань между просто плохими поступками и преступлениями и становятся активными криминальными деятелями. Они срастаются с уголовным миром и формируют некие сообщества, которые во всём мире получили название «мафия». Конечно, это под силу далеко не всем партноменклатурщикам, а только харизматичным личностям. Создавая организованную преступную группировку, такие партноменклатурщики подключают к бизнесу и силовые структуры, и судебную власть, а потому случаи «открытия» таких преступных группировок для общества очень редки, но они есть.

Партноменклатурщики являются основателями и патронами целой сети подчинённых им бизнес-структур. Для защиты этой сети они привлекают к её работе представителей других «ветвей» власти, независимых по Конституции, но на деле совершенно подконтрольных партноменклатуре. Постепенно хозяйственная система страны переориентируется так, что основное её богатство крутится в руках бизнес-структур, подконтрольных партноменклатуре. Каждый партноменклатурный босс создаёт вокруг себя бизнес-сеть из своих проверенных временем надёжных партнёров из предпринимателей и защищает эту сеть своим административным авторитетом. Предприниматели, связанные с партийно-нomenклатурным боссом экономическими и социальными взаимоотношениями, могут позволять себе действовать с нарушением действующих законов, потому что босс «прикроет» – ведь силноменклатура и судноменклатура ему подконтрольна. Тем самым в условиях действия рыночных отношений при продолжении диктатуры люмпен-нomenклатуры происходит искривление правового пространства – чем ближе к патрону находится бизнес-структура, тем большее количество нарушений законов она может себе позволить. И позволяет! Отечественная экономика на 90% представляет собой устойчивые патrimonиальные предпринимательские сети, во главе которых стоят крупные нomenклатурщики

[64]. Эти предпринимательские сети монополизировали рынки – за внешней многочисленностью независимых друг от друга фирм скрывается монолит в виде патrimonиальной сети, члены которой связаны друг с другом социальными связями. Этот монолит легко перераспределяет финансовые и материальные ресурсы для решения хозяйственных задач сети и жёстко подавляет любую конкуренцию извне, в том числе и неэкономическими методами.

Главным преимуществом рыночной экономики перед планово-распределительной экономикой как раз и является механизм конкуренции, а в условиях диктатуры люмпен-пролетариата этой конкуренции и нет. Именно поэтому, несмотря на многочисленные призывы Президента и Правительства о необходимости перевода экономики страны на инновационный путь развития, этого не происходит. Инновации являются важнейшим инструментом победы предпринимателя в условиях конкурентной борьбы. Есть конкуренция – есть спрос на инновации со стороны предпринимателя, с их помощью он победит конкурентов. Нет конкуренции – предприниматель в жажде получения больших прибылей просто повысит цены, не заботясь о качестве продукции и её инновационности. Поэтому в сложившихся политических условиях Россия обречена на хроническое отставание в своём экономическом развитии от ведущих стран мира и всё дальше и дальше откатывается назад в рейтинге экономического развития.

13. ВЕРНЫЕ СЫНЫ И ДОЧЕРИ СОВРЕМЕННОЙ ПАРТНОМЕНКЛАТУРЫ РОССИИ

Членами партии «Единая Россия» являются не только главы администраций разных уровней – от местного до федерального, но и другие чиновники и номенклатурщики, а также отдельные непричастные к власти личности. Но мы договорились не относить их всех к партноменклатуре, поскольку они вовсе не обязаны заниматься словоблудием и риторикой о той благостной жизни, к которой они ведут россиян при мудром руководстве вождя. В отличие от партноменклатуры другие люмпен-номенклатурщики не выбираются на должности, а назначаются на них именно партноменклатурой и выполняют государственно-административные функции, конечно же, не забывая при этом и свои интересы. Эта госноменклатура составляет главных слуг партноменклатуры, они – её опора.

По определению, госноменклатура – это та часть чиновников, которая занимает в государственном аппарате ответственные должности и попала благодаря этому в некоторое социальное множество «своих». Секретарь-машинистка или водитель гаража областной администрации госноменклатурой не являются – они не посвящены в тайны социума под названием «партноменклатура». Эти люди занимаются своей профессиональной деятельностью. Они и на предприятии будут выполнять те же функции, что и в администрациях. Поэтому их к госноменклатуре относить нельзя. Госноменклатура – это государственные чиновники, облечённые пусть маленькой, но всё же властью. Они в определённой степени причастны к ресурсам, распределяемым партноменклатурой, а потому посвящены в некоторые тайны их растаскивания по карманам и зачастую являются частью этого механизма.

Это – как в Древней Руси. В те времена у князя были дворовые и слуги. Дворовые были приближены к князю и делили с ним тяготы и невзгоды, а также радости и победы, выполняя его приказания. Со временем дворовые становились дворянами. А слуги так и оставались слугами [50].

Госноменклатурщик сегодня – как тот же дворовый, который со временем, угождая шефу и выполняя его деликатные поручения, постепенно становится дворянином. Он готов на всё, что прикажет хозяин (или почти на всё).

Однажды попав в госноменклатуру, быть оттуда изгнанным очень сложно. Даже если госноменклатурщик проявил себя абсолютной бездарностью как руководитель, о нём всё же будут заботиться другие госноменклатурщики. Быть изгнанным из госноменклатуры возможно только в том случае, если чиновник нарушил неписанные правила поведения в этом социуме, например, когда в своём кабинете вместо портрета текущего вождя

(Путина сегодня, Ельцина в 90-е годы XX века) повесил портрет Солженицына и при этом в открытую порицает действия Президента и Правительства. Тогда наказание и изгнание будут неизбежными. А если госноменклатурщик украл деньги из бюджета, «побаловался» с госсобственностью или повёл себя аморально, то ничего страшного – с кем не бывает? Ну пожурят, ну снимут с должности, переведя на другую руководящую работу. Всё равно он останется в социуме, в госноменклатуре, он свой, а «своих – не сдают».

Очень важно понимать, что госноменклатура ещё более разнообразная и многочисленная, чем партноменклатура. Партноменклатура всегда клановая, сбивается в патrimonиальные кланы. Госноменклатура вынуждена выполнять задачи, связанные с интересами многих кланов, а потому в патrimonиальные кланы сбиваются только те из них, кто занимает ведущие позиции в госаппарате. Все остальные создают собственные патrimonиальные сети, слабо связанные с партноменклатурными сетями.

После этих необходимых уточнений относительно того, кто же такой «номенклатурщик», рассмотрим теперь функции госноменклатуры – и де юре, и де факто.

Функции де юре – это всё то, что госноменклатура должна выполнять в силу законов, положений и должностных инструкций. Это то, за что ей государство платит зарплату. Функции де факто – это то, что делает госноменклатура в дополнение к функциям де юре, а зачастую и вместо этих функций. В развитых странах мира эти две функции в основном совпадают, чиновник и де юре, и де факто выполняет возложенные на него обязанности. Применительно к российской действительности эти две формы функций вступают в противоречие друг с другом. А, как известно из гегелевской диалектики, противоречия являются одним из оснований развития. Современная российская экономика в своём развитии как раз этими противоречиями и движется, поэтому в понимании современного этапа российского общества знание этого противоречия как основы его развития очень важно.

Госноменклатура реализует в жизнь «мудрые» указания партноменклатуры. Захотел партноменклатурщик, например, снести в центре города здание бывшего дворянского собрания, «охраняемое государством», и позволить предпринимателю (за мзду, конечно) построить на этом месте торговый центр – решение об этом озвучил, «большое пролетарское спасибо» в конверте или «борзыми щенками» от предпринимателя получил. А вот реализовывать это решение будет госноменклатурщик: разрабатывать и передавать на утверждение партноменклатурщику планы, рассчитывать необходимые затраты на реализацию проекта, привлекать исполнителей, вести переговоры и осуществлять контроль, оплачивать из бюджета выполненную работу, готовить отчёты о выполнении планов, успокаивать общественность, напрягать прессу в нужном направлении и т.п.

Госноменклатура – это аппарат исполнения желаний партноменклатуры. Если желания исполняются в полном размере, значит госноменклатурщик хороший, квалифицированный исполнитель, достойный наград и привилегий. А поскольку определённая часть желаний партноменклатурщика является противозаконной, то волей-неволей госноменклатурщик должен, исполняя эти желания, сам нарушать закон.

Нарушив закон пару раз для партноменклатурщика, госноменклатурщик понимает, что сделать это можно не только для удовлетворения потребностей шефа, но и для удовлетворения собственных нужд. Поэтому, например, занимаясь сносом здания бывшего дворянского собрания в интересах партноменклатурщика, госноменклатурщик позволит себе несколько завысить смету по сносу и организует конкурс на выполнение этой работы так, чтобы его выиграла фирма, которая тем или иным образом «отблагодарит» его за эту победу. Со временем такой госноменклатурщик создаёт вокруг себя прикормленную предпринимательскую сеть, аппетиты которой только возрастают. Именно так – параллельно патrimonиальной предпринимательской сети партноменклатурщика – создаётся и патrimonиальная предпринимательская сеть госноменклатурщика. Она, конечно, по объёмам растаскивания бюджетных средств слабее, чем сеть партноменклатурщика, но госноменклатурные сети создаются множеством подчинённых партноменклатурному шефу госноменклатурщиков. Поэтому если рассмотреть объём всех бюджетных средств и ресурсов, которые «проводятся» через предпринимательские сети госноменклатурщиков, то по общему объёму они будут не меньше, чем объёмы, контролируемые партноменклатурой.

Это означает, что со временем всё большая и большая часть бюджетных средств оседает в карманах госноменклатурщиков и предпринимателей, включённых в госноменклатурные патrimonиальные сети. Сложно, конечно, оценивать объёмы средств, которые таким образом «осваиваются» в целом по стране. На мой взгляд, под жёстким контролем парт- и госноменклатуры сегодня находится 80% всех потоков государственных средств и ресурсов. Из них она забирает себе примерно третью часть от этой суммы, а это составляет от бюджета страны величину около 25%.

Есть и такие госноменклатурщики, которые ещё не успели или в силу своей неразвитости не смогли создать сеть доверенных предпринимателей, через которую они проводят госзаказы в собственных интересах. В таком случае они начинают рисковать – ставят условия «отката» перед малознакомыми и не проверенными на надёжность предпринимателями, которым обещают открыть льготное финансирование на какой-нибудь госзаказ из госбюджета.

Мудрых госноменклатурщиков, создавших и курирующих патrimonиальные сети, поймать с поличным практически невозможно хотя бы потому, что в свою сеть они включают представителей контролирующих и силовых структур (взятки, подношения, постоянное денежное содержание за оказание «консультационных» услуг и т.п.) как их непосредственных участников.

Есть ещё один весьма распространённый и легальный способ «освоения» бюджетных средств госноменклатурой. Вот его условная схема. Госноменклатурщик А создаёт ООО «Международный центр политики», генеральным директором которого и учредителем является его сын, а госноменклатурщик Б того же уровня иерархии создаёт ООО «Центр международной политики», генеральным директором которого и учредителем является его дочь. Периодически департамент, в котором работают оба госноменклатурщика, объявляет открытый конкурс на разработку очередной Стратегии развития чего-нибудь. Конкурс открытый, поэтому в нём могут принимать участие все желающие, в том числе и эти две компании. Конкурс выигрывают поочерёдно то «Международный центр политики», то «Центр международной политики», после чего за очень большие бюджетные средства в недрах этих «центров» пишется требуемый многостраничный документ. Причём пишут его чиновники вышеупомянутого департамента, которые «по совместительству» работают в этих «центрах». Пишут на своём рабочем месте в рабочее время, а принимают эту работу от лица заказчика сами госноменклатурщики. Все довольны: отцы от этих фирм получают заранее оговорённые «откаты», их дети за счёт бюджетных средств и непыльной работы генеральными директорами «центров» живут богато и счастливо, да и чиновники департаментов за счёт этого совместительства получают солидную прибавку к жалованью. Дело страдает, а бюджет разворовывается, да кого это волнует?

Итак, деюре госноменклатура призвана эффективно распределять государственные средства и ресурсы в интересах всего общества под руководством партноменклатуры, а де факто – распределяет государственные средства так, что их существенная часть расхищается. Коррупционное поведение госноменклатуры очевидно является следствием власти партноменклатуры. Русская поговорка по этому поводу правильно утверждает: «Рыба гниёт с головы».

Я здесь не буду приводить примеры хищений государственных средств и ресурсов со стороны госноменклатуры – их огромное количество. Деньги «осваиваются» госноменклатурой и партноменклатурой на ремонте дорог и их строительстве, на закупках медицинского оборудования, на многочисленных ремонтах больниц, школ и спортивных сооружений, на благоустройстве улиц и дворов, на разработке многочисленных Методик, Программ и Стратегий, словом – везде, куда направляются бюджетные средства. А из этого

следует простой вывод – государственное строительство в России является не эффективным, поскольку на получение одного и того же результата из госбюджета тратится средств в несколько раз больше, чем в развитых странах мира. Один километр дороги нам обходится существенно дороже, чем, например, в Норвегии; приобретение в больнице томографа обходится в два-три раза дороже, чем его рыночная стоимость; ремонт больницы по своей сумме сопоставим со строительством новой больницы; стоимость строительства футбольного стадиона возрастает в несколько раз, и стадион оказывается одним из самых дорогих в мире...

При такой власти Россия обречена на хроническое отставание в своём развитии от ведущих стран мира. И техническая отсталость здесь не причём – трансформировавшийся во времена Ельцина и окончательно сформированный во времена Путина государственный механизм власти партноменклатуры не может эффективно работать, он ориентирован на использование государственных средств в собственных интересах номенклатуры, а не в интересах управляемого им народа и страны. Примеру партноменклатурщиков последовали госноменклатурщики. Партноменклатурщиков в России – сотни, госноменклатурщиков в России – тысячи. Все вместе они – целая армия, которая подобна клопам, присосавшимся к телу государства. Государство хиреет – клопы жиреют...

Но ведь есть в государстве и другие структуры, которые могут и должны пресекать разворовывание госбюджетных средств. И это, в первую очередь, избранники народа – депутаты всех уровней. Ведь именно они формируют бюджеты всех уровней и принимают решения о направлении бюджетных средств на те или иные цели. Именно они могут и должны, узнав от народа или из репортажей СМИ о расхищении бюджетных средств, инициировать прокурорские проверки. Именно они должны пресекать зарвавшихся партноменклатурщиков. Как обстоит дело с этой «ветвью» власти, по Конституции независимой?

На сегодня она сформировалась в отдельное явление, которое ранее я назвал «закноменклатурой» – законодательной номенклатурой. Она через депутатов «Единой России», «Справедливой России» и частично через ЛДПР и КПРФ срослась с партноменклатурой. Более яркий пример придумать сложно – в июле 2014 года у Президента РФ В. Путина прошло совещание, посвящённое сложной ситуации, в которой оказалась страна после отъёма Крыма Россией у Украины. После него спикер Совета Федерации В. Матвиенко заявила, в частности:

- Путин по итогам совещания дал задания всем: и силовикам, и правительству, и ДЕПУТАТАМ...

Что тут говорить? Спикер Совета Федерации, независимой ветви власти, с радостью и гордостью заявила на весь мир о том, что законодательная

ветвь власти (закноменклатура) получила от президента (партноменклатурщика высшего уровня) задание и с радостью будет его выполнять. И это – независимая ветвь власти???

Если госноменклатурщик быстро и оперативно исполняет желания своего партноменклатурного шефа, это даёт ему возможность самому заняться всякими разными махинациями – шеф в случае чего «прикроет». Если закноменклатурщики исполняют волю хозяев страны – партноменклатуры, то и им позволяет вести себя так же.

Депутат Госдумы Константин Ширшов пытался продать мандат в Думу за 7,5 миллиона евро. Константин Ширшов входил во фракцию КПРФ и являлся членом комитета по земельным отношениям и строительству. 26.05.2014 решением суда он был осуждён за это преступление, но сейчас не об этом. На вполне закономерный вопрос: «Почему находятся люди, готовые заплатить такие огромные деньги для того, чтобы стать депутатом?», – ответ также является закономерным: «Потому, что это выгодно!» И дело здесь не в депутатской неприкасаемости и льготах, нет. Депутат любого уровня находится у кормушки – распределения государственных средств и государственного имущества. Он может лоббировать интересы бизнеса (за определённую сумму), он может напрямую или через депутатские запросы общаться с представителями силовиков (по заказу заинтересованных лиц, опять же – по таксе), он может напрямую обращаться к исполнительно власти, он может провалить какой-нибудь законопроект или поддержать его... Он многое может.

Закон запрещает депутату заниматься предпринимательской деятельностью, но закон можно легко обойти и его легко обходят. Законодатели по примеру партноменклатуры осуществляют предпринимательскую деятельность через своих родственников или друзей. Вокруг них также формируется собственная предпринимательская сеть, которая также «отщипывает» кусочки от многострадального бюджета.

А потому и сумма, которую готов заплатить предприниматель для того, чтобы стать депутатом Госдумы, вполне бы окупилась, стань он депутатом. Поэтому это место так дорого и продавалось.

Остановить этот поток повсеместного разворовывания бюджетных средств и имущества могли бы силовики – милиция (полиция), прокуратура, следственный комитет, службы безопасности. Они это не делают в полной мере. Почему? Потому, что они также являются частью системы. Потому, что руководящие работники этих ведомств являются номенклатурой или, как я ранее их назвал, силноменклатурой. Конечно же, рядовые сотрудники отнюдь не являются номенклатурой, ею являются личности в силовых ведомствах, облечённые определённой властью.

Ещё в советские годы многие силовики были связаны хозяйственными связями с преступным миром. 90-е годы были взлётом бандитской экономики, когда еле набиравший силу независимый российский бизнес сталкивался с «наездами» со всех сторон – и со стороны бандитов, и со стороны силовиков. Последние готовы были защитить бизнес (выполнить свою основную функцию) от посягательств бандитов, но только за деньги или за долю в бизнесе.

Поскольку зарплата работников силовых органов не позволяла жить, а позволяла только выживать, силовики стали рассматривать окружающий их мир как место для кормления. Начались «разборки» с бандитами и другими силовиками, а также легальными или полулегальными охранными группировками из спортсменов и ветеранов войн, в которых СССР так или иначе участвовал. К началу 2000-х годов ситуация стабилизировалась. Социолог В. Волков так объясняет факт исчезновения криминальных войн: «Очень важно понимать, что в начале нулевых не “государство задавило мафию”, а произошли объективные структурные сдвиги, благодаря которым бандиты исчезли как класс – сами люди частично остались, конечно. Это установила социология. Если бы мы сказали, что были преступники, которые убивали и вымогали, а вот теперь с ними разобрались, мы бы не ответили на вопрос, что произошло с нашей страной в период с 1995 года по 2005-й. Уже к 2003 году бандиты исчезли в таком количестве, но это не значит, что их пересажали: они просто перестали воспроизводиться. Папабандит уже не будет передавать свой опыт – наоборот, он сделает все, чтобы его дети были другими, пошлёт их учиться в хорошие школы или за границу»¹⁵. По сути, В. Волков иными словами пересказывает механизм, изложенный в теории диктатуры люмпен-пролетариата. А с позиций теории это объясняется так.

В 90-е годы XX века из-за резкого падения уровня жизни в России многие представители самых различных социальных слоёв, в том числе и среди элиты в СССР (все силовики и учёные, например), вдруг оказались в положении «изгоев общества» – их доходы существенно сократились и они стали представителями бедных слоёв общества. Поэтому количество маргиналов в обществе резко возросло – учёные, военные, милиционеры и другие стали маргиналами. И из этих маргиналов огромное количество лиц покинуло свои социальные группы в стремлении продвижения вверх по социальной иерархии общества, став люмпенами. Кто-то из них занялся предпринимательством, кто-то занялся политикой, некоторым, кому не удалось реализовать выбранную траекторию, пополнил ряды люмпен-пролетариата. Многие из тех маргиналов, которые покинули свои социальные

---

¹⁵ <http://arzamas.academy/materials/969>.

группы, могли использовать для продвижения по социальной лестнице только свою личную силу или боевой опыт. Они создали криминальные или полукриминальные группировки и пополнили совокупность люмпен-криминала, а к ним впоследствии частично «подтянулась» и часть люмпен-пролетариата. В ходе вооружённых разборок 90-х годов выжившие люмпен-криминалы получили то, ради чего они покинули свои социумы в 90-е годы, – деньги, имущество или власть. Они закончили своё продвижение по вертикали социальной мобильности, и надобность в продолжении криминального бизнеса отпала. Поэтому люмпен-криминалит, сформировавшийся в лихие ельцинские годы, резко сократил свою численность – и не столько из-за естественной убыли в результате криминальных войн, сколько из-за реализации своих потребностей в занятии мест в высших социальных слоях общества – люмпен-криминалит легализовал накопленные капиталы и трансформировался в легальный бизнес. Он освободил рыночную нишу силовых услуг официальным государственным силовым структурам. К тому же дефолт 1998 года и рост стоимости нефти на мировых рынках стабилизировали экономическую ситуацию в стране, маргиналов, а значит, и люмпенов стало в разы меньше. Это тоже привело к тому, что криминалит перестал так активно пополняться новыми членами, как это было в 90-е годы.

Государственные силовые структуры, которые в 90-е годы перестали быть единым монолитом, а превратились в совокупность независимых друг от друга группировок, участвующих в дележе незащищённых хозяйственных средств, после исчезновения конкурентов в лице люмпен-криминалиста вновь начали структурироваться. Они постепенно вернулись к принципам номенклатурных отношений.

В отличие от депутатов, силноменклатурщики назначаются на должность. Главных силовиков назначает партноменклатура, а остальная силноменклатура подбирается уже назначенными партноменклатурой руководителями структур. «Новая метла по-новому метёт» – вновь назначенный руководитель силового ведомства приводит с собой своих людей, зачищая для них кадровое пространство высшего уровня. Профессионалы, не следящие за конъюнктурой и не следующие её колебаниям, наивно полагают, что их никто трогать не будет – ведь пострадает дело! Глупцы! Задача силноменклатуры – охранять покой и состояние партноменклатуры, это главная задача в современной России. И если вдруг какой-нибудь профессионал из силовиков, не обременённый связями с партноменклатурой откажется выполнять эту основную задачу или, что ещё хуже, заденет своими действиями интересы партноменклатуры, от него тут же избавятся. А на его место посадят человечка, профессионально может

быть и малопригодного, но неукоснительно выполняющего задания партнomenклатуры и вышестоящего начальства из силноменклатуры. История современной России изобилует такими случаями.

А поскольку силовикам лучше, чем кому бы то ни было, известно о махинациях партнomenклатуры, госноменклатуры и закноменклатуры, то и им остаться в стороне от массового грабежа государственной собственности и ресурсов очень сложно, тем более что накопленный в 90-е годы опыт никуда не делся. Различные силовые ведомства страны сегодня ведут войны не с криминалом, а друг с другом. И информация о таких действиях силноменклатуры время от времени проникает в СМИ. Из этой информации становится понятным, как именно российские силовики занимаются незаконным бизнесом. Я не буду пересказывать подобные случаи, а просто укажу на наиболее типичные черты организации такого бизнеса.

Во-первых, чаще всего организационные структуры незаконного силового бизнеса являются межведомственными. То есть их участники не ограничены сотрудниками какой-либо одной государственной организации, состоящими в отношениях субординации и формального разделения обязанностей, а наоборот, включают сотрудников разных организаций. Каждый сотрудник вносит в новую неформальную структуру возможности и ресурсы, характерные для организации, в которой он работает. Например, сотрудники одной организации привносят связи с политическим руководством страны (прикрытие), другие – технические средства добывания информации, третьи – ведения следственных действий, четвертые –нейтрализацию функции надзора, пятые выступают как посредники или связующие звенья с бизнесом, шестые – возможности влияния на суды, и т. п.

Во-вторых, такая организация построена по принципам личных и горизонтальных отношений, которые не предусмотрены формальной организацией. Такая сетевая организация бизнеса является более гибкой потому, что она всегда может задействовать новые звенья, временно «подключать» кого-либо для решения конкретной задачи, а после её решения – исключать её из сети. Такая сеть складывается поперёк должностной иерархии госорганизаций, отменяя формальные должности и ранги, переопределяя статусы по-новому – в зависимости от того, кто и какие задачи может решить в рамках коммерческих проектов группы. Налицо типичная патrimonиальная бизнес-сеть. А во главе такой патrimonиальной бизнес-сети стоит крупный силноменклатурщик.

Если силноменклатура высшего уровня создаёт, по сути, бандитские организации для перераспределения бизнеса в свои руки, то почему бы этим не

заниматься и их подчинённым, которые либо являются исполнителями заданий силоменклатуры, либо знают об этих заданиях? Поэтому и многие рядовые сотрудники силовых ведомств занимаются откровенным бандитизмом. Помимо крупных патrimonиальных организаций силовиков имеются и многочисленные мелкие организации на местах. Региональные силовики сегодня занимаются разнообразным криминальным бизнесом – от простого вымогательства (ГАИ – ГИБДД) до более сложного набора услуг. Решающее значение в этом бизнесе имеет возможность нарушения нормальной работы любого юридического лица, а также принуждения физического лица – т.е. арест и возможность длительного лишения свободы, а также пытки и другие формы воздействия на арестованного. Распространённой на рынке услугой является принуждение к продаже актива и к снижению его цены существенно ниже рыночного уровня.

Подобные сообщения о милиционерах-полицейских в России бесчисленны, и я приводить их здесь не буду.

Но ведь не только бандитизмом и грабежом живут силовики России! Они «крышуют» проституцию, наркотрафик, игровой бизнес, угон и выкуп автомобилей и т.п. Они подбрасывают невинным людям наркотики и заводят на них уголовные дела, которые прекращают за взятки. То есть они формируют организованные преступные группировки.

Многие города России, в том числе и Санкт-Петербург, в котором я живу, пестрит рекламными надписями на асфальте и плакатами на столбах и деревьях, с предложением услуг проституток. И никто с этим не борется. Есть ли сомнения в том, что эта проституция полностью подконтрольна полицейским, а может быть, и принадлежит ей? У меня лично таких сомнений нет.

Почему в России не вводится система автоматического слежения за безопасностью дорожного движения с помощью камер наблюдения? Ведь это выгодно – затраты на покупку и установку камеры окупаются за полгода за счёт штрафов, поступающих в бюджеты городов от нарушителей. Но это не выгодно гаишникам – они не следят за безопасностью движения на дорогах, они создают условия для нарушения правил и собирают дань с нарушителей ПДД наличными средствами. Чем больше нарушений ПДД, тем богаче полицейские из ГИБДД. То-то у нас один из наивысших в мире уровней смертности на дорогах. А как же иначе при такой дорожной полиции?

Возбуждение уголовных дел – основной бизнес полицейских, не работающих в ГИБДД. Примеры? Да их огромное количество. Вот только один пример, просто взятый из Интернета (июль 2015 года): «Подполковник московской полиции попался на взятке в 6 млн рублей. Деньги полицейский требовал за прекращение уголовных дел в отношении 46-летней

женщины, осуждённой за серию мошенничеств с туристическими путёвками. Примечательно, что гендиректор столичной турфирмы уже отбывает наказание в колонии во Владимирской области, и местом для передачи денег подполковник МВД выбрал стоянку рядом с исправительным учреждением»¹⁶.

Исторически в ЧК, ГПУ и НКВД шли работать люмпен-пролетарии, не скованные никакими условностями и моральными запретами из беднейшего крестьянства, лодырей и алкоголиков. Они во все годы советской власти и во все годы власти нынешней применяют к остальным гражданам бандитские методы – избивают, убивают, насиливают, пытают на следствии, шантажируют и т.п. Люмпен-пролетарии социально близки люмпен-криминалу, а потому спайка между ними существовала во все годы советской власти, и эта спайка сегодня превратилась в устойчивое взаимовыгодное сотрудничество между ними. У каждого свой бизнес. При необходимости силовики «наезжают» на конкурентов того криминала, с которым они сотрудничают; а криминал помогает силовикам нужной информацией, разного рода услугами и деньгами (в виде постоянной дани, например).

«Новая газета» неоднократно писала о власти криминала в пенитенциарных учреждениях России: об избиениях и странных суицидах, о вымогательствах и срашивании уголовных элементов с сотрудниками УФСИН. Полицейские – работники СИЗО вместе с криминальными авторитетами, сидящими в этих СИЗО, заставляют заключённых ежемесячно выплачивать им деньги. А тех, кто высказывает недовольство этим, «успокаивают» – полицейские приводят в камеру уголовников из своих, а те жестоко избивают недовольных. Причём зачастую уголовники ходят по камерам и по собственной инициативе, а полицейские их сопровождают.

Это страшно, но это факт: сегодня российская полиция подобна бандитской группировке – охрана общественного порядка осуществляется ею только в той мере, в которой это необходимо для обоснования самого факта существования силовиков.

О том, как осуществляется надзор за исполнением правосудия прокуратора, я особо говорить не буду – пример с семьёй генерального прокурора России Ю. Чайки, обнародованный Фондом борьбы с коррупцией 1 декабря 2015 года не нуждается в комментариях¹⁷. Прокуратура является такой же частью диктатуры номенклатуры, как и ранее. Ничего не изменилось.

---

¹⁶ <http://ren.tv/novosti/2015-05-19/podpolkovnik-moskovskoy-policii-zaderzhan-za-vzyatku-v-6-mln>

¹⁷ <https://fbk.info/blog/post/129/>

Последняя часть номенклатуры – это судебная система. Без контроля над этой третьей ветвью государственной власти партноменклатура не могла бы править так, как она это делает сегодня. И контроль этот осуществляется в полном объёме по телефонному звонку. Суды безропотно выполняют «просьбы» партноменклатуры. Явление это стало столь повсеместным, что даже встречаются патологические случаи: в 2013 году главу Бежецкого района тверской области Михаила Шибанова судили… в больнице. Суд состоялся непосредственно в больничной палате – судья, прокурор, заседатели и т.п. все пришли в палату, где на больничной койке лежал Шибанов и, проведя судебное разбирательство, осудили Шибанова.

Как же случилось, что суд превратился в судноменклатуру?

Во-первых, принятые законы, пользуясь которыми судьи не в состоянии пресечь разгул партноменклатуры (с этим успешно справляется закноменклатура).

Во-вторых, российские суды материально зависимы от исполнительной и законодательной власти. В статье 124 Конституции РФ сказано, что финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом. С момента принятия этой Конституции и до сего дня эта статья не работает. Средств, выделяемых судам из федерального бюджета, хватает разве что на оплату труда судей и работников судебных органов. А вот все остальные статьи расходов судов (строительство, ремонт, приобретение автотранспорта, жилья, оплата услуг связи и коммунальных услуг, других текущих хозяйственных расходов) финансируются из местных бюджетов, и это финансирование достигает объёма от 50 до 70% от общей суммы. В такой ситуации руководители судов волей или неволей превращаются в судноменклатуру – руководителем суда не может стать судья, независимый в своих действиях от региональной партноменклатуры и закноменклатуры. Если это произойдёт, суд просто перестанет выполнять свои функции из-за отсутствия денег на оплату электричества. Судноменклатура реализует в жизнь лозунг, который в своё время описал Дж. Оруэлл: «…все равны, но некоторые – равнее». Этими «некоторыми» и являются люмпен-номенклатурщики всех видов, и, конечно же, партноменклатурщики в первую очередь.

Имеет ли смысл приводить примеры «несправедливых» решений российских судов, когда «карающий меч правосудия» обрушивается на головы невиновных, но проносится мимо голов совершивших правонарушение номенклатурщиков? Их огромное множество.

Для управления судебной властью нужно сформировать в судейской среде эту саму судноменклатуру. И действительно, сегодня в суды идут

бывшие секретари судебных заседаний, помощники судей, прошедшие школу работы с люмпен-номенклатурой. В суды идут и бывшие прокуроры, следователи, таможенники, налоговики (силноменклатура). А из адвокатуры (независимая от номенклатуры часть судебной системы) в суды идёт меньше одного процента.

Итак, и судебная власть сегодня оказалась в руках партноменклатуры, она обеспечивает партноменклатуре комфортную жизнь: «Чего изволите?»

Всё государство российское вновь оказалось в руках партноменклатуры, как и в советские времена. Но принципиальное отличие от советских времён в том, что партноменклатура растаскивает страну по кусочкам, совершенно не думая о её будущем. А будущее у такой страны легко прогнозируется – продолжение расслоения общества на богатых и бедных, техническое и интеллектуальное отставание от развитых стран мира, с последующей распродажей земель и ресурсов олигархам из этих стран, разгул правового нигилизма и бандитизма.

Россию люмпен-номенклатура успешно ведёт по пути трансформации из развитой страны в страну африканского типа – масса малограмотного нищего населения, лишённого медицинского и социального обслуживания, во главе с вождями-людоедами, присваивающими остатки национального богатства, но врущими своему народу об их счастливой жизни. А народ в это вранье верит...

14. МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Материалы предыдущих глав были изложены с помощью самых распространённых в обществе и при этом малоточных моделей – словесных моделей. В некоторых случаях эти модели были подкреплены графическими моделями, которые и конкретнее, и точнее, чем модели графические.

В этой главе будет осуществлена первая попытка математического моделирования изложенных процессов социально-экономической динамики.

Для этого вкратце изложим суть описанного выше механизма. В обществе выделяются три группы различных социальных слоёв:

1) базовый слой, находящийся на нижнем уровне социальной иерархии,

2) слой люмпенов, представляющих собой разнообразную смесь, но объединённых тем, что все они покинули свои социальные слои (в основном – группу базового слоя). Люмпены могут находиться в состоянии перехода от базового слоя к элитному, а могут, столкнувшись с барьерами входа в элиту, оказаться на уровне ниже исходного базового слоя,

3) элитный слой, который тесно связан с государственной властью в стране.

Введём необходимые обозначения:

Let – количество представителей элитных социальных слоёв в обществе в момент времени t ;

Lbt – количество членов базового социального слоя общества в этот же момент;

Lmt – количество маргиналов в базовых слоях;

Llt – общее количество люмпенов в обществе;

Llpt – число люмпен-пролетариев;

Llct – численность членов общества, втянутых в криминальный мир;

Llbt – число нищих.

Все эти количества в зависимости от рассматриваемого масштаба измеряются в сотнях, тысячах или миллионах человек.

А теперь опишем взаимосвязи между этими группами сложного механизма социально-экономической динамики. Прежде всего – взаимосвязь между базовыми социальными слоями Lb и маргиналами Lm в них.

Будем считать, что число маргиналов в следующем периоде определяется от числа базового слоя в данном периоде. Тогда выполняется следующее неравенство:

$$Lm(t+1) \leq Lbt, \quad (1)$$

что означает следующее: количество маргиналов в базовых слоях не может превышать численность этих слоёв. Из этого неравенства следует, что отношение количества маргиналов к численности базовых слоёв всегда будет не больше единицы, а потому может быть обозначено коэффициентом α :

$$\alpha_t = \frac{L_{m(t+1)}}{L_{bt}}, \quad (2)$$

который лежит в пределах:

$$0 \leq \alpha_t \leq 1. \quad (3)$$

Как следует из (2), этот коэффициент показывает долю маргиналов – людей, неудовлетворённых своим положением в обществе, в общем числе базовых слоёв общества. Если этот коэффициент равен нулю, то это означает, что маргиналов в обществе нет и все члены общества довольны своим положением в нём и наступившим в обществе политическим, социальным и экономическим порядком. Но если все базовые слои общества недовольны ситуацией, то этот коэффициент равен единице.

Понятно, что такие крайние ситуации возможны только теоретически, а фактически коэффициент маргинализации α лежит внутри указанных пределов. Коэффициент маргинализации зависит от множества факторов: от состояния экономики, от эффективности работы государства и власти, от поведения элит, от множества внешних факторов и др.

Маргиналы порождают в своей среде тех людей, которые готовы оторваться от своих социальных слоёв и устремиться в поисках более счастливой жизни в социальных слоях, находящихся на более высоком уровне социальной иерархии общества. Если взять отношение количества люмпенов L_{lt} к количеству маргиналов L_{mt} , то получим такой коэффициент отрыва:

$$\beta_t = \frac{L_{lt}}{L_{mt}}, \quad 0 \leq \beta_t \leq 1. \quad (4)$$

Этот коэффициент показывает – какая доля маргиналов всё же решилась покинуть свой базовый социальный слой.

Может показаться, что можно сразу же, воспользовавшись равенствами (2) и (4), определить количество люмпенов как некую долю от численности базового слоя, но этого делать не стоит, поскольку в общем случае и коэффициент маргинализации α , и коэффициент отрыва β меняются с течением времени. И если их изменение нелинейно и так или иначе оно может быть описано регрессионными моделями, то их суперпозиция может

носить сложный нелинейный характер, который будет непросто описать, а потому непосредственная зависимость числа люмпенов от численности базового слоя может и не определяться.

Ранее было показано, что напрасно некоторые общественные деятели вкладывают в слово «люмпен» отрицательную окраску. Отрыв от своего слоя в попытке перейти в социальный слой более высокого уровня – это естественное состояние в любом обществе. И многие люмпены, выбравшие, например, путь предпринимательской деятельности для реализации идеи продвижения по каналу вертикальной мобильности за счёт личного обогащения, в конечном итоге создают новые продукты, открывают новые рынки и создают новые рабочие места. Поэтому люмпенизация общества имеет как положительные, так и отрицательные моменты, но без этого процесса ни одно общество не существует.

Чем определяется коэффициент отрыва? Здесь можно выделить три обстоятельства. Первое из них – ощущением у маргиналов самой возможности перехода в более высокий социальный слой. Если в обществе нет особых барьеров для передвижения людей из одного социума в другой, то и количество маргиналов, решившихся на такое передвижение и ставших люмпенами, увеличивается. Второе обстоятельство связано с тем, что жизнь в базовых слоях общества столь тяжела и невыносима, что всё большее и большее число маргиналов решается на риск и порывает со своим слоем в поисках лучшей жизни. И ещё одно важное третье обстоятельство. Оно связано с возможными внешними для базового слоя обстоятельствами – природными катаклизмами, военными или политическими обстоятельствами и т.п., когда привычный уклад жизни нарушается этими внешними обстоятельствами и людям базового слоя волей-неволей приходится становиться люмпенами.

Оторвавшись от базового слоя и устремившись в более высокие слои общества, часть люмпенов преуспевает в этом, а часть, так и не добившись желаемого, становится люмпен-пролетариями L_{lpt} , преступниками L_{lct} или пополняет ряды нищих L_{lbt} .

Понятно, что и это распределение зависит от множества факторов. Отнесём количество люмпенов, не попавших в элиту, к общему количеству люмпенов:

$$\gamma_t = \frac{L_{lpt} + L_{lct} + L_{lbt}}{L_{lt}}, \quad 0 \leq \gamma_t \leq 1. \quad (5)$$

Этот коэффициент γ характеризует именно недоступность входа в элиту. Если он равен единице, то никто из люмпенов в элиту не попадает; если он равен нулю, то вход в элиту полностью открыт.

Будем считать, что численность тех, кто пополняет ряды криминала и нищих прямо пропорциональна числу люмпен-пролетариев и их сумма не больше общей численности люмпен-пролетариев:

$$(L_{lct} + L_{lbt}) = d_l L_{lpt}, \quad 0 \leq d_l \leq 1.$$

Отсюда:

$$L_{lpt} = \frac{\gamma_t L_{lt}}{(1+d_l)}. \quad (6)$$

Теперь следует описать формирование элитных социальных слоёв в обществе. Прежде всего, заметим, что элита делает всё от неё зависящее, чтобы сохранять себя во времени, т.е. зависит от числа представителей элиты в предыдущий момент времени $L_e(t-1)$. При этом по естественным причинам или по причинам общественно-политическим происходит постоянное убытие из прежнего числа элиты некоторых его членов. Статистика показывает, что естественный прирост представителей элитных слоёв общества за счёт рождаемости в этих слоях, по крайней мере, в настоящее время меньше, чем естественная убыль. Поэтому если долю выбытия из элиты (за вычетом естественного прироста) обозначить через δ , то это выбытие скажется на общей численности элиты в момент времени t так:

$$(1-\delta_{et})L_{e(t-1)}, \quad 0 \leq \delta_{et} \leq 1.$$

Часть люмпенов добивается своего и пополняет ряды элиты, за счёт чего численность элиты прирастает. Количество люмпенов, попадающих в элиту с учётом (5) и (6), легко определяется:

$$\Delta_t = L_{lt} - (L_{lpt} + L_{lct} + L_{lbt}) = L_{lt}(1 - \gamma_t) \geq 0. \quad (7)$$

Тогда динамика численности элитных слоёв общества опишется так:

$$L_{e(t+1)} = (1 - \delta_{et})L_{et} + L_{lt}(1 - \gamma_t). \quad (8)$$

А выбытие из базового слоя по естественным причинам ниже, чем его прирост. Поскольку достоверной статистики на этот счёт в нашем распоряжении нет, то для простоты будем придерживаться этой гипотезы. На численность базового слоя оказывает влияние и количество люмпенов, а потому динамика базового слоя описывается таким уравнением:

$$L_{b(t+1)} = (1 + \delta_{bt})L_{b(t-1)} - L_{lt}, \quad 0 \leq \delta_{bt} \leq 1. \quad (9)$$

Естественное убытие определяется жизненными позициями каждой группы – количеством и качеством поставляемых в группы экономических и социальных благ. Поскольку для элиты эти блага поставляются в большем количестве и лучшего качества, то очевидно выполнение такого соотношения:

$$\delta_{et} \leq \delta_{bt} \leq \delta_{lpt} \leq \delta_{lcbt}. \quad (10)$$

Динамика численности базовых слоёв общества с учётом вышесказанного будет выражаться таким равенством:

$$L_{b(t+1)} = (1 - \delta_{bt})L_{bt} - L_{lt}. \quad (11)$$

Количество люмпен-пролетариев, а также нищих и криминала с учётом их прошлого количества будет также определяться с учётом естественной убыли:

$$L_{lp(t+1)} = \frac{\gamma_t L_{lt}}{(1 + d_l)} + (1 - \delta_{lpt})L_{lpt}, \quad (12)$$

$$L_{lc(t+1)} + L_{lb(t+1)} = (1 - \delta_{lcbt})(L_{lct} + L_{lbt}) + d_l L_{lpt}. \quad (13)$$

Теперь сведём вместе все формулы и модели воедино:

$$L_{m(t+1)} = \alpha_t L_{bt}, \quad 0 \leq \alpha_t \leq 1,$$

$$L_{lt} = \beta_t L_{mt}, \quad 0 \leq \beta_t \leq 1,$$

$$L_{lp(t+1)} = \frac{\gamma_t L_{lt}}{(1 + d_l)} + (1 - \delta_{lpt})L_{lpt}, \quad 0 \leq d_l \leq 1, \quad 0 \leq \gamma_t \leq 1,$$

$$L_{lc(t+1)} + L_{lb(t+1)} = (1 - \delta_{lcbt})(L_{lct} + L_{lbt}) + d_s L_{lpt},$$

$$L_{et(t+1)} = (1 - \delta_{et})L_{et} + L_{lt}(1 - \gamma_t), \quad 0 \leq \delta_{et} \leq 1,$$

$$L_{b(t+1)} = (1 + \delta_{bt})L_{b(t-1)} - L_{lt}, \quad 0 \leq \delta_{bt} \leq 1,$$

$$\delta_{et} \leq \delta_{bt} \leq \delta_{lpt} \leq \delta_{lcbt}.$$

В результате получена простая динамическая модель социально-экономической динамики, с помощью которой можно проводить различные модельные исследования.

Понятно, что все коэффициенты этой модели, да и формы конкретных уравнений полученной системы должны находиться на имеющихся статистических данных. Мною были взяты условные числа, в той или иной мере отражающие реальную ситуацию, и осуществлено компьютерное моделирование.

За основу были взяты следующие отношения. Численность базового слоя равна 10 единицам, численность элиты – 1 единица, численность люмпен-пролетариев – 0,05, а численность нищих и криминалитета – 0,03.

1) Все коэффициенты не меняются во времени и остаются константами. Маргинализация населения составляет 20% ($\alpha=0,2$), люмпенизация маргиналов – 10% ($\beta=0,1$), а недоступность входа в элиту составит 90% ($\gamma=0,9$). Коэффициенты естественного прироста-убыли составляют для элиты 5% ($\delta e=0,05$), для базового слоя – 3% ($\delta b=0,03$), для люмпен-пролетариата – 20% ($\delta lp=0,2$), а для криминала и нищих – 30% ($\delta lc b=0,3$).

При такой ситуации численность базового слоя возрастает за двадцать единиц наблюдения незначительно – с 10 до 12, элита сокращается с 1 до 0,65, а люмпен-пролетариат растёт более чем в десять раз – до 0,79. Нищие и криминалитет увеличиваются ещё быстрее – более чем в двадцать пять раз – с 0,03 до 0,76.

То есть сословные или иные запреты на вход в элиту даже при не очень большой маргинализации базовых слоёв общества ведут к росту люмпенов, но не критическому.

2) Убираем сословные ограничения и даём возможность половине желающих попасть в элиту сделать это. То есть изменяем только величину барьера в элиту с 90 до 50% ($\gamma=0,5$). Тогда элита возрастает с 1 до 1,76, а люмпен-пролетариат хотя и растёт, но не так быстро – с 0,05 до 0,44 (менее чем в девять раз). Не такими быстрыми темпами растёт и численность нищих и криминала – с 0,03 до 0,42 (в 14 раз, а не в 25).

3) Возвращаем условия первого опыта, но увеличиваем люмпенизацию маргиналов в два раза (жить стало очень плохо и народ готов рискнуть). Тогда за счёт отрыва от базового слоя его численность постепенно снижается до 8,26 единиц, численность элиты снижается не столь быстрыми темпами, как в первом случае, – до 0,83. Но зато численность люмпен-пролетариев вырастает до 1,39, а криминалитета и нищих – до 0,46. Это составляет 20% от численности общества и уже чревато социально-политическими катализмами.

4) Оставим условия третьего примера и уменьшаем входные барьеры в элиту с 90 до 50%. Базовый слой продолжает уменьшаться, но элита выросла с 1 до 2,62. Люмпен-пролетарии, нищие и криминал также возросли, но не так быстро. В сумме они составили 9%, что не является критичным.

Таким образом, в целом предложенная модель описывает социально-экономическую динамику и может быть принята за основу для дальнейшего развития.

В чём именно видится это развитие?

Прежде всего, модель следует дополнить экономическими отношениями – вкладом каждой группы в размер производимых благ. Далее – описать распределение экономических благ между слоями, в том числе определить и варианты экономических неравенств. Далее следует учесть изменение во времени всех коэффициентов модели, причём это изменение, очевидно, диктуется не течением времени, а влиянием экономического неравенства в распределении произведённых благ между слоями общества. На основе исторических данных можно попытаться оценить предельную численность люмпен-пролетариата, нищих и криминала, при достижении которого в обществе может произойти социально-политический взрыв. И только после того, как все эти условия будут описаны и включены в модель, с ней можно будет проводить разнообразные компьютерные эксперименты. Но это – самостоятельная задача, которая не входит в число задач данного исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, первая в мире попытка построения социалистического общества как общества социальной справедливости провалилась. Советский Союз и вся социалистическая система не прошли испытания историей и прекратили существование.

Случилось это, прежде всего, потому, что в основах «научного социализма» не были разработаны механизмы управления социалистическим обществом. Пролетариат в условиях обобществления средств производства на общегосударственном уровне теряет контроль за средствами производства и не способен организоваться для того, чтобы осуществлять эффективное управление этой собственностью. Поэтому в силу больших государственных масштабов от имени пролетариата управление и средствами производства, и государственным бюджетом осуществляют чиновники-номенклатурщики. А их правление формирует социальное неравенство.

Второе обстоятельство неудачи эксперимента по построению социалистического общества в СССР было вызвано тем, что основы социализма большевиками были восприняты в определённом марксистском уклоне, уводящем строителей социализма в сторону огосударствления всей собственности на средства производства. В стороне от интересов большевиков осталось альтернативное социалистическое течение – кооперативы, когда на смену капиталистическому принципу распределения прибыли (по размеру капитала) пришёл другой социалистический принцип распределения прибыли (по размеру труда). Эта тенденция во всей своей силе проявилась в мировом кооперативном движении и была взята на вооружение социалистами-ревизионистами.

Даже в дореволюционной России кооперативное движение имело колossalный успех. Если в 1901 году число кооперативов составляло в России 1 625, то на 1 января 1917 года – 47 187. По подсчётам М.И. Туган-Барановского, в них к этому времени участвовало 84 млн человек, т.е. более половины всего населения России. По числу кооперативов Россия занимала первое место в мире [77, с. 22]. При диктатуре люмпен-пролетариата кооперативы практически перестали существовать, поскольку отношение к ним у большевиков было весьма примитивное и повсеместно в руководство кооперативами проникали люмпен-пролетарии с большевистскими партбилетами.

Сталинская коллективизация на селе (социализация) только внешне напоминала кооперацию – у колхозников безвозмездно отняли орудия труда и скот, оплата труда колхозникам осуществлялась не пропорционально капиталу и не пропорционально труду, а пропорционально отработанному времени – каждому ставились трудодни. Руководили колхозами и совхозами те же люмпен-пролетарии.

Поэтому главные позиции кооперации были нарушены: добровольность объединения средств производства, возмещение части вложенных средств в виде процента на капитал, учёт разнообразия результатов труда каждого, демократия в принятии решений. В результате нарушения этих важных условий кооперации колхозы превратились в государственные фабрики по производству сельскохозяйственной продукции с принудительным трудом. Поэтому на советском селе в конце 20-х, начале 30-х годов XX века и произошла катастрофа.

В тех капиталистических странах, где кооперативы имеют возможность создаваться и работать, они достигают больших успехов, например, почти 90% всех рыбопродуктов Японии производят именно кооперативы. Известное в России финское предприятие Valio Oy – это акционерное общество, принадлежащее 17 кооперативам. Их собственниками-кооператорами, в свою очередь, являются 7,3 тыс. фермеров – производителей молока. Ассортимент компании сегодня насчитывает более 1,5 тыс. наименований из них более 400 наименований экспортируются в 67 стран мира.

Третье обстоятельство, которое привело к крушению социализма – неправильное представление в теории социализма о потребностях людей социалистического общества. Все основоположники социалистической теории представляли себе, что этот социалистический человек поступает рационально, избегает излишеств и он настолько духовно богат, что презирает богатство и роскошь. Исследования Абрахама Маслоу показали, что это не так – стоит человеку удовлетворить одну потребность, как за ней возникает следующая потребность, и предела этих потребностей не видно, их можно только сгруппировать в отдельные типы, следующие друг за другом. В социалистическом планировании за исходную точку брались рациональные нормы потребления, а в реальной жизни всё иначе – прежде, чем перейти к рациональному потреблению, индивид должен пройти через максимум потребления этого продукта и, только удовлетворившись в нём полностью, переходит к его потреблению в рациональных размерах, переключая свой интерес на другой продукт [65]. Но при этом на потребности и на сам акт покупки воздействует множество факторов неэкономической природы, в том числе и эмоционально-психологические.

Поэтому выпускаемая продукция по централизованно устанавливаемым ценам и в объёме, определяемом Госпланом в соответствии с рациональными нормами, никогда не соответствовала реальным потребностям общества – такой социализм всегда обречён на хронический дефицит одних товаров и перепроизводство других. Рыночный механизм куда более эффективен, чтобы не говорили про его хаотический характер марксисты.

Четвёртое обстоятельство, которое показало, что советский социализм не жизнеспособен, заключается в ограничении частной инициативы.

Один из путей, который может выбрать себе маргинал из низших социальных слоёв для продвижения в высшие слои, – это предпринимательская деятельность. Именно предприниматель в несоциалистическом обществе является основным носителем инновационного развития государства, поскольку в конкурентной борьбе он использует инновации как основной инструмент победы. Предприниматель определяет – в чём именно нуждаются потребители, и в максимально быстрой степени осуществляет производство именно этого нового товара или услуги для того, чтобы получив краткосрочную монополию на рынке нового товара, заработать наибольшую прибыль и далее с помощью заработанных средств продвинуться вверх по социальному лифту. В СССР предпринимательская деятельность была запрещена, что привело к очевидному отставанию в инновационном развитии – не было претворителей в жизнь инновационных идей. На высоком мировом уровне в СССР развивались только отрасли, вступившие в конкурентную борьбу с отраслями капиталистических стран. Неконкурентные отрасли, а их было большинство, выпускали в основном низкокачественную продукцию.

Пятое обстоятельство, делающие социализм советского типа нежизнеспособным, заключается в сильнейшей концентрации ресурсов и производства. В этом, конечно же, кроется и своеобразное преимущество – ведь эффект концентрации общеизвестен: чем сильнее концентрация производства, тем дешевле это производство. В СССР именно поэтому были самые большие в мире предприятия, колхозы и совхозы, электростанции и рудники. Советский Союз, сконцентрировав ресурсы, первым послал в космос искусственный спутник Земли и первого космонавта. Но та же концентрация ресурсов в обувном и швейном производстве приводила к тому, что советскому покупателю предлагались десятки тысяч обуви одного и того же вида, десятки тысяч платьев и костюмов одного и того же фасона – дешёвые, но низкого качества. Советский покупатель был лишен возможности выбора, удовлетворения своих многообразных потребностей, поскольку массовое производство предполагает и однотипность продукции. Поэтому в СССР было и перепроизводство – не купленная потребителем массовая продукция (обувь, одежда, пища) списывалась и уничтожалась.

И самое главное, шестое, обстоятельство – не получилось общества социальной справедливости. Про сталинские времена, когда царила диктатура люмпен-пролетариата и говорить нечего, но и в последующие годы, когда к власти пришла номенклатура, на лозунги, висящие повсеместно: «Народ и партия едины», – тот самый народ отвечал: «Так почему же разное едим мы?». Номенклатурное правление в любых её формах означает, что сама номенклатура является обладателем максимально возможного количества экономических и социальных благ.

Крах социализма как идеи об обществе социальной справедливости и гармоничного развития был предопределён. Идеи «научного социализма» оказались неверными в своей сути. Поэтому переход от советского социализма к капитализму был неизбежен. Но «реформаторы» выбрали для этого один из самых неэффективных путей, который в конечном итоге привёл Россию к очередной диктатуре люмпен-номенклатуры.

Современная российская оппозиция делает глубочайшую ошибку, направляя свои усилия на реализацию лозунга: «Долой Путина!». Конечно, теория циклов подтверждается и в случае президентской власти в России. В соответствии с ней новый президент на первом этапе своей работы хорошо знаком с проблемами общества, а потому начинает их устранять. Он выгоняет старых чиновников и набирает новых, которые вместе с ним бьются над решением актуальных задач, ломая, в том числе, и старые, сдерживающие развитие, механизмы хозяйствования. На первом этапе наблюдается рост по всем позициям – экономическим, социальным и военно-политическим. На втором этапе президентского цикла механизмы уже отлажены и хорошо работают, проблемы одна за другой решаются, наблюдаются стабильность и уверенный рост. На третьем этапе в обществе и окружающем мире произошли такие изменения, которые делают созданный президентом механизм уже не столь эффективным, как ранее. Он нуждается в адаптации или же в изменении. Но президент об этом не знает. Он получает искажённую информацию от своего окружения о результатах своей деятельности и отклике на него управляемого им народа. Он неадекватно оценивает ситуацию и принимает неадекватные решения. Наблюдается стагнация. На четвёртом этапе наступает политический и социально-экономический кризис. Народ недоволен, механизмы управления работают плохо и не справляются с новыми государственными задачами. Экономика и социальная сфера разваливаются. В результате происходит либо «дворцовый переворот», либо революция. Чтобы избежать такого сценария развития событий, президент прибегает к силовому подавлению недовольства и становится диктатором.

А поскольку этот цикл – объективная реальность, то развитые страны мира давно выработали неукоснительное правило – любой человек не может занимать должность президента более двух сроков. В. Путин – пример, подтверждающий это правило. Его «второе пришествие» показывает неадекватность восприятия им окружающего мира и неадекватность его действий, вовлёкших Россию пока что только в вялотекущую войну с Украиной и активное давление на Россию со стороны развитых стран мира в форме разнообразных санкций.

Люмпен-номенклатура, правящая большинством постсоветских республик, точно так же слабо разбирается в вопросах управления, как и люмпен-

пролетарии. Поэтому, заняв руководящую должность, они либо демонстрируют либеральный стиль управления (вседозволенности своим ближайшим соратникам-подчинённым), либо скатываются к авторитаризму – по-другому они руководить не умеют.

Тенденция скатывания России к авторитаризму поэтому вполне понятна.

Конечно же, для блага страны этого президента нужно заменить. Но не в отдельной личности дело – а в том, что современная Россия есть продолжение той страны, которая была порождена Октябрём 1917 года. Высшую власть в ней захватили большевики – крайнее течение мировой социалистической мысли, а реальная власть попала в руки люмпен-пролетариев. Люмпен-пролетарии быстро сообразили, что нет смысла перебиваться случайными заработками, а нужно, вооружившись марксистскими лозунгами и социалистической демагогией, становиться советскими и партийными работниками, вливаться в ряды милиции и чека, возглавлять заводы и фабрики, учреждения и кооперативы. В России и в СССР началась диктатура люмпен-пролетариата.

Социализация сельского хозяйства в форме построения колхозов усилило количество люмпенов в СССР, в том числе люмпен-пролетариев. Они в массовом порядке пошли во власть, вытесняя люмпен-пролетариев первой волны. Способом этого вытеснения из власти люмпен-пролетариев первой волны был выбран террор, который в литературе получил название «сталинский террор». Страна потерпела страшный кадровый и интеллектуальный урон, поскольку уничтожались не только люмпен-пролетарии первой волны, оказавшиеся во власти, но и все «классово чуждые» непролетарские элементы.

Вторая мировая война, превратившаяся для СССР в скором времени в Великую Отечественную войну, смела большую часть проникших во все ветви власти люмпен-пролетариев, оказавшихся неспособными осуществлять сколь-нибудь сносное руководство. Их замещали люди, составлявшие новый тип руководителей – номенклатуру. Эти могли не только заставлять вверенные им коллективы «любой ценой» достигать поставленные перед ними цели, но и сами работать для осуществления этой цели, не щадя себя. К концу войны диктатура люмпен-пролетариата сменилась более мягкой формой диктатуры – диктатурой люмпен-номенклатуры.

Правили страной на всех уровнях люди, не обучавшиеся принципам и методам государственного управления, но при этом разделяющие сформировавшуюся систему норм и ценностей новых советских «барчуков». В среде люмпен-номенклатуры появился довольно большой слой тех, кто занимался незаконным обогащением. Со временем у этой группы номенклатурных предпринимателей появилась потребность легализовать нажитые таким путём

средства, чтобы иметь возможность удовлетворять свои многообразные потребности. Необходимо было сменить экономический механизм хозяйствования. Они первые поддержали горбачёвскую «Перестройку», особенно в части создания новых негосударственных хозяйственных структур, в первую очередь кооперативов.

Попытку демократизации советского общества, которую предпринял М.С. Горбачёв, они со временем стали воспринимать как личную угрозу – никто из них не хотел общественного контроля над их деятельностью. Сначала они избавились руками Б. Ельцина от самого М.С. Горбачёва, а затем – от демократизировавшихся Советов.

Уничтожив всю систему контроля (народный контроль, партийный контроль, контроль со стороны ОБХСС и т.п.), они успешно приватизировали бывшее государственное имущество, продали его за конвертируемую валюту и осели буржуинами и рантье в странах Европы.

Осколки партноменклатуры и совнomenклатуры, не преуспевшие на ниве бизнеса и приватизации, быстро осознали возможности аппаратного положения и создали многочисленные коррупционные схемы по освоению бюджетных средств, материальных и природных ресурсов страны. Чем выше аппаратное положение – тем больше возможностей для коррупции, поэтому за спиной Б. Ельцина все 90-е годы велась клановая борьба за занятие высших уровней власти. Б. Ельцин поставил вместо себя управлять собой человека внекланового – В. Путина. Но он быстро сформировал свой клан – из питерских и из КГБ-шных приятелей, которому подчинил все другие номенклатурные кланы в стране (укрепил вертикаль власти).

Сегодня все кланы выстроены в строгую иерархию и всем, кто нарушает нормы и ценности российской люмпен-номенклатуры, грозит неминуемая кара – мы свидетели отдельных судебных процессов над коррупционерами, нарушивших эти нормы и ценности. Главная норма сегодня – «бери по чину». Борьба оппозиции за отставку В. Путина сегодня бессмысlena, поскольку она не продуктивна. Бороться нужно с властью люмпен-номенклатуры в целом, а не с её главой.

Я показал, что весь XX век прошёл под знаменем торжества диктатуры люмпен-пролетариата во всём мире. Многие страны пошли путём СССР. Но эта тенденция отнюдь не осталась в прошлом! Её можно наблюдать и сегодня.

Возьмите механизм трансформации маргиналов в люмпенов, а люмпенов – во власть. И приложите этот механизм к современной Украине. Тогда вам сразу же станут понятны причинно-следственные связи происходящего. Кто выиграл от перехода Крыма в Россию? Кто получил на этом полуострове доступ к бюджету и к многочисленным природным богатствам? Не местные люмпены ли?

А кто правит сегодня в ДНР и ЛНР? В этих «народных» республиках власть принадлежит как раз тем, кто, став люмпеном поневоле из-за войны, проявив некоторую сообразительность, пришёл во власть на смену убежавшим украинским чиновникам. Разве эти люди отдадут свою власть демократическим путём? Разве им выгодно установление мира в регионе?

Многочисленные «революции» в странах Северной Африки и Азии в начале XXI века совпали по времени с «миротворческой» деятельностью в них США. Там уже произошло уничтожение правящих десятилетиями лидеров номенклатуры, произошёл и развал самой правящей номенклатуры. Но не принесло это никому никакого облегчения. Западные либералы пожимают плечами – не понятно! Но ведь всё очень просто – крупных капиталистов в этих странах не было, а потому, освободившись от диктаторов, новые люмпен-пролетарии дерутся друг с другом за власть. Почему вдруг возникло такое чудовище, как ИГИЛ? Да потому, что революции и войны внешних агрессоров привели к смешению всей социальной структуры. В этих странах появилась огромная масса люмпен-пролетариев, которая легко поддалась крайней религиозной агитации и пошла за харизматичными лидерами из мусульман крайнего толка. Именно они, эти люмпен-пролетарии, поддержали идею создания нового государства, живущего по правилам шариата и вовсе не в силу своей набожности, а в силу того, что им, захватившим власть, это оказалось выгодным. ИГИЛ сегодня – это очередная форма диктатуры люмпен-пролетариата, только под другими лозунгами и с другой государственной политикой.

Удивительные события происходят ныне в Европе, которые как нельзя хорошо описываются теорией диктатуры люмпен-пролетариата. По крайней мере, опираясь на неё, можно понять возможный сценарий развития событий в Европе. Сегодня Европейский союз строит свою деятельность на основе Декларации принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995 год), в соответствии с которыми все индивидуумы гражданского общества вправе быть различными, поэтому должна быть обеспечена устойчивая гармония между различными социальными группами, граждане и политики должны понимать и сотрудничать с людьми, различающимися по взглядам. И вырабатываются в Европе нормы толерантного поведения, и пытаются европейцы реализовать политику межкультурного взаимодействия. И радостно открыли европейские политики двери в свои страны для беженцев из Африки, Ближнего Востока, Центральной и Средней Азии! Но гармонии не получилось! Террористические акты начали сотрясать Европу. Почему?

Ответ легко найти из теории диктатуры люмпен-пролетариата. Кто такие – эти беженцы в Европу? Прежде всего, это люди, у которых оказалось разрушено привычное социальное окружение в силу войн и революций. Эти люди оказались оторванными от своих социумов и уже поэтому стали

люмпенами по неволе. Они покинули свои страны, где идёт война, и в поисках лучшей жизни (а часто и вовсе ради спасения жизни) устремились в Европу. А здесь им толерантные европейские правители предоставляют отдельные и благоустроенные квартиры, хорошие пособия по безработице и мирное небо над головой. Часть этих беженцев-люмпенов в силу обстоятельств сможет ассимилироваться в европейскую культуру, но только часть, и скорее всего – не самая большая. Ведь каждый беженец мечтает о том, чтобы его окружали люди, разделяющие нормы и ценности его прошлой жизни – религиозные, культурно-бытовые, морально-этические. А все эти ценности вовсе не совпадают с ценностями европейскими! Поэтому другая и значительно большая часть беженцев останется люмпенами, так и не превратившись в обывателей. Некоторые из них станут нищими, другие – люмпен-криминалом, но наибольшая часть из них, окружённая заботой европейцев и государственными программами, всё же останется люмпен-пролетариями. Эти будут перебиваться случайными заработками, так и не попав в тот социум, в котором жизнь для них является желанной. Они останутся маргиналами – недовольными своей жизнью и готовыми её изменить.

Люмпен-пролетарии, как было показано ранее, – это «горючий материал». Они первыми пойдут за революционерами и бунтовщиками громить магазины, банки и усадьбы. И если появится в Европе новый Аттила, Европе мало не покажется – за ним пойдут миллионы новых люмпен-пролетариев, которых приютила Европа. И хорошо ещё будет, если этот Аттила поведёт люмпен-пролетариев в бой с новыми социалистическим лозунгами! А если это будут лозунги националистические или религиозные? А если этот Аттила будет радикальным исламистом? Череда террористических актов, которые следуют в Европе, как раз вызвана этим. Молодёжь из числа беженцев, самая неустойчивая часть люмпен-пролетариата, пускает в ход ножи, мачете, оружие и взрывчатку. И пока что это – единичные случаи. Но ситуация для массового терроризма в Европе уже создана...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – М.: Мысль, 1970. – 776 с.
2. Бажанов Борис. Воспоминания бывшего секретаря Сталина / Б. Бажанов. – Книгоиздательство «Всемирное слово», Санкт-Петербург, 1992. – 312 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Академия, 2004. – 790 с.
4. Бернштейн Э. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии / Э. Бернштейн. – Спб.: Типография Исидора Гольдберга, 1906. – 241 с.
5. Браун А. Взлёт и падение коммунизма / А. Браун. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 863 с.
6. Бретвейт Р. Москва 1941. Город и его люди на войне / Р. Бретвейт. – М.: Голден-Би, 2006. – 452 с.
7. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953. – М.: МФД, 2002. – 872 с.
8. Воейков М. Маркс, Ленин, Троцкий: капитализм, социализм и рыночная экономика / М. Воейков // Альтернативы. – 2011. – № 3. – С. 46–58.
9. Восленский М.С. Номенклатура / М.С. Восленский. – М.: Захаров, 2005. – 640 с.
10. Георгий Жуков. Стенограммы октября 1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. – М.: МФД, 2001. – 820 с.
11. Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть / А. Ю. Давыдов. 1917–1921 гг.: Мешочки. – СПб.: Наука. – 341 с.
12. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Госиздат политической литературы, 1957. – 626 с.
13. Дерлугьян Георгий. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы / Г. Дерлугьян. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 384 с.
14. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчёт. – М., 1963.
15. Зомбартъ В. Соціализм и соціальне движеніе въ XIX столетіі / В. Зомбартъ. – Ростовъ на Дону: Изд. Н.Е. Парамонова, 1905. – 124 с.
16. Ильюхов А.А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. / А.А. Ильюхов. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 415 с.
17. Казанцева Т.А. Вера как социально-психологический феномен и его суггестивный механизм формирования: автореф. дис. ... канд. психол. наук. / Т.А. Казанцева. – М.: ГУУ, 2007. – 17 с.
18. Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5 т. Т. I. – М.: МФД, 2000. – 495 с.
19. Карпьев Н. Социализм / Н. Карпьев // Энциклопедический словарь. – Спб.: Типография Акц. Общ. «Издательское Дело», Брокгауз–Ефрон, 1900. – С. 21–34.

20. Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / В.Ю. Катасонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 1072 с.
21. Каутский К. Изъ истории общественныхъ теченій (Предтечи новейшаго соціализма) / К. Каутский. – С-Петербург, 1906. – 847 с.
22. Каутский Карл. Диктатура пролетариата. – Екатеринославское книгоиздательство «Наука», 1919.
23. Кондратьевщина. Сборник. – М.: Издательство Коммунистической академии, 1930. – 128 с.
24. Костяев Э.В. Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета и свержение царизма в России / Э.В. Костяев // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. Материалы международной исторической конференции. Москва, 25-26 июня 2003 г. – М.: Собрание, 2006. – С. 313-321.
25. Краткий философский словарь. – М.: Госиздат политической литературы, 1939. – 317 с.
26. Кржижановский Г.М. Шу-шу: Из воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине / Г. М. Кржижановский. – Переизд. – М.: Дет. лит., 1984. – 32 с.
27. Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. – М., 1997. – С. 24-25.
28. Левенштейн В.М. По-над нарами табачный дым... / В.М. Левенштейн. – М.: Русский путь, 2008. – 336 с.
29. Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года / В.И. Ленин. – ПСС, т. 30. – С. 306–328.
30. Ленин В.И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / В.И. Ленин. – ПСС, т. 33.
31. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский / В.И. Ленин. – ПСС, т. 37.
32. Ленин В. И. Великий почин / В.И. Ленин. – ПСС, т. 39.
33. Ленин В.И. Биография. – М.: Госполитиздат, 1963. – 703 с.
34. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. / А.Я. Лившин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Ельцина», 2010. – 344 с.
35. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству / К. Маркс. – М.: Госиздат политической литературы, 1940. – 52 с.
36. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс // Собрание сочинений, т. 1. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955.
37. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собрание сочинений, т. 3. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955.
38. Маркс К., Энгельс Ф., Классовая борьба во Франции. III. Последствия 13 июня 1849 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собрание сочинений, т. 7. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955.
39. Маркс К., Энгельс Ф. 18 брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собрание сочинений, т. 16. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955.

40. Маршалл А. Принципы экономической науки, т. I / А. Маршалл. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 415 с.
41. Мерсье Л.-С. Год две тысячи четыреста сороковой / Л.-С. Мерсье. – М.: Наука, 1977. – 240 с.
42. Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ / Л. фон Мизес. – М.: Catallaxy, 1994. – 416 с.
43. Милль Дж.С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии / Дж.С. Милль. – М.: Эксмо, 2007. – 1040 с.
44. Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.) / Л.А. Молчанов. – М.: Издатпрофпресс, 2002. – 272 с.
45. Мор Томас. Эпиграммы. История Ричарда III / Томас Мор. – М.: Наука, 1973. – 256 с.
46. Москва военная, 1941–1945 / Сост. Буков К.И., Горинов М.М., Пономарев А.Н. – М.: Изд-во Мосгосархива, 1995. – 744 с.
47. На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 816 с.
48. Немцов Б. Лужков. Итоги: Независимый экспертный доклад / Б. Немцов. – М., 2009. – 48 с.
49. «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г.: Документы. – М.: МФД: Материк, 2008. – 848 с.
50. Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди: происхождение русского дворянства / Н.П. Павлов-Сильванский. – Спб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1909. – 333 с.
51. Пайпс Ричард. Коммунизм / Ричард Пайпс. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 201 с.
52. Пайпс Ричард. Русская революция. В двух томах. Т. 1. Агония старого режима / Ричард Пайпс. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1990. – 400 с.
53. Пайпс Ричард. Русская революция. В двух томах. Т. 2. Большевики в борьбе за власть / Ричард Пайпс. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1990. – 410 с.
54. Панин Д.М. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. Лубянка-Экибастуз / Д.М. Панин. – М.: Радуга, 2001. – 488 с.
55. Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством / Платон, Аристотель. – М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 864 с.
56. Плеханов Г.В. Против философского ревизионизма. Сборник статей / Г.В. Плеханов. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – 456 с.
57. Пономарев О.Б. Экономика и предпринимательство / О.Б. Пономарев, С.Г. Светуньков. – СПб.: Левша, 2015. – 631 с.
58. Прохорова В. Четыре друга на фоне столетия / В. Прохорова. – М., Астрель, 2012. – 320 с.

59. Процесс Бухарина. 1938 г.: Сборник документов. – М.: МФД, 2013. – 960 с.
60. Римашевская Н.М. Экономическая стратификация населения России / Н.М. Римашевская // Общество и экономика. – 2002. – № 12. – С. 6–14.
61. Розин Э. Ленинская мифология государства Розин / Э. Розин. – М.: Юристъ, 1996. – 320 с.
62. Российская и советская деревня первой половины XX века глазами крестьян: Взгляд из эмиграции. – М.: Русский путь, 2009. – 488 с.
63. Самуэльсон П.А. Экономика / П.А. Самуэльсон, В.Д. Нордхаус. – М.: БИНОМ: Лаборатория Базовых Знаний, 1997. – 800 с.
64. Светуньков М.Г., Предпринимательство и инновации / М.Г. Светуньков, С.Г. Светуньков. – Ульяновск: Изд-во УлГТУ, 2010. – 128 с.
65. Светуньков С.Г. Экономическая теория маркетинга. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – 207 с.
66. Словарь современной экономической теории Макмиллана. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 608 с.
67. Солженицын А.И. Двести лет вместе: В 2 ч. Ч. 1 / А.И. Солженицын. – М.: Русский путь, 2010. – 512 с.
68. Спиридович А.И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти (1883–1903–1917) / Спиридович А.И. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 492 с.
69. Сталин И. Вопросы ленинизма. Дополнение к 9 изданию / И. Сталин. – М.: Партизрат, 1933. – 618 с.
70. Сталин И.В. Итоги первой пятилетки / И.В. Сталин // Вопросы ленинизма. Изд-е девятое, доп. – М.: Партизрат, 1933. – 62 с.
71. Старков Б.А. Борьба с коррупцией и политические процессы во второй половине 1940 годов / Б.А. Старков // Сб. Исторические чтения на Лубянке. 2001.
72. Стихи о Ленине. – М.: Детская литература, 1974. – 127 с.
73. Стругацкий Б. Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики: Роман / Б. Стругацкий. – М.: Текст, ЭКСМО, 1997. – 463 с.
74. Струмилин С.Г. Статистика и экономика / С.Г. Струмилин. – М.: Наука, 1979. – 490 с.
75. Твардовский А.Т. Ленин и печник / А.Т. Твардовский. – Киев: ВЕСЕЛКА, 1985. – 15 с.
76. Тепляков А.Г. О коррупции в органах НКГБ-МГБ СССР 1940–1950-х гг. / А.Г. Тепляков // Общество. Интеллигенция. Репрессии: Сб. статей к 60-летию профессора С.А. Красильникова. – Новосибирск: Сова, 2009. – С. 205–223.
77. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации / М.И. Туган-Барановский. – М.: Экономика, 1989. – 496 с.
78. Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 2. – М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 1087 с.

79. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 1376 с.
80. Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год / В.В. Шульгин. – М., 1990. – 449 с.
81. Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия / Й.А. Шумпетер. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.
82. Шэфле. Сущность соціализма / Шэфле. – Издание Вл. Распопова, 1906. – 100 с.
83. Черная Е.Н. Кадровая политика в системе НКВД РСФСР (1921–1930 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодарская академия МВД России, 2006. – 17 с.
84. Энциклопедический словарь. – М.: Гос. науч. издат: Большая советская энциклопедия, 1954. Т. 2. – 719 с.
85. Энциклопедический словарь. – М.: Гос. науч. издат: Большая советская энциклопедия, 1955. Т. 3. – 744 с.
86. Brym R.J., Gimpelson V. The Size, Composition, and Dynamics of the Russian State Bureaucracy in the 1990s // Slavic Review. 2004. Vol. 63. № 1. P. 109.
87. Figes Orlando. A People's Tragedy. – NY: Viking, 1998. 960 p.
88. Lange Oskar. On the Economic Theory of Socialism: Part Two // The Review of Economic Studies. Vol. 4, No. 2 (Feb., 1937), pp. 123-142.
89. Maurice Dobb, M.A. Soviet Economic Development Since 1917. – London, Routledge & Kegan Paul Ltd, 1948. – pp. 102-103.
90. Mun Thomas. England's benefit and advantage by foreign trade, plainly demonstrated. – Horne, 1698. – 175 p.
91. Orwell George. Animal Farm and 1984. – Houghton Mifflin Harcourt, 2003. 400 p. Panin D.M. Works in 4 volumes. Volume 1. Lubyanka-Ekibastuz. – М.: Rainbow, 2001. – 488 p.
92. Wallerstein Immanuel Maurice. World-systems Analysis: An Introduction. – Duke University Press, 2004. – 109 p.

Интернет-источники

93. Рахманов А.Б. Люмпенизация и люмпенские идеологии от Диогена Синопского до Э. Лимонова. – <http://marksizm.ucoz.ru/publ/39-1-0-375>.
94. Capitalism. – <http://global.britannica.com/topic/capitalism>
95. Socialism. – <http://global.britannica.com/topic/socialism>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Маргиналы и люмпены	7
2. Капитализм и социалистическая идея.....	20
3. Россия и «диктатура пролетариата»	41
4. Люмпен-пролетариат в России в первый этап его диктатуры	54
5. Второй этап диктатуры люмпен-пролетариата.....	74
6. Трансформация диктатуры люмпен-пролетариата в диктатуру номенклатуры	84
7. Булыжник – оружие пролетариата; ложь – оружие люмпен-пролетариата	101
8. Формирование коммунистического верования	118
9. Диктатура люмпен-пролетариата как всеобщее явление XX века	126
10. Распад СССР и роль люмпен-номенклатуры в этом процессе.....	133
11. Who is mr. Putin?	149
12. Люмпен-номенклатура в современной России – сохранение традиций советского прошлого	158
13. Верные сыны и дочери современной партноменклатуры России	174
14. Моделирование социально-экономической динамики	187
Заключение.....	194
Библиографический список.....	202

Научное издание

Светуньков Сергей Геннадьевич

**ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ:
РОССИЯ**

Подписано в печать 20.03.17. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 13,0. Тираж 100 экз. Заказ 183.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ